

СЕВЕРНЫЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ МЕДИЦИНСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

МОЁ СВЯТОЕ РЕМЕСЛО

*к 100-летию со дня рождения
профессора Марии Владимировны Пиккель*

Архангельск

2011

УДК 616-053.2 (091)(470.11) + 616-053.2 (092)(470.11) + 929 (Пиккель М.В.) + 881-2
ББК 57.3г (2Рос-4Арх) + 57.3д (Пиккель М.В.) + 84(2Рос=Рус)-5
М 74

Авторы-составители: **Л.А. Зубов**, кандидат медицинских наук, доцент кафедры педиатрии № 2 СГМУ;
А.В. Андреева, директор музейного комплекса СГМУ.

Рецензент: **Т.Н. Иванова**, доктор медицинских наук, профессор, почетный доктор СГМУ, заслуженный врач РФ.

М 74 **Моё святое ремесло (к 100-летию со дня рождения Марии Владимировны Пиккель)** / авт.-сост. Л. А. Зубов, А. В. Андреева ; рец. Т. Н. Иванова. – Архангельск : Тип. «Пресс-Принт», 2011. – 154 с.

Издание посвящено 100-летию со дня рождения профессора Марии Владимировны Пиккель – замечательного врача, профессора-педиатра, поэта-переводчика. В книге приводятся воспоминания самой Марии Владимировны, ее коллег и друзей, учеников. Она считала педиатрию святым ремеслом. Своим примером беззаветного служения детям, своей добротой, интеллигентностью Мария Владимировна пробудила у многих интерес к педиатрии, воспитала целую плеяду достойных учеников и последователей.

М.В. Пиккель стала первой женщиной-профессором среди выпускников Архангельского медицинского института. Она удостоена высокого звания «Почетный гражданин города Архангельска». Блестяще владея тремя языками, Мария Владимировна посвятила себя с 1978 года переводу поэзии. В книге помещены стихи М.В. Пиккель. Издание богато иллюстрировано фотодокументами многих лет.

Книга будет интересна всем, кто изучает историю медицины на Севере, студентам, преподавателям, практическим врачам.

Авторы выражают свою признательность и сердечно благодарят за финансовую поддержку в издании книги профессора В.И. Макарову и профессора Е.Н. Сибилеву – учениц профессора Марии Владимировны Пиккель
Авторы благодарят сотрудников музейного комплекса СГМУ за профессиональную обработку архивных материалов и творческую подготовку к 100-летию со дня рождения Марии Владимировны Пиккель.

УДК 616-053.2 (091)(470.11)+616-053.2 (092)(470.11)+929 (Пиккель М.В.)+881-2
ББК 57.3г (2Рос-4Арх)+57.3д(Пиккель М.В.)+84(2Рос=Рус)-5

© Зубов Л.А., Андреева А.В., 2011
© Северный государственный медицинский университет, 2011
© ООО «Типография «Пресс-Принт», 2011

Вера Чиркова, Татьяна Иванова

НА ВСЮ ОСТАВШУЮСЯ ЖИЗНЬ

Мария-Дагмара Владимировна Пиккель родилась 3 апреля 1911 года в Гатчине под Петербургом. Ее прародители приехали из Германии в XIX веке. Один дед был саксонским стеклодувом, другой – имел талант художника, был скульптором по надгробиям и гравером.

Отец Марии Владимировны, Владимир Эрнестович, закончил в Петербурге Военно-Медицинскую Академию и служил полковым врачом в гатчинском Кирасирском полку. Шефом этого полка была императрица Мария Федоровна (датское имя – Дагмар) – мать последнего царя Николая II. Отсюда второе имя Марии Владимировны – Дагмара, так как императрица была ее крестной матерью (возможно, как для детей всех офицеров Кирасирского полка).

Во время Русско-Японской войны 1904 года императрица на свои личные деньги организовала санитарный поезд, главным врачом которого был назначен отец Марии Владимировны. Этот поезд прошел самый длинный путь – Великую Сибирскую магистраль (от Челябинска до Владивостока 7416 км). Расстояние от Петербурга до ближайшего к фронту эвакогоспиталя в Харбине (Северо-Восточный Китай, Маньчжурия) более 10 000 км. В санитарном поезде было еще 2 врача и много добровольных сестер милосердия, в основном это были женщины из аристократических семей, отправившиеся в этот трудный путь за своими мужьями-офицерами. Вряд ли они имели достаточную медицинскую практику (их надо было всему обучить), но работали очень хорошо: помогала общая культура, гуманность, искреннее желание сделать все возможное, чтобы облегчить страдания раненых. В уходе за ранеными помогали солдаты.

После Японской войны отец Марии Владимировны имел счастье обучаться практике педиатрии в Петербурге в первой детской больнице у известного педиатра Карла Андреевича Раухфуса. Больница была построена по его проекту и чертежам, она предусматривала все необходимое для ухода за больными детьми. Приобретенный здесь опыт очень помог Владимиру Эрнестовичу в работе после революции в детской лечебнице для хронически больных детей в Гатчине, отсюда же и опыт, который он смог передать Марии Владимировне.

В этой лечебнице в самые трудные послереволюционные годы работала, закончив 2 курса Петербургского Медицинского института, старшая сестра Марии Владимировны – Надя. Здесь же, в 7-летнем возрасте, состоялось первое знакомство Марии с медициной и тяжело больными детьми.

В своих «Воспоминаниях» она рассказывала об этой первой встрече с туберкулезным менингитом как о «знаке судьбы». С тех лет началась ее постоянная забота о больных и знакомство с медициной.

В лечебнице Мария проводила все дни. Надя взяла ее к себе, в маленькую комнатку при больнице, так как их мама была тяжело больна. Отец эвакуировался с госпиталем, где уже были красные солдаты, в неизвестном направлении (при подходе к Петербургу войск Юденича). Тетушки уехали в д. Ящера, где был небольшой дом их отца: там хоть как-то можно было прокормиться натуральным хозяйством. В гатчинском доме семьи было страшно холодно и голодно.

В 1918 году умерли средняя сестра Вера, а за ней, не пережив горя и тревоги за близких (сын ушел с белыми, муж неизвестно где), умерла и мать. В 7 лет маленькая Мария осталась сиротой, заботу о ней взяла на себя Надя.

Когда вернулся из эвакуации отец, он стал помогать Наде в детской лечебнице и занимался переводами с немецкого и французского медицинской литературы. Как ни странно, эти переводы в издательстве медицинской литературы в Петербурге были востребованы и стали единственным средством существования семьи Пиккель.

Однако репрессии 30-х годов не обошли и семью Марии Владимировны. В 1928 году были арестованы и сосланы в Соловецкие лагеря отец и муж Нади. Надя с 3-мя детьми и Мария перебрались в Ящеру к тетушкам.

После освобождения отец уже не мог вернуться в Гатчину и с большим трудом нашел работу в небольшой районной больнице ст. Локня Калининской области.

Здесь началась настоящая медицинская практика Марии Владимировны. Она приехала к отцу и начала работать сначала регистратором, а затем медицинской сестрой. Отец передал ей опыт работы с больными, научил готовить лекарства и микстуры (с тщательным взвешиванием всех компонентов на аптекарских весах). Приехавший в больницу опытный хирург предложил ей выполнять функции операционной сестры. «Работа в больнице меня очень увлекла, я любила своих больных и выхаживала их по совести» – пишет Мария Владимировна в своих «Воспоминаниях».

«Несмотря на отсутствие медицинского образования, я так научилась ухаживать за больными и за детьми, что мне никогда не было трудно. Я делала это с искренним чувством и поняла, что медицина – мое призвание».

В начале мая 1936 года с удостоверением сотрудницы Локнянской больницы и характеристикой от Локнянского райгруппкома Союза медсотрудников Калининской области Мария Владимировна поехала поступать в Медицинский институт в Архангельск.

В Архангельске, освободившийся из лагеря муж Нади, нашел работу преподавателя физкультуры в школе, и Надя, уже с 5-ю детьми жила там.

Поступить в институт и даже на Рабфак «лишенке» (лишена избирательных прав, как дочь бывшего офицера царской армии – врага народа), и без всяких документов об образовании (даже начальном, полученном дома) было весьма проблематично. Но, однако, на Рабфак ее взяли и даже через день после начала занятий и проверки ее знаний, перевели сразу на 3-й курс. Через год, в 1938 году, Мария Владимировна, успешно сдав экзамены, поступила в Медицинский институт (АГМИ).

В 1941 году грянула война, студентам за один год предстояло пройти два последних курса института. Были отменены каникулы, а все выходные дни были заняты усиленной подготовкой к зачетам.

Лекции по педиатрии читал профессор Ю.В. Макаров, они очень увлекли Марию Владимировну. Она твердо решила стать педиатром. После отлично сданного экзамена по педиатрии, Юрий Васильевич Макаров предложил ей дежурства в клинике и работу в детских яслях, размещавшихся рядом с детской клиникой. Она с радостью согласилась. Так, еще до окончания института началась ее практическая врачебная работа.

После окончания института 15 июня 1942 года Мария Владимировна была направлена на работу в детское отделение I городской больницы, которая в то время была кафедрой детских болезней Медицинского института.

В ведении Марии Владимировны был изолятор в отдельном флигеле во дворе больницы. Сюда в то время поступало много, почти умиравших от истощения и болезней детей из осажденного Ленинграда, вывезенных по «дороге жизни» через Ладожское озеро.

«У 4-5 детей была – нома, – вспоминает она. – Эта болезнь называлась «водяной рак», что предвещало неминуемую гибель, но истинной причиной ее были не злокачественные клетки, а неуправляемый распад воспаленных тканей под влиянием гнилостных бактерий при полном отсутствии защиты организма больного».

Юрий Васильевич поручил их лечить мне, консультировал, но прогноз считал практически безнадежным. Трудно представить борьбу за их жизнь. Мне пришлось в голову начать лечить их переливанием крови и только что появившимся сульфидином, действовавшим на многие не-

излечимые тогда инфекции, например, острый менингококковый менингит. Это лечение оказалось эффективным. Не умер ни один ребенок, хотя выздоровление шло медленно, в течение нескольких месяцев.

Я связалась с военным госпиталем, где был квалифицированный стоматолог. Он был очень удивлен результатами лечения и помог в отношении операций на челюстях и костной пластике: во время болезни рот у больных был страшной гноящейся зловонной раной на истощенном до крайности лице».

Далее из ее «Воспоминаний»:

«После результатов лечения больных номой Юрий Васильевич решил, что я способна к научной работе и мое место в институте. Он предложил мне очень актуальную тему научной работы «о сочетании рахита с дистрофией у детей в возрасте от 1 месяца до 3-х лет». На вопрос, как к ней подойти, ответил: «А вы сами покрутите со всех сторон и получится». О методике – два слова рентгенограмма и фосфор крови».

С огромными трудностями в совершенно самостоятельной работе и лабораторных исследованиях к 1947 году Мария Владимировна закончила работу над кандидатской диссертацией. В марте 1947 года в Казани Мария Владимировна защитила эту кандидатскую диссертацию.

После защиты диссертации, с апреля 1947 года Мария Владимировна стала ассистентом кафедры детских болезней Мединститута. Кроме того, Облздрав предложил ей работу по совместительству в спецбольнице Облсполкома, где она вела прием, обслуживала больных на дому и лечила их в детской городской клинической больнице.

Она согласилась, так как работа была очень нужна, ведь с 1943 года, после смерти сестры Нади, она одна поднимала шестерых племянников, только старшая из которых к 1943 году окончила школу. Она всегда бралась за любую работу, преодолевая неимоверное напряжение сил и нервов.

«К этому времени, – вспоминает она, – я видела уже все виды менингита: менингококковый, серозный различной этиологии, и туберкулезный. Все виды, кроме туберкулезного, уже можно было лечить всеильным тогда пенициллином. «Поставить диагноз туберкулезного менингита, как говорил известный педиатр Медведков, – значит приговорить ребенка к смерти».

Борьба с этой болезнью стала еще одним «знаком» моей судьбы и стала главной задачей в моей жизни в течение последующих 8 лет», – пишет Мария Владимировна в «Воспоминаниях».

В инфекционной больнице разрешили открыть специальное менингитное отделение на 10 коек для таких больных. Дети поступали со всей

области, чаще всего в последней стадии заболевания, когда и стрептомицин уже не помогал. В 1949 году из поступивших больных не выжил ни один. «Каждую ночь я видела во сне этих больных».

«В 1950 году мне удалось получить командировку в Москву, в клинику Давида Самойловича Футера, где смертность была невелика. Педиатр Футер научил меня не только лечению этих больных, но и показал важность лечения. Он предложил мне работу в этой области». Главные выводы и материалы для докторской диссертации были готовы к 1965 году, через 7 лет работы над проблемой.

«К этому времени появился новый препарат – изониазид, синтезированный за границей, а позднее – наш отечественный – «Фтивазид». Сначала его применяли в сочетании со стрептомицином, но оказалось, что одного фтивазида было достаточно для эффективного лечения. Этому были посвящены мои наблюдения и выводы, еще неизвестные в литературе».

«Работа по туберкулезному менингиту очень быстро обогащалась важными данными, так как таких больных было очень много, к сожалению, часто умиравших. Это давало возможность патогистологическим методом обнаруживать очаги поражения в различных отделах головного мозга. При этом, мой 10-летний срок работы с этими больными, включал уже и новые методы лечения другими препаратами, давая богатый опыт для научной работы. Материал был многосторонним и давал важные, еще неизвестные результаты».

Докторскую диссертацию Мария Владимировна смогла представить к защите в 1966 году, которая была успешно защищена, ее тема: «Туберкулезный менингит и его клинические формы при современных методах лечения».

«Настоящее облегчение в лечении этого заболевания пришло только в 60-е годы. Сейчас об этом заболевании у детей, да и у взрослых, приходится вспоминать в связи с возросшим количеством нераспознанных форм туберкулезного менингита у взрослых в последние годы».

Таковыми были самые напряженные этапы в жизни Марии Владимировны.

Дальше шла обычная работа в клинике, заведование кафедрой детских болезней Мединститута с 1965 года, работа со студентами, врачами, консультации.

В 1978 году – выход на пенсию. С 1980 по 1988 год она еще продолжала работать профессором-консультантом педиатрической клиники.

После выхода на пенсию начался новый – творческий этап жизни Марии Владимировны. Увлечение поэзией, прошедшее через все ее жизнь, перешло в страстное увлечение поэтическими переводами. С детства

зная языки – немецкий, французский и английский, не практикуясь в разговорном, но свободно читая книги на этих языках, она с восторгом ушла в занятие поэтическими переводами. Она изучает специальную литературу о работе над переводами, появляются первые публикации в Областной печати, с помощью друзей выходят первые сборники переводов: «Отражения», «Искры», «Ручей жизни» из лирики зарубежных поэтов.

Случайная встреча с поэзией гениального австрийского поэта Райнера Марии Рильке стала для нее еще одним «знаком» судьбы на всю оставшуюся жизнь. Страстное погружение в его поэзию, философию, увлеченность переводами его произведений вернула ей духовную связь с Богом, веру, когда-то утраченную в силу тяжелых жизненных обстоятельств.

Завязываются духовные связи с почитателями и переводчиками его поэзии. Выходят ее сборники переводов произведений Рильке «Дуинские элегии», «Часослов».

Итогом этого творческого периода стало издание «Избранная лирика» Райнера Марии Рильке. Все это стало возможным только с помощью друзей, многолетнего титанического совместного труда над изданием этого двуязычного сборника (чтобы можно было сравнить и оценить качество перевода с оригиналами). Весь набор, в том числе и текста оригинала, выполнял Борис Михайлович Егоров – директор Архангельского литературного музея. Его трудами осуществлялось и само издание этого сборника. Книга нашла своих читателей и в России, и за рубежом. Ее приобрел в президентскую библиотеку В.В. Путин. В 1998 году Мария Владимировна была приглашена в Германию на конференцию, посвященную творчеству Рильке, но поехать не смогла. Завязались знакомства с очень интересными людьми, почитателями поэзии Райнера Марии Рильке.

Ее имя стало известно. В 2001 году Марии Владимировне было присвоено звание «Почетного гражданина города Архангельска».

Последние годы жизни ее были заняты работой над «Воспоминаниями», охватывающими всю трудную и трагическую эпоху в жизни семьи и страны. «Воспоминания» она посвятила и оставила своим детям, которым отдала всю свою жизнь, заменив мать.

Мария Владимировна Пиккель скончалась 14 января 2008 года на 97-м году жизни, оставив в сердцах своих детей светлые и благодарные воспоминания. Она похоронена на Вологодском кладбище г. Архангельска.

Об авторах: Чиркова Вера Николаевна, младшая племянница М.В. Пиккель; Иванова Татьяна Николаевна, профессор, Почетный доктор СГМУ, одна из старших племянниц М.В. Пиккель.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ М.В. ПИККЕЛЬ

Сейчас, в наше все еще по-прежнему трудное время, люди так хотят, вспомнить не только о своем личном прошлом, но и узнать о своем родстве. Люди ищут потерянных еще в раннем детстве родных и счастливы, когда их находят.

Инстинкт семьи, исчезающий у животных, когда их дети становятся взрослыми – это естественно, потому что молодые животные уже не нуждаются в родителях, и они их забывают.

У человека, наоборот, естественно любить родных до последних дней. Страшно, когда человек в этом отношении уподобляется животному. Хотя как много того, чему надо учиться у животных, особенно у собак: верности, благодарности за добро, но это уже другой разговор.

В наше время известно, что к наследственным особенностям человека относятся черты характера, важные биологические особенности, даже ген моногамии (верности единственному браку), склонность к профессии, характеру труда и т.д. В моей семье тоже есть эти особенности, поэтому я буду касаться их в своих воспоминаниях.

Но есть и другое понятие – наследие. Оно относится к духовному опыту поколений, накопленному в течение жизни человека и его семьи, которое можно и нужно передавать, главное в этом – опыт добра, любви и убеждений, последние нельзя передать, но над этим надо задумываться.

Мне все это кажется более доходчивым через поэзию. Много лет у меня лежал перевод одного стихотворения Рильке, несравненного для меня ни с кем, гениального поэта начала XX века. Он не получался из-за длительного освоения глубинных особенностей Рильке, а также, из-за технических сложностей перевода его стихов. Перевод сложился только сейчас, когда я сама прикоснулась к жизни своей семьи в трех её поколениях (семьи деда, отца, моей, моих сестер и брата).

Этим поколениям и их потомкам посвящается этот перевод.

Болотные огни
К нам тянутся связи от древних веков,
От мира болотных огней.
Встречаю здесь бабок двоюродных вновь,
И стал мне отныне ясней

Фамильный характер их, вижу — он мой
Ничья его власть не убьет:
Тот порыв, тот разрыв, поворот и полет—
Не освоит такого другой.
И я тоже там, где дорог уже нет,
В том чаду, обойденном другим.
Часто вижу себя: сам я — гаснущий свет
Под веком своим.

Я не поясню пока этого стихотворения. То, что на первый взгляд в нем может показаться странным, разъясняется при дальнейшем повествовании на примере общих черт в поколениях и нашего рода.

ПЕРВАЯ ДИССЕРТАЦИЯ

Огромные трудности работы над ней. Самое трудное — освоение лабораторной методики (всего-навсего определения фосфора в крови), но одной, без всякой помощи и любви к лаборатории.

А делать простые рентгенограммы лучезапястных суставов, вернее метафизарной зоны — целая проблема: нет пленок, нет рентгенотехника, побиралась, где могла, включая госпиталь. Там случайно нашелся человек, доктор Кудеш, который мне очень помог, проконсультировал снимки и, что не менее важно, дал возможность сделать под его руководством снимки в госпитале. Я на всю жизнь поняла, что значит для диссертанта хорошая, умная тема. Её мне дал Юрий Васильевич. На вопрос, как мне к ней подойти, он ответил, глядя мне прямо в глаза своими пронизательными и великолепными глазами: «А вы сами покрутите вопрос со всех сторон и — получится!» О методике — два слова: рентгенограммы и фосфор крови.

Я поняла совершенно ясно, что все надо думать, делать и писать самостоятельно. Я окончила институт в 1942 году, защитила диссертацию — в 1947. Никакого ритуала защиты я не знала. Юрий Васильевич относился к этому совсем не так, как теперь относятся руководители. Кстати, прочел он диссертацию уже напечатанную. Мы с ним просидели за правкой всего одну ночь и все!

Доклада я не писала, конечно, не репетировала, только составила конспект, который в волнении забыла. Говорила без бума-

жек. Превысив регламент на 4 или даже 5 минут. Никто не остановил, не прервал. Голосование — из 31 один — против. Заключительного слова не помню, но самое действительно ужасное и непростительное, что в заключении я не поблагодарила своего руководителя... Как это случилось, я не знаю сама, но не прощаю и не прощу себе этого никогда. На самом же деле, благодарность ему и его жене, Герме Адольфовне осталась во мне навсегда.

В диссертации было много недостатков в оформлении (тогда это было не так важно, как теперь), были неточности в методике, вообще не очень точной. Но был собственный труд и собственные мысли. Заключением я гордилась, как собственным творчеством. Знаю точно, что сущность работы была правильной, а мысли — оригинальны. Пишу об этом потому, что этой работой закладывался фундамент нестандартного и самостоятельного клинического мышления. В этом — главное. Кстати, вдруг появилось желание описать период перед защитой, защиту и пребывания в Казани, где она проходила.

Ехать в Казань мне было не в чем и не на что. Соорудила себе какую-то вязаную кофточку, на большее возможности не оказалось. Таисья Петровна дала мне свое демисезонное пальто (как оно мне подошло, не представляю сейчас: габариты у нас резко отличались). Ехала я с пересадкой в Москве, где остановилась у Марты, единственного близкого друга. Она критически осмотрела мой общий вид с «парадной» кофточкой, открыла шкаф и вынула свой, тоже, кажется, единственный, парадный костюм, строгий синий с какими-то редкими светлыми искорками, дала мне со словами: «Примерь!» Размер у нас был примерно один, и костюм превратил меня в нечто более или менее соответствующее значительности события.

В Казань я ехала в ужасных условиях, на сидячем боковом месте в общем вагоне. Из-за переполненности вагона на боковом нижнем месте сидели 3 человека, в середине оказалась я. С одной стороны качался какой-то пьяный, с другой — молодой матрос. Он вел себя грубовато — прилично, и в середине ночи предложил мне свое плечо для опоры. Я этим воспользовалась и задремала. И в душе осталась благодарность, живая и сейчас.

Казань меня встретила непролазной, невыразимой грязью и милым, сдержанно интеллигентным приемом Макаровых. Они оставили меня у себя. Жили они в 3х комнатной квартире, мне она казалась дворцом. Обстановка была скромной — всякие современные интерьеры отсутствовали, но индивидуальность жилища была отчетливой.

По приезде я узнала, что мой «главный» оппонент, Ефим Моисеевич Ленский, тяжело болен, перенес инфаркт, осложненный пневмонией, но отзыв его зачитают. Со вторым оппонентом тоже все было благополучно.

Внешне спокойная, доброжелательная женщина, диссертацию похвалила, успокоила.

Диссертацию я защитила в марте 1947 года.

МОЯ РАБОТА С ТУБЕРКУЛЕЗНЫМ МЕНИНГИТОМ

Диагноз туберкулезного менингита был в то время подобен приговору, который обжалованию (здесь – лечению) не подлежит. Как говорил известный педиатр Медовиков: «Поставить такой диагноз – значит приговорить ребенка к смерти». Я знала это не по слухам и словам врачей, я видела эту болезнь в нашей клинике, где дети умирали довольно часто. Я слышала тяжелые признания моего отца в невозможности вылечить таких больных из его собственной практики, а он был тоже врач по призванию и хороший диагност. А еще я вспоминаю первую мою встречу с этой страшной болезнью в Гатчинской лечебнице, созданной великим Раухфусом и памятным даром О.П. Ковалевой, – это лежащий неподвижно больной ребенок, над которым витала смерть.

У себя в клинике я работала в палате, где лежали больные с разными по этиологии формами менингита, главным образом с менингококковыми, различными видами серозных (не гнойных), в том числе и с туберкулезным менингитом. С появлением пенициллина менингококковый – излечивался полностью, все серозные – излечивались просто хорошим уходом и симптоматическими средствами, туберкулезный менингит – оставался неизлечимым.

Однажды случилось так, что я получила вызов на дом к одной девочке лет 9. Она была дочерью известного в Архангельске композитора Кольцова. Оля была очень красивой и светлой (я замечала потом, что все без исключения больные туберкулезным менингитом были полноценными детьми без врожденных дефектов, не знаю почему). Девочка была вялой, но в полном сознании. Мать рассказала, что дня 3-4 назад она стала плохо есть, приходила из школы усталой, потом стала жаловаться на головную боль, а на 3й день недомогания появилась рвота еще до приема пищи утром. Такой анамнез очень насторожил меня, и я стала искать

менингиальные симптомы, но я их не обнаружила при самой тщательной попытке их выявить. Температура у девочки была 37 с десятыми, точно не помню сколько. Я сказала матери, что приду завтра утром, пока не поставив диагноз, но сильно подозревая менингит. На следующее утро общее состояние не улучшилось, минимальные симптомы были не убедительны, но головная боль усилилась. Была еще раз рвота, стул задержан. Я немедленно её госпитализировала. Это имело смысл, т.к. к этому времени был открыт стрептомицин и, более того, был известен способ его введения, непосредственно в жидкую среду нервной системы (спинно-мозговой канал). Я разрешила матери поехать в клинику и подождать до проведения пункции для подтверждения диагноза. Диагноз был подтвержден. Когда я вышла к матери и сказала, что у девочки серозный менингит, она, чуть помолчав, сказала твердо, без слез, сдержанно: «Это значит – туберкулезный». Оказалось, что мать, очень интеллигентная женщина, работала не только главным редактором местной газеты, но и редактировала многие научные работы, в частности работу директора Мединститута Ерофеева, докторская диссертация которого была посвящена патологической анатомии туберкулезного менингита. Мать хотела взять девочку домой, зная, что она безнадежна. Но я была близко связана с детским сектором Облздрави и вспомнила разговор о том, что в Министерстве есть какие-то сведения о стрептомицине, совершенно новом противотуберкулезном препарате. Я уговорила мать оставить ребенка в клинике и разрешила остаться в клинике ей для ухода за ребенком, что было по тем временам чуть ли не преступлением против категорического запрета матери оставаться с ребенком, да еще старшего возраста. Но я надеялась достать стрептомицин.

Я пишу об этом так подробно, потому что это было начало эпохи в медицине – медикаментозного специфического лечения туберкулеза и, особенно, самой страшной его формы – менингита.

Здесь есть интересное в мировом масштабе совпадение. Стрептомицин был синтезирован микробиологом Соломоном Ваксманом, родившимся в Одессе и эмигрировавшим в Америку еще до революции, а способ лечения туберкулезного менингита, не поддававшегося обычному лечению, был предложен в 1944 году в России академиком – физиологом Линой Штерн, родившейся в Швейцарии и переселившейся в Россию еще до революции. Её очень ценили в России как крупного физиолога, главным образом, в области ткане-

вых барьеров, т.е. способности тканей не впускать в себя вредных для тканей веществ. Ею было предложено введение стрептомицина непосредственно в спинномозговую жидкость, минуя кровяное русло, в спинномозговой канал. В нашей стране этот метод лечения стал применяться в Москве профессором Футером с 1945(46) года. Тогда стрептомицин был очень дорог, и Минздрав приобрел его пока только для опытного отделения в клинике Футера.

Девочка, бывшая под моим наблюдением, заболела в 1948 году, когда в Архангельском Облздравотделе уже имелись эти сведения, я об этом тоже уже знала. Мы немедленно запросили лекарство через детский сектор Минздрава, на что получили краткий ответ: «Стрептомицина в стране нет». Девочка умерла. Для бедной Олечки Кольцовой стрептомицина не досталось.

И вот в 1949 году мы получили разрешение выделить в детской больнице 10 коек для лечения этих больных из всех районов области и Архангельска. Можно понять, с каким увлечением я принялась за это дело. Это было то внутреннее увлечение, которое становится главным в жизни, что я условно назвала переходом к новому в моей судьбе. Несмотря на это, я не чувствовала никакого духовного изменения в себе, хотя было состояние ухода от прежнего. Эта работа стала главной в моей жизни в течение 8 последующих лет.

Первые 1,5 года было невероятно трудно. Нам разрешили открыть специальное отделение на 10 коек. Необходимо было создать наилучшие условия для этих больных, начиная с постели, белья и пеленок, (все должно было быть наилучшим и удобным) и кончая персоналом, добровольно идущим на эту трудную работу. Дети поступали большей частью с последней стадией заболевания, когда и стрептомицин не помогал. Собственный опыт в провинциальных центрах лечения был уникальным и очень разным, и делиться опытом было не с кем. Для меня был самым трудным сам метод лечения, и проводила его только я сама, даже не лечащий врач. По рекомендации Штерн следовало вводить стрептомицин в спинной мозг между верхними позвонками, рядом с жизненно важными центрами спинного и головного мозга. Трудно представить себе, причем именно теперь (в старости все много страшнее прежнего), как я все это перенесла, главное – это страх, что ребенок умрет на столе. Однажды я получила при этом кровь, это было уже самое страшное, но все обошлось. Я поняла, что это было незначительное повреждение капилляра. Каждую ночь я видела во сне только этих больных.

Койки заполнялись довольно быстро, но так же быстро и освобождались: больные умирали. Из поступивших в 1949 году ни один ребенок не выжил. И стрептомицин не помогал. В 1950 году мне удалось получить командировку в клинику Футера, где смертность была совсем небольшой, и все шло нормально. Когда я приехала туда, то поняла причину такого результата: больных в тяжелом и безнадежном состоянии они в клинику не брали. А мы брали всех, да и, вообще, в Москве было не так много тяжелых форм: общий туберкулез в Москве и Архангельске не сопоставим по количеству больных и тяжести туберкулезного процесса.

Самое главное, что выявилось при поступлении этих больных, это огромная заболеваемость туберкулезом в области. Был, например, случай, когда больная туберкулезом (никем не выявленным) поступила в родильное отделение и кормила грудью не только своего ребенка, но и ребенка соседки, у которой не было молока. Оба ребенка заболели и поступили к нам. Ребенок больной женщины был тяжелее и умер. Ребенок здоровой матери, несмотря на ранний возраст (3 месяца), выздоровел без остаточных явлений и развивался соответственно возрасту. У меня даже есть фотография этой девочки в 3-х-летнем возрасте.

Описывать клинику туберкулезного менингита в этих воспоминаниях нет смысла. У меня есть краткая монография, включающая главные, но мало изученные формы туберкулезного менингита и все важные и в то время еще не решенные вопросы и атипичные случаи, затрудняющие диагностику.

При повторном посещении клиники профессора Футера я была встречена очень тепло, и уже не спрашивали, как в первый приезд: «Кто вы, невропатолог или педиатр?» Уже тогда Давид Соломонович Футер направил меня не только на лечение больных, но и на своевременность включиться в научную работу в этой области. И я пошла на это, собрала необходимый материал, подкрепленный длительными наблюдениями и патологоанатомическими материалами. Главные выводы и материалы для докторской диссертации были готовы к 1965 году. От начала работы прошло к этому времени 7 лет.

Настоящее облегчение в лечении этого заболевания пришло через несколько лет, уже в 60е годы прошлого века (как это странно звучит теперь – «прошлый век»). В это время появился новый препарат – изониазид, синтезированный за границей, а потом и наш отечественный препарат – фтивазид. Сначала его применяли в сочетании со стрептомицином, но оказалось, что это не нуж-

но: одного фтивазида было достаточно для эффективного лечения. Этому были посвящены мои наблюдения и выводы, еще неизвестные в литературе.

Это открывало и новые подходы к вопросу о продолжительности лечения, несмотря на благоприятный клинический результат и нормализацию ликвора.

Был один такой случай, уже после моего ухода на пенсию, когда ребенок погиб из-за отсутствия опыта у современных педиатров, т.к. считается, что туберкулезный менингит уже побежден и не встречается уже давно.

А сейчас об этом заболевании у детей, да и у взрослых тоже, приходится вспоминать в связи с, несомненно, возросшим количеством нераспознанных туберкулезозов у взрослых за последние годы, и это понятно почему...

Вспоминается один случай, когда я уже давно закончила работать с туберкулезным менингитом: он был практически побежден. Во время одной консультации в спецбольнице Александр Григорьевич встретился с неясным диагнозом у девочки 12 лет. Он подозревал у неё туберкулезный менингит, показал её мне, и я была с ним вполне согласна. У меня уже был большой опыт лечения таких больных фтивазидом и, более того, одним только фтивазидом без рекомендованных комбинаций. Это позволяло лечить больных таблетками и без мучительных пункций. Я была уверена, что можно сократить срок пребывания этой девочки в больнице. Я взяла её под свое наблюдение, и она очень ко мне привязалась. Я решила, что буду лечить её дома, обеспечив консультацию фтизиатра (нужны были, главным, образом рентгенограммы). Я приходила к ней домой сначала каждый день, потом через день, потом 1 раз в неделю — и так целый год. Она выздоровела. Я не теряла её из вида, даже когда она поступила в Пединститут. Потом она вышла замуж, и её дочь, Варя, кажется, уже окончила школу.

Считается, что болезнь ликвидирована, но встречаются отдельные случаи и сейчас, и больные погибают при полной возможности излечиться, и с этим я встречалась даже в последние годы, сейчас, когда детское здравоохранение ухудшилось по сравнению с советским периодом.

Впрочем, вся педиатрическая служба в Советском союзе была поставлена несравненно лучше, чем сейчас. Это для меня — единственное добро при советской власти, Впрочем, это главным об-

разом заслуги и энтузиазм честных людей, попавших в администрацию.

В течение жизни — судьбы у меня всегда наступает такое переживание, которое я называю поворотом судьбы. Оно тоже длится определенное время. Это время увлеченности, горячей и глубокой, которую иногда можно даже не замечать, а вспоминается только теперь, в моем возрасте, когда смотришь на себя уже по прошествии того времени и не ищешь для себя какого-то отдаленного смысла происходившего. Это очень чистое переживание, таким же оно остается и после его окончания.

Такой была моя работа с туберкулезным менингитом.

ЕЩЕ ОДНО ДЕЛО МОЕЙ ЖИЗНИ

Чем дольше живешь, тем больше потерь выпадает на твою долю. Кажется, что уже нет сил пережить все это, но, если Господь еще не призывает тебя к себе, значит считает, что твои дела на земле не закончены, и дает тебе силы завершить их. Наверное, подаренная мне судьбой встреча с поэзией Рильке, её глубочайшая духовность и через неё мой возврат к вере, дали мне силы жить дальше и продолжать главное на склоне моих лет дело — переводы его стихов.

Переводы поэзии Рильке

Начатые с благословения Майи переводы стихов Рильке стали главным в моей личной жизни после всех перенесенных потерь, причем, вскоре я перешла на «Часослов», означающий — молитвы на определенные часы суток. Я подумала, что влекло меня тогда к этому слову молитвы? При этом, как я потом обнаружила, были переведены стихи и из других сборников. Мне казалось необходимым перевести весь «Часослов». Это было важным для его понимания, и я на это решилась. Переводила, забывая обо всем, страстно, как обессиленное от жажды существо, нашедшее воду. Это не преувеличение.

В переводах не хватало, конечно, глубины этой несравненной поэзии, да и хорошего знания родного по крови языка. Он исчезал в русском, таком необъятном и прекрасном, языке моей фактической родины.

Боюсь углубляться в эти противоречия, думаю, что они как-то прояснятся в дальнейшем рассказе.

С самого начала знакомства с Рильке до завершения перевода «Часослова» прошло около 10 лет. Что-то закончилось и хотелось проверки. Стихи как-то просачивались к людям. Сначала их знала только Тамара и Раиса Васильевна Френкель. Напомню, что она преподавала немецкий язык в Пединституте и была очень сильной переводчицей с немецкого. Кроме неё, была еще одна очень для меня полезная в то время «германистка» из Пединститута Александра Евлампиевна Данилова, которая еще помнила Надю как педагога. Я иногда обращалась к ней с некоторыми вопросами по переводу.

Раиса Васильевна сразу заинтересовалась моим занятием, еще при жизни Майи. Она считала их интересными, даже написала мне некоторые критические замечания, в целом, их одобряла. Она связалась даже с близкими ей переводчиками из Петербурга и послала одной из них мое стихотворение. Ответ на него она получила «тусклый» — ничего особенного. Про себя она говорила, что Рильке она не понимает и не любит, а разве можно понять поэзию, если её не любишь? Александра Евлампиевна дала мне много больше. Она прекрасно знала немецкий, который изучала под руководством прекрасной германистки и литератора. Рильке, при этом, ей тоже не был известен.

Александра Евлампиевна была сложным и разочарованным в жизни человеком (кстати, она была раньше нашей соседкой по общежитию Пединститута). Она нашла в моих переводах несколько смысловых и грамматических ошибок. Я дала ей оригинал (у меня было 2 экземпляра сборника), и читала ей иногда свои переводы. Она считала, что они открыли ей великого поэта. Конечно, она читала сравнительно немного, она умерла еще до окончания моей работы над «Часословом».

Надо сказать, что Тамара в то время немецкого языка не знала абсолютно. Теперь она знает его несравненно лучше меня, благодаря тому, что тоже занялась Рильке. Теперь она может не только прекрасно переводить его, но и изучать досконально и вносит большой вклад новизной подхода к творчеству и личности великого поэта. В дальнейшем она стала моим единственным консультантом.

Мне очень хотелось читать кому-то свои переводы. Не навязывая никому этого, я охотно читала их желающим. Так стали расходиться «круги по воде». Особенно я охотно читала их тем, кто знает язык и немецкую литературу. Рильке в Архангельске тогда ни-

кто не знал, даже Пединститут. Я читала свои переводы на факультете иностранных языков. Их принимали очень сочувственно, но почему-то больше с кафедры английского, чем немецкого языка.

Больше всех ими заинтересовалась Елена Шамильевна Галимова. Мы с ней даже подружились. Разделило нас с ней её ни с чем не сравнимое горе: утонул, спасая ребенка, её сын, студент. Дело было в пионерском лагере, где её сын проходил летнюю практику. После гибели сына она несколько лет очень тяжело болела и не хотела никого видеть. Через несколько лет мы встретились как добрые знакомые, но поэзия Рильке для неё уже не звучала.

Издание сборников моих переводов

Поддержавшая меня в то время Елена Шамильевна и её подруги довели до руководства института свое мнение, а также других сочувствующих сотрудников, о моих переводах и предложили издать «Часослов» в типографии Пединститута.

И тут опять появились чудеса и неожиданности.

Меня любили на кафедре как-то просто по-человечески, знали, что я пишу стихи и перевожу. И им захотелось устроить такое чтение на кафедре в нерабочее время. И вот на этом чтении присутствовала известная журналистка Вера Николаевна Румянцева. «Часослов» был уже запланирован к изданию в Пединституте, но как-то сроки все отодвигались, и у меня складывалось впечатление, что ничего не выйдет из этой затеи. Через несколько дней мне позвонила Вера Николаевна и сказала, что она встретила в трамвае журналиста Бориса Михайловича Егорова (я не была с ним знакома) и рассказала ему историю моих переводов. Он загорелся мыслью о возможном издании моих переводов «Часослова» в Архангельском издательстве, в котором он тогда работал, и предложил завтра же встретиться со мной у меня вместе с Верой Николаевной. Я с радостью согласилась и пригласила на эту встречу Тамару.

Борис Михайлович оказался очень располагающим к себе человеком. Жизнерадостный, с красивым молодым лицом, несмотря на седеющие волосы и еще более седую очень красивую бороду. Весь он был какой-то светлый, и у меня сразу возникла к нему симпатия и доверие.

Когда наша тройка расположилась за столом, и начался разговор, я как-то почувствовала, что у Бориса Михайловича дело пойдет.

И вдруг зазвонил телефон. Звонили из редакции Пединститута. Я было открыла рот, чтобы вообще от них отказаться, но Б.М. быстро ухватил момент и сказал: «Только, пожалуйста, не отказывайтесь от издания у них».

Я закончила разговор, ответив на вопросы и оставив в силе все бывшие с ними условия. Б.М. тут же пояснил мне, что если «Часослов» выйдет одновременно в двух издательствах, это будет только на пользу дела.

«Часослов» вышел в издательстве Поморского университета в 1994 году, а в 1998 году большой сборник «Рильке. Избранная лирика» был выпущен Северо-Западным книжным издательством.

И все равно у меня остается такое чувство неполноценности, что я несколько лет не раскрывала сборника своих переводов «Избранной лирики Рильке». И только в этом 2005 году мне открылось в Рильке то, чего мне так не хватало. Обо всем этом я теперь расскажу как ретроспект через 7 лет после опубликования сборника в приложении к воспоминаниям, посвященным Рильке, моему пониманию и проникновению в глубину этой сложнейшей и великой поэзии XX века.

Мысли о Рильке

Итак, о жизни своей и близких мне людей я рассказала все. Сегодня — это уже настоящее и писать об этом — все равно, что писать дневник, а это уже не нужно, и желания такого у меня нет.

Мне осталось только то, что мне никак не давалось — рассказать главное для меня о Рильке и его поэзии, ставшей для меня путем возврата к утраченному мною.

Перечитав и возобновив в памяти свой перевод, я была потрясена еще больше, чем в процессе неудержимого перевода. Я ощутила, насколько его поэзия близка мне своей глубиной, и что это главное, несмотря на неточности и другие недочеты перевода. Эта великая поэзия представилась мне еще более близкой, и совершенно понятна моя невольная увлеченность этой работой. Я снова увидела ошибки и неточности, но сейчас для меня главное было не в этом, а в том, что я до доступной мне глубины поняла самого Рильке, и что вместе с этим так много изменилось во мне самой, несмотря на трудности старости и современной жизни. Я поняла, что возвращаюсь к утраченной мною вере.

Я сейчас остановлюсь на «Часослове», потому что именно он, по словам самого Рильке, является началом того, что он определял как «себя в своем». И это подлинно новая духовная поэзия, еще не постигнутая до сих пор. И от этого нового он не отходил уже в своей все более растущей в вечность поэзии.

С меня словно снялось ощущение ущербности перевода в целом, которое я замечала при перечитывании своих сборников. Чтобы понять мою увлеченность поэзией Рильке, снова необходим ретроспект в мое раннее детство. При этом вспоминается не только повторяемая за мамой молитва «Отче наш», которую я запомнила по-немецки на всю жизнь, но и рождественская елка и дух добра, посещавший душу. Все это было почвой для детского стихотворения «Ищу Тебя», уничтоженного с прочими детскими стихами.

Все это уже тогда готовило к восприятию Рильке. Более того, сочетание искусства и веры с любовью к образу Христа тоже зародилось во мне еще в подростковом возрасте. Вспоминаю внутренний порыв при чтении на нашем концерте отрывка из «Иоанна Дамаскина» Это прикосновение к поэзии открывало в душе такую любовь к Иисусу Христу, которого никогда не было в общих молитвах или при чтении Евангелия.

Позднее все духовное стало гаснуть в трудностях и напряжении текущей земной жизни, и уходила куда-то, видимо, вглубь моя вера, что казалась уже исчезнувшей. В моей земной жизни, казалось, оставались только два ощущения — любовь и страдание. И только при встрече с поэзией Рильке и проникновении в неё вера стала возрождаться в моей душе.

Немного о самом Райнере Марии Рильке

Самое трудное для меня — это писать о Рильке. У меня копились сведения из его биографии постепенно, в процессе работы над переводами и даже после их завершения. Все о его жизни невозможно рассказать теперь «после дела»... А переводы и воспоминания уже истощили меня до предела, да и возраст тоже. Я советую для знакомства с Рильке обратиться хотя бы к подробной биографии его, написанной Гансом Эгоном Хольтхузенем в переводе Н. Болдырева, изданной в 1998 году. Её особая ценность в том, что она построена на высказываниях и письмах самого Райнера Марии Рильке. Там содержится хроника его жизни и творчества.

Я могу дать только отдельные факты, связанные с его творчеством и, может быть, «ключ» к пониманию его поэзии. Для меня главная задача здесь — это указать на значение его великой поэзии в моей духовной судьбе.

Что касается понимания его поэзии, это, прежде всего, символическая личность образов. Их множество. Например, очень важно понимать значение часто употребляемого им слова «Вещь». Оно обозначает творение, переживающее своего творца на земле, от самой простой вещи — предмета, созданного простым работником, до произведения искусства и даже нематериальная сущность „Ding-Gedichte“ — вещь — стихотворение. Но есть и другие: вещь — творение самого Бога — человек и все живое.

Меня роднили с Рильке ощущения души — любовь и страдания. Встает вопрос: почему именно с Рильке? Разве в произведениях других поэтов, которые я переводила, Байрона, Брука, Гейне, не было того же ощущения страдания и любви? Все дело в предмете любви. У них была больше земная любовь: к Родине, к обездоленному народу, к матери, к ребенку — это все любовь и страдание, все так. Но у Рильке в его «Часослове» была любовь к Богу, и это меня потрясло, потому что затронуло детское неосознанное и главное. Именно это и повернуло мою душу к «возврату утраченного». В ней проснулось заложенное с детства зерно христианства, причем, не религии, а к возрождению веры, уже не прежней, а какого-то нового духовного чувства.

«Часослов» занимает особое место в поэзии Рильке. Он сам считал, что с «Часослова» начинается его настоящее творчество, когда «он нашел свое в себе» и уже никогда не отходил от этого «своего», от совершенно новой духовной поэзии. Рождение «Часослова» произошло благодаря повороту в его личной жизни — любви к Лу Андреас Семоне (см. Г. Хольхузену биографию Рильке в переводе Н. Болдырева.)

Фактически их связь была недолгой, всего 3,5 года, но тесная дружба и особая духовная близость сохранилась до самой смерти Рильке. Главными событиями в этой необыкновенной связи были два путешествия в Россию, в 1989 и 1990 гг. После каждой поездки появлялись части «Часослова». Третья, написанная уже в другом положении Рильке — растущей известности и одинокой жизни странника. «Книга о монашеской жизни» — образ юного монаха, ищущего Бога не в храме, а в тишине, в жажде его близости, в исчезновении стены между ним и Богом. Книга начинается торжественно и строго:

«Кончается час, и меня пронзил
металл его четких шагов,
и чувства трепещут, вот миг наступил —
день скользящий схватить я готов...»

Удивительная жажда близости Бога и ощущение стен, разделяющих с ним.

«Сосед мой Бог, когда Тебя порой
глубокой ночью стуком я тревожу,
мне кажется, Ты редко дышишь, Боже,
и рядом, может быть, сейчас с Тобой
нет никого. По знаку твоему
никто не даст тебе воды напиться.
Я близко. Стоит знаку появиться —
и я пойму.

Меж нами только хрупкая стена
случайная. Коль до неё дойдет
Твой голос или мой, она
не устоит и упадет беззвучно
горсткой пыли.
Из образов Твоих её сложили.

За образами Ты, за — именами...
Но тот же свет, что вдруг воспламенит
мои глубины и с Тобой сроднит,
над рамой образов сверкнет лучами.

У чувств, бредущих чуждыми тропами,
нет больше сил, ведь ты от них сокрыт».

* * *

«... Прости, Господь, что осмелюсь просить.
Ведь эта просьба с земли далекой:
исканье Тебя в порыв превратить,
лишенный страха, обид, упреков:
так могут дети Тебя любить»...

«НЕ беспокойся, иль не слышишь Ты,
как помыслы мои к тебе стучаться?
Как чувства, крылья обрета, кружатся,
ловя Твой взгляд с небесной высоты.
Стоит душа, как в плащ из темноты
одетая глубокой тишиной.
Моей молитве, как цветку весной,
Твой взгляд не помогает ли расцвести?»...

* * *

...И ответ на вопрос о «стенах»-
«РАЗБУЖЕН я. И, как дитя-
доверчивый, простой-
я верю: ночь и страх пройдя,
увидю образ Твой.
И вглубь и вширь — велик Ты весь,
умом неизмерим,
но все равно — Ты есть, Ты есть,
в веках неколебим.

В себе я тем же остаюсь,
как много лет назад,
богатству круга я дивлюсь:
ведь в нем всегда — возврат.

Благодарю, о Всеблагой,
все реже слышу голос Твой
я только за стенами,
и легок стал мне день труда-
ведь лик святой теперь всегда
сияет над руками».

Я привела только стихи, говорящие о любви к Богу.

Вся эта часть полна многообразием проявлений божества, а вообще она вся построена на Евангельских сюжетах и образах близких и глубоких.

И в конце — образ России, таинственной и ...темной.

Интересно, что эти же ощущения любви и страдания у меня возникали при переводах Рильке, и переводились эти вещи

вдохновенно, почти на одном дыхании. Такими были в Сборнике избранной лирики: «Потушишь очи...», «Я все еще, кто на коленях ...», «Ночь странников...», особенно. «...И многие разглядывали дом...»

Все эти стихи из «Часослова» были полны любви, страдания и мольбы. Особенно запомнилось «Я снова тот, кто на коленях...», я писала перевод в самолете, не видя ничего вокруг и не заметив, как прошло время. А «Гефсиманский сад» из новых стихотворений, самое страшное — ощущение отсутствия Бога... И еще «Девятая элегия» — это уже нечто особое — прощание с Землей и творчеством... И в заключение — четверостишие:

«Посмотри, я живу. Из чего? Ни детство,
ни будущее уже меньше не станут...
Сверхценная жизнь
пробуждается в сердце моем».

В отношении «Элегий» — вершины творчества Рильке должна добавить рассказ о мистическом явлении, происшедшем с ним, когда он еще и не думал о них. Во время блаженного одиночества в замке Дуино, стоящего на высоком утесе над морем, стоя на краю утеса, он вдруг услышал как бы голос внутри себя, произнесший в точности первую строчку первой элегии. Вернувшись в замок, он записал эту строчку, а за ней и всю элегию на одном дыхании.

СТИХИ М.В. ПИККЕЛЬ

ВСТРЕЧИ

Бывает в жизни: люди промелькнут,
Как в круговерти — можно ль их понять?
И только мысль: пусть верный путь найдут,
Но каждого с собой не сможешь взять.

Есть встречи с ощущеньем теплоты,
Живой души, сердечного участия,

Но в постоянной смене суеты
Тех встреч следы сберечь не в нашей власти.

Есть встречи редкие ... и слов тогда
Не отыскать для их определения ...
- Кристальная, глубинная вода,
Ее бы пить всегда, не зная утоленья.

1980 г.

В НАРКОЗЕ ТВОРЧЕСТВА

В наркозе творчества не чувствую потерь,
Они отдалены рукою чудной.
Мне вдохновенье распахнуло дверь
В мир, где иначе радостно и трудно.

Один лишь день ... И возвращаюсь вновь
Я в тихий мир своих привычных комнат,
Где для живых – надежды и любовь,
И памяти для всех ушедших – шепот.

Осень 1985 г.

КРАСНАЯ КНИГА

Красная книга пророчит невзгоды:
Гибнут семейства зверей и цветов;
Век наш – безумный губитель природы,
Видимо, к собственной смерти готов?

Нет человеку в той книге страницы.
Сотни погибших – обыденность дней.
Мы беззащитны, как звери и птицы,
Сделавшись жертвой эпохи своей.

Жизни лишить – пустяковое дело:
Лебеда, душу людскую убить
Очень легко: надо жестко и смело
Шею иль душу потуже сдавить.

Мысль о душе непривычна законам,
Тонет она в мутном омуте слов ...
«Все по закону ...» и гибнут со стоном
Души и звери – реликты веков.

1981 г.

ХОРОШО УМИРАЮТ ПИОНЫ

Хорошо умирают пионы:
Увяданье не видно глазом –
До последнего свежи и стройны,
А в конце – опадают разом.

Увядающие тюльпаны
Раскрываются до предела,
Как счастливый финал романа
Или радость свершенного дела.

Но другая у розы кончина:
Цвет и запах теряет она,
Но живет до конца сердцевина
Неразгаданной тайной полна.

1979 г.

О ЛЮБИМОЙ СОБАКЕ

Убегает искусственный сон,
Как сиделка с ночного дежурства,
Спит так крепко на коврике он,
Тот, чья чуткость – природное чувство.

Шевельнись – словно писк комара
Донесется до сонного уха –
Это значит: «Проснулась? Пора!
Ждать прогулки – ужасная скука!»

Скажешь: «Рано!» – затихнет опять,
Грустно морду на лапы пристроив:
Научился с годами молчать
И терпеть, если надо, без воя.

Чуть подвинешься – сразу же нос
Ткнется радостно в теплую руку.
Добрый мой, неудачливый пес,
Посетила нас снова разлука.

Я возьму тебя скоро домой,
Возьму сразу, едва буду в силах,
И гулять буду снова с тобой
Утром ясным иль чаще дождливым.

На прогулке вечерний закат
Меня снова волненьем охватит,
Тебя ж запахи счастьем пьянят,
Но не знаешь ты, что это значит.

Вместе скоро состаримся мы,
Станут наши прогулки короче ...
Ничего! Еще запах весны
Встретит нас после северной ночи.

Больница, 1979 г.

АРИТМИЯ

Стал частым душевный недуг –
«Мерцательная аритмия».
Осколки усилий, порывов стук
Бесплодностью истомили.

Парадоксы и пароксизмы,
Современные катаклизмы
Беспрерывно в сердце стучат,
Вызывая и боль, и разлад.

Нас надо ударом лечить
И строгостью чувства и слова,
И надо привыкнуть жить
В сём веке – больном и суровом.

начало 1982 г.

РАЗГОВОР С СОВЕСТЬЮ

«Знаешь ли, совесть, советчица строгая,
Жизнь – ведь одних парадоксов игра:
Ложь – милосердная, правда – жестокая,
Как примирить их во имя добра?»

Зло затемнило в чреде поколений
Светлую истину: «Бог есть любовь».
Вспомни о ней, опустишь на колени –
Выбор найдешь, только волю готовь.

Мысли порою терзают трусливые:
«Против рожна все равно не пойдешь»...
Лечатся лень и тревога усилием,
Если поддашься – совсем пропадешь.

Выбор бывает трагически сложен:
Выпало счастье – погибнет другой,
Кажется, выход любой невозможен ...
Мудрый совет не поможет ли твой?»

Совесть задумалась: «Лучше не спрашивай,
Если к черте роковой подойдешь,
Ночью бессонной решимость вынашивай,
Тихо шепну я: захочешь – поймешь»

1982 г.

ПАМЯТЬ

Есть у живого редкостное свойство,
Которое мы памятью зовем-
Ведь даже клетка существа любого
Бессмертный код, делаясь, передает.

Собаки память – в недрах подсознания-
«Хозяин жив!» И все двенадцать лет
С могилой рядом, в тайном ожиданье
Жила собака... В знак признанья
Величия памяти, ей памятник поставил человек.

Как память человека многогранна,
И как она бессмертию близка-
Подобно человеку – беспощадна
И, как душа, – бездонно глубока...

Есть память совести – двуликий Янус
Добро и зло в себе несет она.
Мы думаем: поступки в пропасть канут,
Но выбросит их памяти волна.

Есть память справедливости. И пусть никто
Кровавые ошибки не забудет.
Забудем их – и повторится то,
Что гибелью для наших внуков будет.

И память сердца. Тайна в нем людского естества,
Вершина чувств и пропасть подсознания,
И словно клетка самого живого существа,
Она несет в себе бессмертье воссоздания.

Есть память Вечности, её хранит природа.
Когда в уединенной тишине
Приходит к человеку озаренье,
К высокому и вечному стремленью,
Тогда она заявит о себе.

А.Д. САХАРОВУ посвящается

*«И свет во тьме светит и тьма не объяла его»
(Евангелие от Иоанна гл. 1, ст.)*

О, человек без страха и упрека,
За истину всегда ведущий бой!
Глушит слова шум грязного потока,
Не слышит мир негромкий голос твой.

Кто знает, победишь ли ты дракона,
Иль мертвой хваткой он тебя убьет –
Но жизнь твоя, став строчкою закона
О совести, в сердца людей войдет.

Лжи – океан, а правды – остров малый,
Но луч её с того клочка земли
Ты шлешь сквозь ночь, чтоб истина сияла,
И путь нашли в тумане корабли.

Суд времени не все с земли сметает,
Он оставляет чудеса на ней.
Твой подвиг чудом маяка сияет
И будет вечным на земле людей.

1989 г.

СТУДЕНЧЕСКИЕ ВОСПОМИНАНИЯ (выпуск АГМИ 1942 года)

Морозные архангельские дни,
Вечерних зорь волшебная расцветка,
Потом за шторой прячутся огни,
И небо шупает воздушная разведка.

Но не страшны лишенья, холод, ночь
Для молодости радостной и смелой,
Умеющей все бодро превозмочь
В энтузиазме выбранного дела.

Мы жаждали бороться и любить
В исканиях надеяться и спорить,
И познавать ... Все это значит – жить,
Стремясь пройти сквозь радости и горе.

Ты помнишь, как в тот год учились мы?
кусочек хлеба и во всем нужда ...
На трупе нерв в условиях полутьмы
Найти – важнейший был урок тогда;
Лишь вспыхнет свет – успеть бы прочитать:
Экзамен будет утром очень ранним.
Мы голод не успеем распознать
И холод тоже, если рано встанем.
И злу назло мы так сильно,
Что выжили при всей голодной мути;
Шел год тяжелый Северной войны,
Когда мы начали учиться в институте.

Настало лето. Утренние зори
Вечерние сменяли над Двиной,
И паруса стремили яхты к морю,
И чайки с криками носились над волной,
О чем-то словно нас оповещали ...
И были крики их предчувствием полны,
Что будет буря. Так вдали вставала
и вскоре заревом кровавым запылала
Заря зловещая лихого дня войны.

Был страшный день, и мы его опять
Студентами, как и тогда, встречали,
Но нам теперь хотелось помолчать,
Понять свой долг и волю всю собрать,
И мужество, как вся страна собрала.

Вновь зимние архангельские дни,
И чуждых скорби ярких зорь горенье ...
Нам не до них, нам далеки они,
Нас жгут слова: «блокада», «отступленье».
Мы чувствуем голодный Ленинград,
Угрозу нам и близким над собою
И тех, кто насмерть, может быть, стоят,
И тех, уже убитых под Москвою.

И странно тянулись суровые
Дни горя, нужды и труда,
И будто какие-то новые
Черты открывались тогда
У близких. Как стали серьезны
Глаза моих юных подруг ...
Надежды, потери и слезы –
Единый наш замкнутый круг,
Единая песня – воззванье,
Единый душевный порыв –
Союз наш в годину страданья
Был искренен, ясен и жив ...

Был труден этап завершенья,
Нелегким и долгим был путь,

Был голод, цинга, истощенье
И всепоглощающий труд.
Пустели места уходивших
Безмолвно в горнило войны:
Всех наших любимых, любивших
Сметало прибоем войны.
Бывало, не жены любили ...
Тогда, и узнать не дано:
Он жив ли, иль сразу убили ...
Лишь ветер стучится в окно.
Так все они, смело и просто
По первому зову ушли ...
Мелькали военные версты,
Снега их следы замели.

Война прошла. И снова парусов
Знакомые мы видим силуэты.
В багряном зареве вечерних облаков
Они плывут, как бы сгорая где-то ...

Теперь они напоминают нам
Товарищей любимых и любивших,
По окровавленным разбросанным полям,
За нашу жизнь свою – заплативших.

И гаснет тихо огненный закат,
И все, что было, в белой ночи тает
А чайки, словно призраки летят,
И даль небес их тайной окружает.

50-е годы

РУЧЕЙ

С тихим ветром и нежным сияньем небес
Возвратилась на землю весна,
Разбудила и реки, и поле, и лес
Новой жизнью и силой полна.

Улыбнулась земля, и ручей заиграл,
Затерявшийся в чаще лесной,

И с веселым журчанием он побежал
По безвестной тропинке земной.

Что случится с тобою, лесной ручеек,
В чем удел твой, иссякнуть, уснуть?
Иль в стремительном беге в могучий поток
Превратиться и доблестный путь

Пробежать суждено тебе, свежей струей,
Орошая поля и луга,
Или слиться с глубокой и сильной рекой
И нести с нею в море суда?

Мой удел – в непрестанном стремлении вперед –
Отвечает хрустальный ручей –
Моя струйка свой гимн вам о жизни поет
И о радуге после дождей.

Надо мною гиганты лесные шумят,
Корни их моей влагой живут,
В мою чистую воду кувшинки глядят,
Птицы песни поутру поют.

Если я и не встречу с великой рекой,
Если я затеряюсь в глуши,
Лес родимый моею прозрачной водой
Напитает деревья свои.

А теперь я бегу по песку и камням,
Всем жемчужные брызги даря,
И просто несу свою влагу цветам –
Значит – жизнь не напрасна моя.

1929–1930 гг.

СТИХИ М.В. ПИККЕЛЬ, ОБНАРУЖЕННЫЕ В АРХИВЕ КАФЕДРЫ ПЕДИАТРИИ

*Кафедрам педиатрии лечебного и педиатрического
факультетов АГМИ–АГМА–СГМУ
посвящается*

Длиною в метр детская кровать
Дитя... Таинственной спирали строки
Над ними же, как в общую тетрадь,
Жизнь уже пишет первые уроки.
Записан свой сценарий на листе
Одной волшебницей, другая – только пишет,
Не ведая, что в заданной строке
И связи никакой с написанным не ищет
Кто ж третья парка, что плетёт судьбу
Как две другие? В чём её задача?
И не она ль ведет с обоими борьбу
Чтобы судьба была не драма, а удача?
И, кажется, она не очень то сильна,
Добро ее в усилиях тревожных
Вся в будущем пока еще она
От двух других отделена программой сложной
Так кто ж она?
Могущество идет
Что жизнь, наконец, на верный путь наставит
Или наука будущих людей,
Что код извечный перепишет и исправит?..

* * *

Ни то, ни другое само по себе
Хаос не осилит в неравной борьбе;
Волшебница ты, – издалека привет –
Добра и познания торжественный плод!

31.12.1982 г.

ОБРАЩЕНИЕ М.В. ПИККЕЛЬ К БУДУЩИМ ПЕДИАТРАМ

*Из статьи об открытии педиатрического факультета АГМИ,
«Медик Севера»*

Что нужно для того, чтобы стать хорошим педиатром? Нужно поставить своей задачей полюбить ребенка. Дело в том, что не у всех любовь к детям осознана и ярко выражена – любовь к детям развивается, крепнет, приобретает новые свойства в процессе работы. Надо приучить себя к этому. Если посвящают себя медицине и любят человека, то ребенка полюбят обязательно, а если нет любви к человеку, то и в медицину идти не надо.

Наблюдательность и терпение – два качества, без которых педиатра не получится. Ребенок не скажет – нужно увидеть самому: понять как он кричит, как он двигается, какое у него самочувствие. Все это педиатр не спрашивает, а видит. Терпение нужно постоянное и доброе, его нужно проявлять и к матери, и к ребенку. Нельзя спешить, хотя часто решать надо быстро. Поэтому терпение должно сочетаться с большим багажом знаний. И, наконец, – доброта.

Не сентиментальность, мешающая принимать решительные меры: уколы, внутривенные вливания, пункции и другое, а доброта действенная, идущая на все для спасения ребенка, доброта и понимание матери, ее чувств, ее страхов, ее любви.

Будет все это, – а это воспитывается и развивается при желании, будете хорошими педиатрами!

18.01.1978

Аннотация диссертации на соискание степени кандидата медицинских наук М.В. Пиккель «РАХИТ У ДЕТЕЙ-ДИСТРОФИКОВ» (1946 г.)

В работе излагаются результаты изучения особенностей рахита у детей с дистрофией различной тяжести. При обследовании 1454 детей до 3-х лет установлено, что клинически выраженный рахит встречался чаще у детей нормотрофиков. Реже всего клинически выраженный рахит наблюдался у детей с тяжелой дистрофией в возрасте до одного года. У детей старше года сочетание рахита и дистрофии, а также тяжелых форм того и другого заболевания, встречалось чаще.

Динамическое наблюдение над 70 детьми первого года жизни с применением биохимического и рентгенологического контроля показало, что при тяжелой дистрофии с замедлением роста имеется лишь «готовность» к возникновению заболевания, которая используется при улучшении состояния питания.

В работе дается схема патогенеза рахита при дистрофии, намечены пути профилактики и лечения рахита в зависимости от состояния питания. Особое внимание было обращено на питание в условиях Севера, разработаны конкретные мероприятия для практических врачей-педиатров по снижению рахита у детей с дистрофией.

Аннотация
докторской диссертации М.В. Пиккель
«ТУБЕРКУЛЕЗНЫЙ МЕНИНГИТ
И ЕГО КЛИНИЧЕСКИЕ ФОРМЫ
ПРИ СОВРЕМЕННЫХ МЕТОДАХ ЛЕЧЕНИЯ» (1966 г.)

Проводилось изучение различных клинических форм туберкулезного менингита в динамике и зависимости этих форм от течения и фазы общего туберкулезного процесса, возраста больных и метода лечения. В летальных случаях проводилось детальное гистологическое изучение мозга, особенно гипоталамической области с последующим клинико-анатомическим сопоставлением. Наблюдения проводились над 530 больными. Отдаленные результаты изучены у 180 больных.

В работе выделяются основные формы заболевания и дается их подробная клиническая характеристика, особенности их начального периода течения и исходов, а также ликворологические особенности в динамике. Установлена корреляция между тяжелыми формами заболевания и гипореактивным течением первичного туберкулезного комплекса (без перифокального воспаления с преобладанием казеозного некроза) и милиарным туберкулезом. Установлено также, что форма туберкулезного менингита в большей степени зависит от течения общего туберкулеза, чем от возраста больного.

Автор на протяжении 17 лет глубоко изучила особенности возникновения и течения этого тяжелого заболевания в Архангельской области. Ею разработана схема лечения новыми препаратами в зависимости от формы туберкулезного менингита.

Врачам во все районы области были направлены методические письма, с ними неоднократно по этому вопросу проводились семинарские занятия. В результате упорной и длительной работы медицинским работникам области почти полностью удалось ликвидировать это грозное заболевание. Были подробно изучены и клинические особенности рецидивов туберкулезного менингита.

Вера Королева

ВЫСОКАЯ ДУХОВНОСТЬ И ЖИЗНЕЛЮБИЕ

Мария Владимировна Пиккель – основоположник школы Северной педиатрии. Вся жизнь Марии Владимировны – это подвиг во имя добра, это пример служения своему профессиональному долгу – лечению детей. Жизнь ее не была легкой. Она много и упорно работала над собой. В государственной школе она не училась, а когда потребовался аттестат об окончании школы перед поступлением в институт, она поступила на рабфак. Там она отличалась от многих сверстников разносторонними знаниями, начитанностью, знала 3 европейских языка, любила классическую музыку, разбиралась в живописи, любила поэзию и изредка сама писала стихи. Она жила своим особым духовным миром. Ей были чужды различные дразги. Она была бескорытна, и смысл жизни видела в помощи людям, особенно тяжело больным детям. Окончила Архангельский медицинский институт за 4 года, т.е. в 1942 году, когда шла Отечественная война. Она училась и работала, много дежурила в клинике. Всегда брала лишние дежурства, сочетая в ночное время лечебную и научную работу, оформляя уже начатую кандидатскую диссертацию по очень актуальной в то время теме «Рахит у детей-дистрофиков». Было холодно. Она испытала и голод, и потерю близких: умерла ее любимая старшая сестра, оставив шестерых детей дошкольного и школьного возраста, племянников Марии Владимировны.

Несмотря на массу трудностей, у Марии Владимировны не было никаких сомнений – всех их она взяла к себе, младших усыновила. Всех воспитала, всем дала высшее образование. Но и дети были талантливые, хорошо учились и в школе, и в институтах. А какая это была дружная семья! Я тоже росла одна, т.к. сразу после родов от «родильной горячки» умерла моя мама. Мария Владимировна своим чутким сердцем все понимала и очень часто приглашала меня к себе, а потом в шутку говорила: у меня было 6 детей, а теперь стало 7. В этой семье была какая-то особая добрая аура и свобода взглядов. У каждого были свои обязанности. Все занимались своими делами, уроками, много читали, помогали друг другу и Марии Владимировне, относились друг к другу очень уважительно и заботливо. Уходить от них мне не хотелось. Я была старше, и поэтому ближе других были мне старшие девочки, они были мне как сестры. Всех их было шестеро: пять девочек и мальчик. Все они окончили вузы в Архангельске, Москве, Ленинграде. Старшая В.Н. Иванова с детства увлекалась гимнастикой, после войны закончила институт физкультуры.

туры им. Лесгафта, на протяжении многих лет заведовала кафедрой теории физкультуры в АГПИ. Доктором медицинских наук стала Т.Н. Иванова и 30 лет заведовала кафедрой факультетской терапии АГМИ. Доктором математических наук стала А.Н. Иванова, которая заведует лабораторией Института химической физики (ИХФ) в Черноголовском Научном центре РАН. Кандидатом химических наук была Е.Н. Дедкова, работавшая на кафедре биохимии АГМИ. Ее дочь Ольга и зять Дмитрий тоже химики – кандидаты химических наук. Племянник С.Н. Иванов после службы на флоте окончил Московский энергетический институт. Был первым и главным энергетиком Научного центра города Пущино на Оке. Его жена А.Ф. Иванова, выпускница Архангельского мединститута, заслуженный врач России, Почетный Гражданин г. Пущино. Младшая племянница В.Н. Чиркова и ее муж окончили институт связи, работали инженерами автоматической телефонной сети. Их дочь Мария, родившаяся в один день с Марией Владимировной, окончила физико-математический факультет АГПИ, в 2007 году стала доктором педагогических наук.

Всего М.В. Пиккель вырастила и воспитала 26 человек: 6 детей, 6 внуков, 14 правнуков. Почти все разъехались, создали новые семьи. Но все, что заложено Марией Владимировной: высокая духовность, жизнелюбие, трудолюбие, целеустремленность и доброта, перешло и в новые семьи. Все они приезжают к Марии Владимировне на дни рождения, юбилеи, все вместе устраивают ей праздники.

Научно-педагогическая деятельность М.В. Пиккель всегда была связана с лечебной и организационной практикой. После защиты кандидатской диссертации она читала курс детских инфекций на базе инфекционной больницы. Здесь же с ее помощью было создано отделение кишечных инфекций для детей до 1 года. Мария Владимировна впервые занималась подготовкой микрopedиатров, разработала иные нормы питания, особые диеты для детей до года.

Другое новое направление в педиатрии освоила и внедрила в практику Мария Владимировна – туберкулез и неврологию на примере туберкулезного менингита. Это крайне тяжелое заболевание было очень распространено в послевоенные годы и считалось смертельным. Исходы болезни зависели от своевременности диагностики ее, своевременности лечения и способов введения противотуберкулезных препаратов. Мария Владимировна обучала этому врачей путем показа метода спинно-мозговых пункций и разборов каждого больного, проведения конференций, чтения лекций, издания методических материалов. В больнице было создано отделение нейроинфекций. Врачи, работавшие с Марией Владимировной в этом отделении, стали нейроинфекционистами. В настоящее время, бла-

годаря огромной работе М.В. Пиккель, туберкулезный менингит ликвидирован, но отделение так и осталось в инфекционной больнице; в нем лечатся больные с другими формами менингита, полиомиелитом и другими нейроинфекциями. Огромный опыт работы (530 детей) Мария Владимировна обобщила в докторской диссертации «Туберкулезный менингит и его клинические формы при современных методах лечения», которую успешно защитила в Ленинграде в 1966 году.

После защиты докторской она вскоре получила звание и должность профессора, стала заведовать кафедрой педиатрии Архангельского государственного медицинского института.

Будучи бессменным депутатом Городского Совета, М.В. Пиккель все время доказывала необходимость строительства многопрофильной детской больницы, добивалась ее быстрого ввода в строй. 26 декабря 1972 года больница на 480 коек была открыта, 150 врачей перешли сюда на работу из прежней городской детской и инфекционной больниц. Но кадров не хватало. Педиатрический факультет в АГМИ был открыт только в 1979 году; до этого педиатров готовили в субординатуре из студентов лечебного факультета. Многие из них направлялись в аспирантуру в Ленинград, в Москву для подготовки к преподаванию на будущих кафедрах педиатрического факультета, открытие которого готовилось. Из городской новая больница превратилась в областную многопрофильную больницу, где оказывается помощь по 26 специальностям. Под руководством М.В. Пиккель вместе с заместителем главврача Д.П. Вишневской и главным педиатром области В.Ф. Солодовниковой проводилась постоянная учеба врачей, их усовершенствование по разным специальностям (нефрология, кардиология, неонатология, гематология, аллергология и др.). М.В. Пиккель умела доказать своим коллегам важность сочетания врачебной практики с научными изысканиями, без чего немислимо профессиональное совершенствование. Активно работало Общество педиатров. Своим примером беззаветного служения детям, своей добротой, интеллигентностью она пробудила у многих интерес к педиатрии, и сегодня у нее целая плеяда учеников и последователей. Среди них В.Н. Королева, Т.И. Мугандина, В.Д. Новожилова, А.Я. Трубина, В.А. Терновская, Л.А. Носкова, В.Н. Пономарева, В.И. Макарова, Е.Н. Сибилева, Л.А. Зубов, Г.Н. Чумакова, Л.И. Меньшикова и др.

Мария Владимировна учила всех врачей беззаветному служению детям, бескорыстному выполнению долга. «Вознаграждение?! – говорила она. – А улыбка ребенка, выведенного вами из комы? Это же величайшее вознаграждение! А счастливые глаза матери, уже потерявшей надежду на спасение ребенка? Это ли не вознаграждение!».

Тысячи матерей благодарны ей за спасение своих детей. Вот они-то и поставили свои подписи под документом, выражающим их желание присвоить Марии Владимировне Пиккель звание – Почетный гражданин Архангельска. Это звание было ей присвоено.

16 января 2008 г.

Об авторе: **Королева Вера Николаевна**, доцент кафедры детских инфекций, подруга и соратница М.В. Пиккель.

Надежда Батыгина

ЭТА СВЕТЛАЯ ЧАСТЬ ПУТИ

Почему она стала педиатром? Ведь лечить детей труднее, чем взрослых. Зная многие подробности ее жизни, думаю, что желание посвятить себя этой специальности пришло к ней из детства. Она лишилась матери, когда была еще ребенком. Возле оказались люди добрые и отзывчивые. Став взрослой, она захотела всю доброту, подаренную ей когда-то, передать детям – и своим, и чужим.

Архангельский медицинский институт Мария Владимировна Пиккель окончила в 1942 году. Ей был вручен диплом с отличием. Первым местом работы стала клиника детских болезней.

Почти сразу Мария Владимировна начала заниматься со студентами и одновременно – научными исследованиями. В те тяжелые военные годы немало детей страдало рахитом. Главное свое внимание она сосредоточила на этой болезни – ее предупреждении и лечении. Труд молодого ученого и врача увенчался успехом – многие дети были избавлены от тяжелого недуга. Об этом М.В.Пиккель написала кандидатскую диссертацию и защитила ее.

Вскоре клинические наблюдения потребовали изучить особенности другого тяжелого заболевания у детей – воспаления мозговых оболочек. Начались настойчивые поиски действенных приемов борьбы с болезнью. Исследования продолжались несколько лет. В результате – докторская диссертация, ее успешная защита, а чуть позже присвоение звания профессора. Мария Владимировна – автор пятидесяти научных работ. Все они продиктованы требованиями отечественной науки и временем.

Профессор М.В. Пиккель умеет доказать своим коллегам важность сочетания врачебной практики с научными изысканиями, без чего немислимо профессиональное совершенствование. У нее есть ученики: В.Н. Королева, В.А. Терновская, В.Д. Новожилова, Т.И. Мугандина, Л.А. Носкова, В.Н. Пономарева, Л.К. Анисимова, В.И. Макарова. Четверо из них под ее руководством выполнили кандидатские диссертации.

Как-то я спросила сотрудников Марии Владимировны, какие ее врачебные качества особенно привлекают.

- Знания, любовь к детям, наблюдательность, неторопливость в осмотре ребенка, умение выделить, заметить еле уловимые приметы болезни, четко сопоставить их, разложить по значимости, – таков был ответ.

Совсем недавно ее попросили проконсультировать пятилетнего малыша, диагноз у которого был неясен. Мария Владимировна тщательно осмотрела мальчугана, познакомилась с проведенными уже исследованиями и, как это ей свойственно, начала в кругу врачей вслух размышлять об особенностях проявления болезни. И только после этого сказала свое окончательное мнение. Оно было точным – лечение быстро принесло положительный результат.

- Рядом с ней обогащаешься и опытом, и знаниями. Она помогает нам внести в работу творческое настроение, – говорят о Марии Владимировне ее коллеги. Недаром на консультации профессора Пиккель приходят врачи всех отделений Архангельской областной детской больницы.

Никто не слышал от Марии Владимировны слов: «мне некогда» или «я не могу сегодня».

Об отзывчивости ее и безотказности известно многим. Молодая мать, прослышав как-то, что в Архангельске есть очень хороший «детский профессор», без каких-либо направлений и выписки из истории болезни приехала с больным сыном из дальнего района области. Разве могла Мария Владимировна отказать в помощи! После осмотра ребенок был оставлен в стационаре. Через месяц счастливая мать увозила его домой, словами благодарности награждая персонал больницы.

А как умеет Мария Владимировна радоваться, когда ребенок начинает поправляться! Помнится, в одном из отделений инфекционной больницы, где она одно время работала, лежал шестимесячный мальчик. Мы, связанные не только дружбой, но и профессиональным взаимопониманием, лечили этого ребенка вместе. Однажды после многодневного упорного труда, она позвонила вечером мне по телефону и воскликнула:

- Он поправляется, ты слышишь, поправляется!

Я и сегодня будто слышу эти слова, восторженные и радостные.

Мария Владимировна не боится сомневаться. Ведь лучше лишнюю минуту подумать, во всем неторопливо разобраться – и избежать ошибок. Умеет она прислушаться и к голосу товарищей, их доводам.

Годы идут. Недавно на ученом совете медицинского института чувствовали профессора М.В. Пиккель в связи с семидесятилетием и многолетней врачебной практикой. Сколько было сказано добрых слов! В ответ она благодарила за оценку своего труда и прочла строки известного поэта:

Вот и лето прошло,
Словно и не бывало...
На пригреве тепло,
Только этого мало...

Прочла их с некоторой грустью... Словно сказала, как трудно оставить любимое дело. Мария Владимировна перестала заведовать кафедрой, но расстаться с детьми, студентами, коллегами не смогла.

В течение многих лет была и теперь остается председателем областного общества детских врачей. В педиатрической клинике консультирует. Читает лекции студентам четвертого и пятого курсов медицинского института. Каждая лекция ее богата информацией, в каждой – большой профессиональный опыт, новейшие сведения из отечественной и зарубежной литературы. Немало в том помогает знание французского и английского языков.

В свободное время Мария Владимировна переводит поэмы французских классиков и пишет стихи. Одно из ее стихотворений о нелегком труде врача заканчивается словами:

Но от святого ремесла
Не можем мы уйти.
«Спасен» – и как тогда светла
Хотя бы часть пути...

Эта светлая часть пути – смысл всей жизни Марии Владимировны Пиккель, прекрасного детского врача, профессора, кавалера ордена «Знак Почета».

«Правда Севера» 27.09.1981 г.

Об авторе: Батыгина Надежда Ивановна, кандидат медицинских наук, ассистент кафедры общей хирургии АГМИ в 1948–1981 гг.

Елена Сибилева

ОСНОВОПОЛОЖНИК ПЕДИАТРИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ НА ЕВРОПЕЙСКОМ СЕВЕРЕ

Мария Владимировна Пиккель родилась в семье военного врача Кирасирского гвардейского полка, ее крестной матерью была императрица Мария Федоровна. Образование получила домашнее: грамоте и языкам учила тетя – учительница частной школы. После того, как отца в 1931 году репрессировали, семья переехала в один из райцентров Смоленской области, где отец стал заведовать районной врачебной амбулаторией. С 1933 г. Мария Владимировна работала регистратором в амбулатории, а затем исполняла обязанности медсестры. В 1936 г. поступила на Рабфак Архангельского мединститута. По его окончании в 1942 году была направлена на работу в детское отделение 1-ой городской больницы в качестве врача-ординатора. Работала в клинике профессора Ю.В. Макарова. В 1947 году успешно защитив кандидатскую диссертацию, стала ассистентом кафедры педиатрии. В 1954 г. М.В. Пиккель организовала в составе кафедры курс детских инфекций на базе городской инфекционной больницы. Она руководила этим курсом до избрания её в 1965 году заведующей кафедрой педиатрии. По ее инициативе был открыт инфекционный корпус для детей раннего возраста, создано отделение нейроинфекций. Мария Владимировна стояла у истоков создания Архангельской областной детской клинической больницы, ее вклад в создании этого многопрофильного специализированного учреждения трудно переоценить.

Всю свою жизнь она посвятила детям. Ее научные интересы определялись не конъюнктурными соображениями, а всегда соответствовали задачам, решаемым практическим здравоохранением: ликвидация и профилактика рахита, дистрофий, детских инфекций, туберкулезного менингита, дифференциальный диагноз хронических заболеваний легких, особенности сепсиса у детей раннего возраста.

В годы Великой Отечественной войны Мария Владимировна выходила сотни детей из блокадного Ленинграда и голодающих маленьких северян. В диссертации на соискание ученой степени кандидата медицинских наук «Рахит у детей-дистрофиков» (1946 г.) М.В. Пиккель доказала, что при тяжелой дистрофии с замедлением роста имеется лишь «готовность» к возникновению заболевания, которая используется при улучшении состояния питания предложена оригинальная схема патогенеза рахита при дистрофии, намечены пути профилактики и лечения рахита в зависимости от состояния питания. Особое внимание было обращено на питание в

условиях Севера, разработаны конкретные мероприятия для практических врачей-педиатров по снижению рахита у детей с дистрофией.

Итогом работы над докторской диссертацией явилась полная ликвидация этого грозного заболевания среди детей Архангельской области. М.В. Пиккель стала первой женщиной-профессором среди выпускников Архангельского медицинского института.

Блестяще владея тремя языками, Мария Владимировна посвятила себя с 1978 года переводу поэзии. Недостижимый идеал – своего рода вечный стимул, вдохновляющий переводчика на бесконечные поиски и мучения. Все это я особенно ощутила при переводе произведений великого поэта Райнера Марии Рильке. К 1982 году ее архив переводчика включает имена восемнадцати поэтов и писателей, чьи произведения с языка оригинала (немецкого, английского, французского) переведены на русский язык. Переводы из Гейне, Байрона, лирики О. Уайлда и Р. Олдингтона, Э. Дикинсон, Верлена, Рембо соседствуют с впервые переведенными на русский язык произведениями Руперта Брука и совсем юной поэтессы Хильды Конклинг, имена которых вошли в антологию английской поэзии. В 1982 году М.В. Пиккель обращается к творчеству Рильке и с этого времени становится переводчиком одного поэта. Публикации переводов М.В. Пиккель поэзии Рильке появляются в областной периодической печати (г. Архангельск) с 1986 года. В 1994 году издается первый авторский сборник переводов из лирики зарубежных поэтов «Отражение». В 1995 году в издательстве Поморского университета (г. Архангельск) вышел первый в России полный перевод трех книг «Часослова» Р.М. Рильке, сделанный М.В. Пиккель. В 1996 году издается авторский сборник «Ручей жизни» (избранные переводы из Рильке) и первая редакция полного перевода «Дуинских элегий» Р.М. Рильке. В этом же году в книге, изданной Международным педагогическим университетом (г. Магадан), публикуется перевод знаменитого стихотворения Рильке «Пантера». В 1998 году в Северо-Западном книжном издательстве вышла книга избранной лирики Рильке на немецком и французском языках с параллельным русским текстом в переводе М.В. Пиккель.

В ней поражала разносторонность интересов, глубина знаний, умение видеть главное. М.В. Пиккель удостоена высокого звания «Почетный гражданин города Архангельска».

Своим примером беззаветного служения детям, своей добротой, интеллигентностью она пробудила у многих интерес к педиатрии. Мария Владимировна воспитала целую плеяду достойных учеников и последователей. Она считала педиатрию святым ремеслом.

Об авторе: Сибилева Елена Николаевна, профессор, заведующая кафедрой педиатрии № 2, заслуженный врач РФ.

Валерия Макарова

«УЧИТЕЛЬ, ПЕРЕД ИМЕНЕМ ТВОИМ ПОЗВОЛЬ СМИРЕННО ПРЕКЛОНИТЬ КОЛЕНИ...»

Время – удивительная вещь, позволяющая оглянуться назад, переосмыслить пройденный путь, понять, почему ты прожил жизнь так, а не иначе. И, наверно, не случайно Господь ниспослал тебе встречи с людьми, которые перевернули, а может быть, скорректировали твою жизнь. Одним из таких людей была для меня Мария Владимировна. Писать или рассказывать о Марии Владимировне не просто. Не просто потому, что понимаешь, какая это недосыгаемая величина, или потому, что знаешь очень мало об этом человеке. Знаешь только то, что видел и слышал либо читал. Понимание внутреннего мира человека часто остается за «кадром бытия».

Четвертый курс, первая лекция по педиатрии. Лекция как лекция, но приходит первое удивление: профессор не пользуется какими-то внешними атрибутами (жестикуляцией, тембровыми интонациями, веселыми рассказами), чтобы завладеть вниманием аудитории. Спокойное, почти монотонное повествование о предмете, о развитии ребенка, негромкий голос, который почему-то завораживал и заставлял сосредоточиться. Прошло 40 лет, а тетрадка с лекциями до сих пор лежит на книжной полке рядом с современными руководствами по педиатрии. Изменились взгляды на этиологию, патогенез и лечение, но описание нозологии осталось тем же.

И через год уже не осталось сомнений – какую специальность выбрать после окончания института. Волею судьбы мне не довелось остаться в областной детской больнице, но учеба в клинической ординатуре позволила целых два года быть рядом с профессором, познавать азы педиатрии. Помню, при составлении плана обучения на кафедре Алевтина Яковлевна Трубина спросила у Марии Владимировны, как часто ординатор должен сдавать зачеты. На что Мария Владимировна ответила: «Зачем мне зачеты, достаточно того, что я вижу, как доктор работает». Было стыдно работать плохо, было стыдно мало читать, было стыдно не ответить на вопрос профессору на обходе. Мы стремились быть похожими на профессора хотя бы чуть-чуть.

Было большим счастьем, когда после организации кафедры пропедевтики детских болезней Мария Владимировна работала у нас профессором-консультантом в течение двух лет. Какая это была школа! Диагност от Бога, она всегда ставила во главу угла клинические проявления заболевания, учила искать истину на поверхности явления. И после ее консультаций все сложное оказывалось простым. И уже частые встре-

чи, беседы не только о педиатрии, но и о литературе, поэзии, живописи, политике постепенно дополняли впечатление. Многогранность таланта, широта взглядов, человеческое отношение ко всему происходящему, честность и принципиальность – вот качества, которые характеризуют уникальность этого человека. Почему в россыпи алмазов бриллиантов мало? Наверно, на то есть свои причины. Может быть – это происхождение, может быть – генетика, может быть – воспитание? Появилось желание заглянуть в историю.

Немецкий уклад жизни, домашнее образование, сформировавшее свободу мышления, раннее погружение в медицинскую среду повлияли на становление личности будущего профессора. Интересен такой факт ее биографии: крестила Марию Владимировну императрица Александра Федоровна (супруга Николая II). Сама Мария Владимировна большого значения этому не придавала. В опубликованных дневниках императрицы есть высказывание: *«Уже давно нет крупных писателей ни в одной стране, нет также знаменитых художников или музыкантов, – странное явление... Машины и деньги управляют миром и уничтожают искусство, а у тех, кто считает себя одаренным, – испорченное направление умов... Наступит ли во всем пробуждение и возрождение, будут ли снова существовать идеалы, станут ли люди чистыми и поэтичными или же останутся теми же сухими материалистами?»*. Это же век 19-й... Подобное мы слышали от Марии Владимировны в 20-м. Может быть, это духовная связь с крестной матерью, может быть, это влияние окружения императорского двора? В ту пору при дворе жила еще интересная женщина, о которой писали: *«Несмотря на маленький рост, в ее манерах было столько величия, что там, куда она входила, не было видно никого, кроме нее... Она олицетворяла в совершенной степени ту обаятельность, то собирательное понятие «симпатичности», которое так трудно поддается анализу и которому научиться невозможно...»*. Речь идет об императрице Марии Федоровне, матери Николая II. Ее полное имя Мария-София-Фредерика-Дагмара; а «удивительное, поистине «королевское» сочетание гордости и терпения стало ее стилем и позволило ей выдержать самое страшное», – так писали историки.

Зайдите на Вологодское кладбище в Архангельске, где покоится прах профессора Пиккель. И вы увидите на памятнике: Мария – Дагмара... Случайность? Может быть. Но ведь и вся наша жизнь – это череда случайностей.

Об авторе: Валерия Ивановна Макарова, академик РАЕ, профессор, заведующая кафедрой пропедевтики детских болезней, заслуженный врач РФ.

Виктория Терновская

МОЙ УЧИТЕЛЬ

С Марией Владимировной Пиккель я познакомилась, когда была студенткой 5 курса АГМИ, она заведовала кафедрой педиатрии и преподавала её у нас. После окончания института я хотела продолжить образование в ординатуре по педиатрии и подошла к ней с этой просьбой, но получила отказ. М.В. Пиккель была принципиальным человеком и обучаться в ординатуре давала возможность кружковцам, а я занималась в кружке по хирургии, она меня не знала, этим и был мотивирован отказ.

Но поскольку я решила стать педиатром, то пошла работать участковым педиатром в Октябрьскую поликлинику. Уже через полгода встреча с Марией Владимировной состоялась вновь, когда я была на специализации в Областной детской клинической больнице.

Через два года работы Мария Владимировна пригласила меня в клиническую ординатуру, поскольку потребность в педиатрическом образовании у меня была очень большая. А затем последовало предложение об обучении в аспирантуре, где три года под руководством М.В. Пиккель я выполняла кандидатскую диссертацию.

Мария Владимировна учила мыслить. Она заложила у нас основы клинического мышления, за что все ученики были ей благодарны, потому что без этого быть врачом-клиницистом просто невозможно.

Годы обучения в аспирантуре были сложными, не было материальной базы для проведения научных исследований, поэтому приходилось выполнять научные исследования, кооперируясь с сотрудниками из Москвы. М.В. Пиккель помогла выйти на представителей научной школы двух московских институтов – Института гигиены детей и подростков и лабораторию и Московского Института педиатрии, куда она послала меня для освоения методик. После этой поездки на кафедре педиатрии была создана цитохимическая лаборатория, в которой стали вестись научные исследования.

М.В. Пиккель не боялась работать с другими профессорами по подготовке научных кадров. Она была бескорыстным человеком в науке. Не искала выгоду и признания, своим опытом и знаниями всегда делилась и не боялась, что её приоритет будет потеснен, если она пригласит в консультанты ещё кого-то. Признание свое она получала от тех людей, с которыми она работала, кому передавала свои знания, а не от высших структур... Ордена, медали... Это её никогда не волновало. Она просто работала и учила, бескорыстно служила своему делу. Всегда помогала

своими советами в годы учебы и работы. Помогла мне обработать мою работу математически, когда требовалась обработка на ЭВМ, отправив меня в Черноголовку, чтобы мне сделали статистическую обработку данных. Чувствовалось её скрупулезное, доброе, бескорыстное отношение.

Мария Владимировна очень трепетно относилась к русскому языку. Она очень хорошо структурированно читала свои лекции, очень доступно выражала сложные процессы, так, что они становились доступны и понятны для обучающихся. Всегда была требовательна ко всем выступлениям, которые готовили её ученики. Она научила и меня четко излагать свои мысли. И сама никогда не допускала ошибок ни в устной, ни в письменной речи. Русский язык – это составляющее нашей культуры, и такое отношение было очень важно.

Я всегда привожу студентам пример из практики М.В. Пиккель, обращая внимания на то, что, собирая анамнез и работая с больных ребенком, нельзя упускать любые мелочи в состоянии его здоровья. Был случай, когда к Марии Владимировне отправили ребенка на консультацию в связи с тем, что мама подала жалобу в прокуратуру на врачей, «которые проводили лечение ребенка и кололи уколы в голову, тем самым повредили нервную систему, ребенок стал отставать в нервно-психическом развитии». Когда Мария Владимировна осматривала ребенка, он помочился на её халат, и она уловила необычный запах мочи. Её мысль сработала в правильном направлении, что это – нарушение обмена веществ. Это оказалось аминокислотное нарушение – болезнь мочи с запахом кленового сиропа. Мы сходили на военно-морскую кафедру, взяли реактивы, поставили качественную реакцию по моче, и это заболевание подтвердилось благодаря вот такому внимательному отношению Марии Владимировны.

Об авторе: Терновская Виктория Афанасьевна, профессор, заслуженный врач РФ.

Светлана Малявская

ИСТОРИЯ ПЕДИАТРИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ НА ЕВРОПЕЙСКОМ СЕВЕРЕ РОССИИ

На Европейском Севере России профессиональная подготовка детских врачей стала осуществляться в 1935 г. (21 сентября 2010 г. исполнилось 75 лет с образования кафедры педиатрии АГМИ – АГМА – СГМУ).

До этого момента все архангельские педиатры – малочисленные выпускники других вузов. Создал кафедру педиатрии для подготовки врачей–педиатров на лечебном факультете во вновь созданном Архангельском государственном медицинском институте представитель казанской педиатрической школы (в Казанском университете медицинский факультет был создан в 1814 г., кафедра педиатрии с 1875 г., научное общество педиатров с 1912, первая детская клиника – в 1920 г., педиатрический факультет – в 1934-м году), носитель ее традиций, приват-доцент (с 1936 г. – профессор) замечательный педагог и клиницист Юрий Васильевич Макаров. В 2009 году исполнилось 115 лет со дня рождения. Одновременно Ю.В. Макаров становится главным врачом городской детской больницы, которая оставалась первой клинической базой для преподавания педиатрии до 1961 г. (располагалась на перекрестке улиц П. Виноградова и К. Маркса), а также председателем Архангельского отделения «Общества детских врачей РСФСР». Им были определены стратегические направления научно-педагогической деятельности кафедры, планомерно и последовательно осуществлявшиеся до начала Великой отечественной войны: обучение студентов на цикле детских болезней, усовершенствование врачей-терапевтов по педиатрии, внедрение в лечебный процесс новых достижений науки, научная деятельность по северной тематике, совместная работа с органами здравоохранения.

В жесточайших условиях военного времени, когда чрезвычайно усложнилась работа по подготовке врачей и ППС, оказание квалифицированной помощи населению, организация учебной и научной работ, кафедра, под руководством Ю.В. Макарова, занималась изучением самых актуальных проблем педиатрии военного времени – острых расстройств пищеварения, гипотрофии, рахита (особенно у детей-«блокадников»), пневмоний, авитаминозов – преобладающих видов патологии у детей первого года жизни в тот период, а также токсической диспепсии – основной причины высокой детской смертности. Для педиатров те военные годы были особенно тяжелыми – на фоне голода, стрессовых ситуаций, недостатка медикаментов и других проблем здоровье детей было резко подорвано (Архангельск в годы войны оказался на втором месте по голодной смертности после блокадного Ленинграда). Туберкулёз, поносы, сепсис, хронические пневмонии на фоне голода и истощения носили необычно тяжелый, злокачественный характер.

Становление как педиатра Марии Владимировны Пиккель приходится на военные годы. Её профессиональная биография ученого и врача (от ассистента до профессора, заведующего кафедрой), начавшаяся в 1942 г., продолжалась в течение 46 лет (по 1988 год). Она начала работу в дет-

ской клинике профессора Ю.В. Макарова еще в годы студенчества (детские ясли, стационар), уже в военные годы, в 1942 г, окончив с отличием полный курс АГМИ по специальности лечебное дело, направлена (по предложению Ю.В. Макарова) на работу врачом-ординатором детского отделения I-й Архангельской клинической больницы. Мария Владимировна сразу же проявляет большой интерес и способности к научно-исследовательской работе, за сравнительно небольшой срок она, под руководством профессора Ю.В. Макарова, выполнила несколько научных работ в клинике детских болезней. Первая научная работа – обобщение собственного опыта лечения номы у детей, представленного в докладах «О лечении больных номой переливанием крови и сульфидином» и тезисах «К вопросу о лечении номы у детей» представленных на научных сессиях СГМУ военных лет. Но главное внимание она сосредоточила на самой тяжелой детской патологии и основной причине детской смертности в те трудные годы – проблеме детей с дистрофиями, предупреждении и лечении детских инфекций. Следующие ее труды огромной практической важности – «Опыт применения раствора сульфидина по Планельсу при лечении летних детских поносов» (тогда единственный метод лечения этого часто смертельного заболевания) и «Рахит у детей г. Архангельска и некоторые особенности рахита у детей-дистрофиков» (в последней работе речь идет «о сочетании двух бичей в наше тяжелое время – рахита с дистрофией у детей в возрасте от 1 мес. до 3 лет»).

Мария Владимировна и сотрудники кафедры в труднейших, а часто невыносимых обстоятельствах военного времени работали со студентами не только в клинике, но и в детских яслях, областном доме ребенка, в родильных домах, самоотверженно борясь за жизнь и здоровье детей. Врачи-педиатры проявляли образцы подлинного героизма, бесстрашия и самопожертвования. Они делали все возможное, а часто и невозможное, чтобы спасти, сохранить жизнь больному и голодному ребенку. Работа медиков приравнялась к боевому подвигу и за самоотверженный труд в годы Мария Владимировна Пиккель награждена медалями «За трудовую доблесть» и «За победу в Великой Отечественной войне 1941–1945 года».

После защиты 21 апреля 1947 г. кандидатской диссертации (Казанский медицинский институт, научный руководитель – проф. Ю.В. Макаров) на тему «Рахит у детей-дистрофиков», Мария Владимировна принята на должность ассистента кафедры педиатрии на базе первой детской городской больницы на 25 коек (открылась 1 июля 1946 года на базе детского отделения городской больницы). В 1965 году (21.10.) М.В. Пиккель возглавила кафедру детских болезней, став преемницей на посту заве-

дующего Андрея Григорьевича Суворова (1894-1971), представителя казанской педиатрической школы, доцента, замечательного клинициста и талантливого педагога (заведовал кафедрой с 1946 по 1965 год).

Профессор М.В. Пиккель внесла особый вклад в развитие кафедры педиатрии, с ее именем связаны поворотные события педиатрии Поморского Севера – начало формирования педиатрического направления Северной медицинской школы, подготовка многочисленных профильных кафедр вновь созданного педиатрического факультета, ставших основой для обучения педиатров на Европейском Севере, открытие педиатрического факультета (в 60-е и 70-е годы открыты педиатрические факультеты в большинстве медицинских институтов СССР), появление многопрофильной областной детской клинической больницы (ОДКБ) и научно-практическое наследие, имеющее огромное значение для развития педиатрии Северо-запада России.

Самые серьезные научно-практические результаты Марией Владимировной были достигнуты в решении проблем туберкулезного менингита у детей, причина которого была окончательно установлена только в 1893 г, спустя 11 лет после открытия Кохом в 1882 г. возбудителя туберкулеза (с этого времени диагноз подтверждался обнаружением микобактерий туберкулеза в спинномозговой жидкости больных, страдавших этим заболеванием). Для Архангельской губернии проблема туберкулеза (и его внелегочных форм) всегда имела огромное медико-социальное значение (в Архангельской губернии еще с 1911 г на заседании Общества врачей учреждено Архангельское отделение Всероссийской Лиги борьбы с туберкулезом). До 50-х годов XX столетия, в связи с отсутствием патогенетического лечения (в отличие от относительно курабельных легочных форм), туберкулезный менингит был неизлечимым заболеванием со стопроцентным смертельным исходом. Типичное высказывание того времени – «Поставить диагноз туберкулезного менингита – значит приговорить ребенка к смерти». Мария Владимировна лечила детей, работая с самыми безнадежными и тяжелыми детьми – деятельность ее по тем временам можно расценить как врачебный подвиг. Эти тяжелые (часто бесперспективные дети) концентрировались в созданном ею отделении на базе инфекционного городка (позднее отделение нейроинфекции или «менингитное отделение» на базе ДИК-2). После появления первого антибактериального препарата стрептомицина (который многократно вводился в спинномозговой канал на уровне шейных позвонков; количество инъекций иногда доходило по 150–170), существенно изменилось клиническое течение и исходы. Интратекальное введение антибиотиков в те времена было единственным шансом для больного. Поражает масштаб-

ность исследований проблемы туберкулезного менингита в Архангельской области (клинические наблюдения в сочетании с изучением особенностей воспаления мозговых оболочек – клинко-морфологическая работа), но еще более впечатляющим практическим результатом исследования, продолжавшегося несколько лет, стало снижение заболеваемости туберкулезным менингитом и достигнутое снижение смертности у этих больных. Только после появления фтивазида, пероральный путь введения, без инъекций стрептомицина в спинномозговой канал, стал являться (и является таковым до настоящего времени) наиболее эффективным методом лечения. В 1966 году, обобщив огромный клинический материал Мария Владимировна успешно защитила докторскую диссертацию «Клинические формы туберкулезного менингита при современных методах лечения» в Ленинграде. Эта работа была не только востребована в те годы, (в наше время 1996 году монография переиздана, не потеряв актуальности и теперь), но и сыграла важную роль в повышении престижа нашего вуза, как пример его общероссийского научного приоритета.

Другая важнейшая тема – токсическая диспепсия у детей, ранее заболевание со смертельным исходом и основная причина смертности детей (до установления в 60-70 годы минувшего столетия инфекционной природы заболевания). Мария Владимировна открыла в инфекционной больнице «кишечное отделение для детей от 3 месяцев до 1 года» и продолжила себя в учениках (обобщенный опыт был представлен в кандидатской диссертации В.Н. Королевой).

Необходимо особо подчеркнуть, что все научные работы Марии Владимировны чрезвычайно актуальны и имели необычайную практическую значимость. Она проявила профессиональный и научный интерес к широкому кругу проблем, присущих повседневной деятельности педиатра: применению сульфидина в лечении номы и летних детских поносов у детей (1943, 1945), разработке лечения туберкулезного менингита (1966), патогенезу и особенностям развития рахита у детей с гипотрофией (1947). Объектом ее внимания были проблемы детской гематологии, муковисцидоза, хронических пневмоний и многие другие. Касаясь детской пульмонологии, хочется привести слова А.С. Кирсановой: «С помощью Марии Владимировны мы изучили в пульмонологии истоки формирования хронических пневмоний, непосредственные и отдаленные результаты лечения деструктивных пневмоний, были внедрены методики диагностики муковисцидоза и иммунодефицитных состояний у детей».

Значима роль М.В. Пиккель в открытии в Архангельске в 1972 году многопрофильной детской областной больницы (ОДКБ), сразу же ставшей организационно-методическим центром педиатрической службы

в области. С момента начала работы больницы, кафедра педиатрии и ОДКБ функционируют как единый клинко-научно-педагогический комплекс, осуществляя совместную деятельность по подготовке педиатров. ОДКБ стала и основной учебной и клинической базой кафедры педиатрии и нового педиатрического факультета, созданного через несколько лет. Необходимость создания педиатрического факультета в АГМИ была продиктована дефицитом врачей-педиатров в Северо-Западном регионе России. До его создания подготовка педиатров осуществлялась путем специализации врачей лечебников и стоматологов, обучения в клинической ординатуре, подготовки врачей-педиатров на шестом курсе лечебного факультета через субординатуру кафедры педиатрии. Но открытие факультета сдерживалось отсутствием на тот момент современной клинической базы, на которой должно было проходить обучение студентов, аспирантов и ординаторов. Эта база была создана после строительства современной многопрофильной больницы, имевшей возможность нахождения пациентов с разнообразной патологией детского возраста и где была возможность проведения клинических разборов как наиболее типичных случаев, так и редких заболеваний. «Открытие педиатрического факультета – долгожданное и радостное событие для Архангельской области. В течение 10 лет Архангельский медицинский институт и Облздравотдел ставили вопрос перед Министерством здравоохранения РСФСР о его открытии в связи с острой потребностью в постоянных педиатрических кадрах для области и города» (Пиккель М.В., «Медик Севера», январь 1978 г.).

С именем М.В. Пиккель связана и 40-летняя история становления и совершенствования педиатрического направления Северной медицинской школы. Мария Владимировна воспитала не один десяток докторов и кандидатов наук, не одно поколение опытных педиатров. На сегодняшних педиатрических кафедрах заведующими являются заслуженные врачи РФ, доктора медицинских наук, профессора – ученики и последователи Марии Владимировны (имеющие уже своих учеников). Ее ученики работают главными врачами, заведующими отделениями, врачами в детских клиниках города Архангельска, Архангельской области и других регионах. Кафедра педиатрии, которой руководила Мария Владимировна, всегда была многопрофильной – на ней преподавались все основные разделы педиатрии: факультетская, госпитальная педиатрия; сложились и выделились курсы преподавания детских инфекций и неонатологии, субординатура. Обходы и клинические разборы, лекции профессора М.В. Пиккель послужили прекрасной школой для молодых врачей, под ее руководством в клинике превратились в самостоятельные от-

расли детские эндокринология и гематология, неонатология, инфекционные болезни. Спектр профессиональных и научных интересов Марии Владимировны очень широк, но при этом (это была ее принципиальная позиция), научная работа кафедры всегда была тесно связана с вопросами практического здравоохранения и рассматривалась как непременное условие высокого уровня подготовки научных, педагогических и врачебных кадров. Ежемесячно на протяжении нескольких десятков лет в ОДКБ (а ранее в других клиниках) под ее руководством проводились научно-практические конференции, организовывались тематические конференции и разборы сложных случаев заболеваний и т.д. Практика обмена опытом лечения и данными научных разработок при личном общении, в спорах и дискуссиях реализовалась в деятельности общества педиатров, возглавляемого Марией Владимировной.

Научные интересы М.В. Пиккель всегда соответствовали потребностям практического здравоохранения (рахит, дистрофия, детские инфекции, туберкулёзный менингит, сепсис, хронические пневмонии, муковисцидоз), а ее научные труды несли алгоритм практического решения этих задач.

Как и её предшественники и учителя, М.В. Пиккель объединяла в себе качества прекрасного чуткого человека, выдающегося учёного и педагога, ее отличали интеллигентность, эрудированность, широкий научный кругозор и талант клинициста, огромное педагогическое мастерство. Она оставила светлую память в сердцах педиатров, кому выпало счастье пройти школу врачебного мастерства и жизненного опыта, кому посчастливилось вместе с ней работать, для кого она была наставником, учителем, консультантом, а прежде всего – доктором с большой буквы, сохранивший здоровье и вернувший радость жизни тысячам больных детей. Сама она в совершенстве владела главным профессиональным инструментом врача – собственным мышлением, врачебной интуицией, способностью выявлять и анализировать тончайшие взаимосвязи в организме. «М.В. Пиккель – человек удивительной скромности, высокого интеллекта, врач, видевший больного в целом. Никто не мог так проводить клинические разборы больных, как она. Ее логическое мышление было всегда направлено на истоки формирования болезни, на выявление фонового состояния больного и ведущего синдрома» (А.С. Кирсанова).

Воспитание врача (включая процесс усвоения, переработки и трансляции информации) – процесс очень сложный. Замечательные слова Юрия Азарова (писатель, художник, ученый, педагог): «Чтобы быть хорошим преподавателем, нужно любить то, что преподаешь, и любить тех, кому преподаешь» – с полным правом можно отнести к Марии Вла-

димировне. Мария Владимировна – чуткий и талантливый педагог, что, в сочетании с талантом клинициста и высочайшими человеческими качествами создавало образ Учителя с большой буквы. Учителя, как известно, в формулу «знания – умения – навыки» не загонишь, инструмента, которым можно измерить благородство души, процесс творчества в повторяющемся учебном процессе, озарения, бесконечные диалоги с самим собой, нет. Не случаен выбор стихотворения «Быть знаменитым некрасиво» (Борис Пастернак), прочитанного ею на встрече со своим выпуском (1942 года).

Мария Владимировна ориентировала своих сотрудников на постоянное повышение собственного научного потенциала и умение донести эти знания до практикующих педиатров. Во время обходов, лекций и практических занятий она и ее сотрудники щедро делились своим клиническим опытом, знакомили студентов, аспирантов, клинических ординаторов и практических врачей с самыми передовыми методами диагностики, профилактики и лечения заболеваний детского возраста. Известно, что как самостоятельная ветвь медицинской науки, педиатрия окончательно сформировалась во II половине XX века, который, являясь уникальной исторической эпохой, вобрал в себя не менее 80 % данных, накопленных человечеством. Гениально осознавая важность сочетания врачебной практики с научными изысканиями, без которых немислимо профессиональное совершенствование, Мария Владимировна внушала это и своим последователям и ученикам. Эта мысль стала ее основным заветом и духовным завещанием. Согласно этому «завещанию», архангельскими учеными-педиатрами признается приоритет клинического мышления в соответствии с конституциональными и другими индивидуальными особенностями больного и здорового ребенка при решении любых проблем диагностики и лечения. Кроме того, работа М.В. Пиккель всегда имела ярко выраженную социальную направленность, всегда, на протяжении всей дальнейшей работы она всегда рассматривала ребенка в связи с его окружением, микросредой.

Все, кто имел счастье работать с М.В. Пиккель, отмечали ее исключительную научную порядочность и методичность, пристальное внимание к нюансам жизни клиники и состояния пациентов, постоянную нацеленность на новое, глубокую его переработку с последующей передачей ученикам, повседневный контроль за их деятельностью, четкую систему научной, педагогической и лечебной работы, широкую и глубокую общую культуру, ее, «пиккелевский», стиль общения с коллегами и учениками. Научный поиск, требовательность и взыскательность к себе, бережное и внимательное отношение к ученикам, человеческая доброта и

душевная чуткость – все эти качества стали присущи лидеру педиатрической школы Северо-Запада.

Вся жизнь М.В. Пиккель со студенческой скамьи и до выхода на пенсию была тесно связана с кафедрой педиатрии и ее клиническими базами. Разносторонность ее научных интересов проистекала от широты и глубины ее знаний по педиатрии и глубины блестящего образования, полученного еще в XIX веке. М.В. Пиккель, ее ученики и сотрудники кафедры всегда считали основным в своей работе формирование внутренней мотивации врача на получение новых знаний, понимание им своей миссии, своей роли в жизни людей, доверивших ему свое здоровье. По словам самой Марии Владимировны, каждому педиатру необходимо обладать тремя качествами «без которых педиатра не получится» – наблюдательностью, терпением, добротой. Она считала, что необходимо вести борьбу с бездушием, которое проявляется от привычки к страданиям ребенка. «Педиатр не имеет права привыкнуть к страданиям, другое дело – самообладание, когда приходится причинять боль».

Ее научно-практическую деятельность отличали интеграция научного поиска с решением конкретных задач практического здравоохранения, по своей глубине, обширности и многоплановости ее исследования сохраняют актуальность и находятся в центре внимания педиатрии до сих пор. Нельзя назвать ни одного сколько-нибудь перспективного направления или значимой проблемы педиатрии, которые не были бы исследованы ее учениками (как в практическом здравоохранении, так и в системе вуза). Она считала, что важно научить человека мыслить самостоятельно, самому сопоставлять факты и искать информацию. Тогда человек не перестанет учиться всю жизнь, не заслонится решётками догм и устаревших правил, обгоняя своих учителей и себя самого.

В период ее заведования раскрывается клиническое мастерство и педагогический талант В.А. Терновской, В.И. Макаровой, Е.Н. Сибилевой, Л.В. Титовой, Г.Н. Чумаковой, Л.А. Зубова, А.С. Кирсановой, Л.К. Анисимовой и других, которые во многом определили лицо кафедры в последующие годы. Работа на кафедре под руководством Марии Владимировны в полной мере раскрыла организаторские способности прекрасных клиницистов и педагогов Г.П. Смирновой, А.К. Копалина, Л.А. Акимовой, О.Ю. Леонтьевой, Т.Л. Ширяевой. В 1978 году, передав кафедру доценту А.Я. Трубиной (заведовала кафедрой с 1978 по 1988 г.), Мария Владимировна продолжала консультировать больных, делать обходы, принимать государственные экзамены (в 1983 году) на педиатрическом факультете. В 1982 году кафедра педиатрии разделяется – на ее базе создаются две кафедры: кафедра педиатрии педиатрического фа-

культета (зав. кафедрой доцент А.Я. Трубина), и кафедра педиатрии лечебного и стоматологического факультетов (зав. кафедрой доцент, затем профессор, В.А. Терновская). Затем кафедрой педиатрии педиатрического факультета руководили доктора медицинских наук из Ленинграда – В.Л. Пайков (1988–1990 г.) и А.В. Добронравов (1990–1992 г.), а с 1992 по 2007 год ее возглавляла профессор В.А. Терновская (заслуженный врач РФ, прошедшая путь от клинического ординатора до профессора).

Итогом многолетней педагогической работы Марии Владимировны стала подготовка будущих заведующих профильных кафедр вновь созданного педиатрического факультета, ставших основой для подготовки педиатров на Европейском Севере. В 1987 году организуется кафедра пропедевтики детских болезней и поликлинической педиатрии на базе больницы им. Н.А. Семашко (зав. кафедрой – доцент, затем профессор В.И. Макарова), в 1987 году присоединившая к себе кафедру педиатрии лечебного и стоматологического факультета (образованную в 1982 г.). Позднее от нее отделилась уже «внучатая кафедра» – социальной и поликлинической педиатрии ФПК и ППС, которой ныне заведует профессор Л.И. Меньшикова. Курс детских инфекций в 1993 был преобразован в кафедру детских инфекций (доцент, затем проф. Л.В. Титова), ныне возглавляемую д.м.н. О.В. Самодовой. Организатором и руководителем кафедры неонатологии и перинатологии (1995 г.) стала доцент, затем профессор Г.Н. Чумакова. Опыт проведения тематических и специализированных циклов (основа подготовки педиатров в дофакультетный период), накопленный кафедрой педиатрии под руководством М.В. Пиккель, реализовался в проведении циклов по детской эндокринологии, патологии детей раннего возраста, пульмонологии, аллергологии, гастроэнтерологии детского возраста. Нарботки в области последипломного образования интернов и ординаторов, а также профессиональной переподготовки врачей-педиатров позволили организовать в октябре 1998 г. кафедру педиатрии факультета подготовки кадров и профессорско-преподавательского состава, которую возглавила профессор Е.Н. Сибилева.

Формирование педиатрического направления Северной медицинской школы отсчитывает свое начало с образования кафедры педиатрии и профессиональной подготовки детских врачей. М.В. Пиккель – выдающийся педиатр, ученый, внесший неизмеримый вклад в развитие педиатрии на ЕС, педагог, воспитавший несколько поколений педиатров, создатель клинической школы на Европейском Севере России. У такой школы и ее лидера всегда есть ученики различного возраста и уровня подготовки, которые активно претворяют в жизнь программу и развивают идеи учителя. На Европейском Севере России практически нет на-

правления педиатрии, в котором профессор М.В. Пиккель не оставила бы своего вклада, и где бы до сих пор не работали ее ученики. «Наука должна быть настоящей, работы глубокими и содержательными, оставляющими глубокий след, становясь богатством не только вуза, но и всей медицинской науки России» было сказано в её обращении, посвященном 70-летию АГМИ – АГМА – СГМУ. Считается общепризнанным, что научно-практическую (клиническую) школу, претендующую называться научной, отличают: яркая творческая личность ее создателя; наличие, по меньшей мере, 2-х поколений учеников, претворяющих в жизнь и развивающих идеи учителя; общность мировоззрения и основной тематики исследований; востребованность научной продукции (диссертации, монографии, статьи, сборники трудов и др.); и продолжительное тесное общение учителя и учеников в процессе клинической, педагогической и научной работы. Сейчас научно – педагогическое сообщество педиатров включает 15 докторов медицинских наук и более 90 кандидатов, включая 26 доцентов различных профильных кафедр, что свидетельствует о наличии главной составляющей научной школы: существовании нескольких поколений учеников, активно претворяющих в жизнь и развивающих идеи учителя, объединенных общностью естественнонаучного мировоззрения, тематики и методик исследований.

Созданная Марией Владимировной научно-практическая школа оказалась и продолжает оказывать влияние на развитие педиатрии и клинической медицины в регионе. Школу отличают новизна и глубина исследований, их связь с насущными проблемами педиатрии и краевой патологии. По специальностям ее учеников можно судить о широте и разнообразности научных взглядов основателя школы. Среди них есть неонатологи, гематологи, кардиологи, эндокринологи, детские инфекционисты, физиологи, онкологи, хирурги, невропатологи и др. Исследования проводились в течение многих лет, а их этапы завершались диссертациями, монографиями, статьями, а выбор тематики всегда имел высокую научную и практическую значимость. Научный потенциал учеников М.В. Пиккель по многим вопросам поднялся на уровень мировых требований педиатрии – результаты исследований сотрудники кафедры представляют на научных форумах и публикуются в научных изданиях. С момента начала профессионального образования педиатрическим научным сообществом Архангельской области произведен значительный объем научной продукции и достигнуты серьезные научные результаты, признанные на региональном, всероссийском и международном уровне. По своей глубине, обширности и многоплановости эти исследования сохраняют актуальность и продолжают находиться в центре внимания педиатрии.

Многочисленные работы учеников свидетельствуют о неразрывной связи прошлых, настоящих и будущих поколений ученых. Нельзя назвать практически ни одного сколько-нибудь перспективного направления или значимой проблемы педиатрии, к которым сотрудниками кафедры педиатрии не был бы проявлен научный интерес, начиная с первых лет ее существования.

Последовательный рост и укрепление педиатрического измерения Северной медицинской школы, происходящие в течение всего периода существования АГМИ – АГМА – СГМУ, продолжают сохранять в своей глубине традиции первых северных лечьцов, пользовавшихся детей старшего возраста, повивальных бабок и бабок-целительниц детей раннего возраста; не растворились в многообразии современной информации знания и опыт монахов-лекарей, традиции и опыт монастырских больниц Севера; четко обозначенная общественная и социальная направленность ведет свои истоки от дореволюционного общества Архангельских врачей. Первые профессора-клиницисты принесли на Север профессиональную культуру и традиции российского клиницизма, опираясь на устои научных медицинских школ, к которым они принадлежали (Санкт-Петербургская, Московская, Казанская, Томская, Донская и др.), чем определили на многие годы научные приоритеты и направления. Наука может развиваться только при условии, что одним из её главных ориентиров является развитие и создание научных школ и преемственность поколений, воспитание молодых последователей, что необходимо для обеспечения стабильности высоких научных результатов и прогресса. Сбылись заветы М.В. Пиккель: «... Жизнь отдельного человека коротка и преходяща. Жизнь вуза, в стенах которого сохраняются вечные ценности – духовность, преемственность поколений, верность лучшим традициям и созданным здесь школам – может быть очень долгой и плодотворной» (М.В. Пиккель к 65-летию института). Ее врачебный подвиг состоял в служении педиатрии. Хочется выразить надежду на то, ее научное и духовное наследие не прервутся во времени и пространстве, а ученики оправдают надежды учителя. М.В. Пиккель писала: «Педиатрия относительно молодая наука (по сравнению с учением о внутренних болезнях, гинекологии, хирургии): в ней много нерешенных вопросов; они ждут своего решения от молодежи, полной сил и жажды научной деятельности. Врожденные заболевания, патология обмена, патология иммунной системы – все это начинается в детстве, и очень раннем, а знаем мы еще в этих областях мало – наука ждет вас. Не только женщинам, чаще любящим педиатрию, но и юношам, молодым мужчинам здесь столько проблем для научного творчества!» («Медик Севера». 28 февраля 1979 г.).

Кафедра педиатрии, прошедшая большой, сложный и динамичный путь становления и развития, педиатрический факультет и профессиональное педиатрическое сообщество, гордясь своими профессиональными достижениями, с уверенностью смотрят в будущее, расширяют свои научные контакты, внедряют новые методы лечения и реабилитации, новые формы обучения, сохраняя и преумножая традиции Северной медицинской школы.

Об авторе: Малявская Светлана Ивановна, д.м.н., профессор, зав. кафедрой педиатрии СГМУ.

Антонина Кирсанова

МОЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ СТАНОВЛЕНИЕ

В период заведования кафедрой детских болезней профессором Пиккель М.В., я не была ее сотрудником, но работая на базе ОДКБ совместно с ней, накопила много впечатлений об этом замечательном человеке. Проходят годы, а воспоминания о ней приумножаются. Мария Владимировна сыграла существенную роль в моем становлении как врача-специалиста. В годы моей учебы в институте кафедрой детских болезней руководил профессор Суворов А.Г., а Мария Владимировна вела курс детских инфекций. Первая моя встреча с профессором Пиккель М.В. произошла в Областной взрослой больнице, где я работала в торакальном отделении: лечила больных детей с осложненными формами деструктивных пневмоний и другой хронической бронхолегочной патологией. Отсюда шло формирование детской пульмонологической службы, поскольку было положено начало учету больных по нозологическим формам, диспансеризации, анализу результатов лечения. На одном из консилиумов, в котором принимала участие Мария Владимировна, я была представлена как молодой специалист-пульмонолог, она выразила надежду, что через несколько лет, работая в этой узкой специальности, я сформируюсь как специалист, что и сбылось. Нужно заметить, что Марию Владимировну интересовали проблемы пульмонологии, ее и наши задачи в организации службы были едины и потому в последующем мы работали в полном контакте, а я многому у нее научилась.

Профессор Пиккель М.В. не проводила обходов в отделениях больницы как говорят «по головам», но она проводила запоминающиеся, в полном

смысле обучающие разборы больных, которые запомнились и очень помогли в дальнейшем в моей практической работе со студентами. Собиралась полная равная лекционному залу аудитория врачей. М. В. Пиккель могла по любому вопросу, касающегося болезни пациента, поднять и спросить врача его мнение. Поэтому к каждому разбору больного приходилось читать по теме заболевания. С подобных разборов врачи выходили с полной ясностью, поскольку вопросы разбирались не шаблонно, касались течения и лечения заболевания с учетом индивидуальных особенностей больного.

В случае проведения просто консультации больного с непонятным для нас диагнозом, последняя проводилась всегда в присутствии студентов с выдержкой вопросов деонтологии. ОДКБ имела статус клинической, поэтому студенты имели право присутствовать.

В 70-80-е гг. в научном мире был актуальным и не до конца изученным вопрос истоков формирования хронических пневмоний. Мария Владимировна поставила эту проблему перед сотрудниками кафедры и мной для изучения этого вопроса в нашем регионе. Мне пришлось проконсультировать 90 больных с просмотром рентгенограмм органов грудной клетки, проживающих в районе Маймаксы, сделать выводы и представить материал к определенному сроку. Статья была написана и несла большую практическую значимость. Для меня она имела особый смысл, поскольку была первой в моей практической жизни врача и горжусь тем, что ее руководителем была Пиккель М.В.

По поводу проблемы истоков формирования хронических пневмоний с профессором Пиккель мы написали информационное письмо, направленное в лечебные учреждения области. Будучи еще молодым врачом, я удивилась ее широте мышления, умению просто излагать мысли.

Профессор Пиккель М.В. оказала мне огромную помощь в выборе руководителя кандидатской диссертации, сама договорилась с ним – это был профессор Рачинский С.В., руководитель отделения пульмонологии НИИ педиатрии Академии медицинских наук СССР, с которым она работала в полном контакте. Диссертация была защищена и опять же без участия М.В. Пиккель. Именно она после защиты моей диссертации предложила продолжить научную работу по изучаемой тематике.

Однажды мне посчастливилось присутствовать на ее лекции для студентов по теме: «Острые пневмонии». В те годы для анестезиологов и хирургов проблемными вопросами были: изменения ОЦК при острых процессах в легких и необходимость инфузионной терапии. Вопрос, который только начинал звучать на симпозиумах в хирургической среде, прекрасно и последовательно был изложен студентам профессором Пиккель М.В., такое знание новизны проблемы привело меня в восторг.

Вспоминаю общества педиатров, которые организовывала и проводила Мария Владимировна. Тематика педиатрическая разнообразная, всегда с клиническими примерами; нам неоднократно приходилось выступать перед педиатрами, это было всегда волнительно, поскольку зал был полон врачей города, пригородов, г. Северодвинска и г. Новодвинска. Была возможность встретиться с коллегами, пообщаться, обсудить больных. Всегда был президиум, вела общество сама М.В. Пиккель.

Незабываемыми были заседания студенческого кружка, которые проводила доцент А.Я. Трубина. Иногда кружок проходил в виде КВН или с чисто практическими вопросами: студенты учились варить кашу соответственно возрасту детей, кисели, овощное пюре и прочее. Все это не могло не запомниться до сегодняшних дней.

Мария Владимировна имела характер доброго, воспитанного, самодостаточного человека. В тесный контакт она входила с небольшим количеством людей, умела держать дистанцию с людьми, не входила в панибратство; держалась всегда удивительно достойно, говорила просто и понятно.

Ее близким человеком, коллегой, с которой она проработала всю жизнь была доцент кафедры детских инфекций В.Н. Королева. Мария Владимировна звала ее просто «Верочка», много сделала для нее и помогла в трудные минуты жизни. А Вера Николаевна чрезвычайно уважала и ценила Марию Владимировну, глубоко переживала ее уход из жизни.

Меня восхищало трудолюбие Марии Владимировны, интеллигентного образованного человека с удивительной самодисциплиной. Почти до последних дней жизни она занималась переводами немецкого поэта Рильке, причем первоклассными переводами. Она и сама писала стихи и неоднократно нам их читала.

Удивительную скромность, добропорядочность этого человека подтверждает и быт, в котором она жила; тоже скромный, удобный для жизни, всегда присутствие животных, которых она брала с улицы – больных, голодных, выхаживала их, любила, баловала. Был период когда она увлекалась рукоделием, в частности, вязанием: вязала теплые вещи для себя, родных и близких для нее людей из шерсти своих собачек и радовалась этому.

Высокодуховный человек, она никогда не говорила о религии. Будучи пожилым человеком, она не жаловалась на свои болезни. Имея звание профессора, получала мизерную пенсию, но никогда не сетовала на это. Все это не было темой ее разговоров.

Наша жизнь быстротечна. Каждый прожитый нами день уходит в небытие. Нам остаются только воспоминания. При жизни надо как можно

больше творить добра, как это делала М.В. Пиккель, и тогда будет что вспомнить.

Вот такой я помню моего учителя профессора М.В. Пиккель!

Об авторе: Кирсанова Антонина Семеновна, доцент кафедры педиатрии СГМУ, заслуженный врач РФ.

Александр Шилов

«Я НАЧИНАЮ ВСЁ СНАЧАЛА...»

В студенческий научный кружок меня привела Ирина Карманова. Это было в 1972 году. Кафедра педиатрии располагалась в Детской больнице на улице Свободы. Помимо студентов на заседании кружка присутствовали все ассистенты кафедры во главе с Марисей Владимировной Пиккель. Самый запоминающийся момент заседания – это разбор клинического случая ребёнка с болезнью Марфана. Когда тебе подробно рассказали о данном заболевании, а затем показали подростка, то ты на всю жизнь запомнишь высокорослость, голубые склеры, арахнодактилию, другие симптомы и уже больше ни с чем не перепутаешь. Обобщения, выводы, которые излагала Мария Владимировна были на высочайшем научном уровне, но в тоже время были просты и доходчивы даже для нас ещё не соприкоснувшихся с педиатрией. Это был настоящий мастер-класс.

На четвёртом курсе начались занятия на кафедре педиатрии. Сказать о том, что лекции М.В. Пиккель были великолепны, значит, ничего не сказать. Они были блестящи.

В конце пятого курса началось «брожение умов». Все решали куда пойти учиться дальше? Субординатура предлагала несколько вариантов: хирурги, акушеры-гинекологи, а кто не попадал в выше перечисленные списки, автоматически становился терапевтом. И только тихая, скромная кафедра педиатрии набирала всего 12 студентов для подготовки педиатров. Это был третий набор. Попал туда и я. На кафедре приветствовалось обучение молодых людей, хотя традиционно считается, что детский врач – это непременно женщина.

Интернатура (седьмой год обучения). Мы дипломированные специалисты. В основном работаем на базе Областной детской клинической больницы (ОДКБ). Всё под двойным контролем с одной стороны – это

сотрудники кафедры и, естественно, Мария Владимировна, которая всегда была в курсе событий, а с другой стороны – это врачи и руководство больницы, которые внимательно приглядывались к нам молодым коллегам и, иногда, делая нелицеприятные замечания. Обид не было – это была школа, где во главу угла ставилась ЛЮБОВЬ к маленьким пациентам.

Однажды Мария Владимировна собрала нас интернов и поделилась замыслом о проведении в ОДКБ конференции, посвящённой врачам-писателям: М.А. Булгакову, В.В. Вересаеву, А.П. Чехову. Задумка была гениально проста. В рассказах у писателей отыскиваются описания тех или иных болезней, затем берётся современная трактовка заболевания. Например, один из интернов рассказывал о дифтерии, об осложнениях этой детской инфекции, в частности о дифтерийном стенозе, а другой следом читал отрывок из рассказа М.А. Булгакова «Стальное горло».

«Ямки втягивались в горле у девочки при каждом дыхании, жилы надувались, лицо отливало из розоватого в лёгонький лиловатый цвет. Эту расцветку я сразу понял и оценил. Я тут же сообразил, в чём тут дело, и первый мой диагноз поставил совершенно правильно и, главное, одновременно с акушерками – они-то были опытные: «У девочки дифтерийный круп, горло уже забито плёнками и скоро закроется наглухо...».

Итогом этих изысканий, стала не врачебная конференция, а некое театральное действо, привлёкшее большое количество зрителей. Мы справились со своей задачей, и Мария Владимировна была очень довольна.

Не могу не вспомнить о консультациях детей Александром Григорьевичем Марголиным. Перед осмотром тщательно выспрашивался анамнез и подробно записывался в небольшой блокнотик, затем осматривался ребёнок и, уже потом, давались все рекомендации. Были ситуации, когда консультация была повторной или в своё время у него консультировался кто-то из родителей. Вот тогда становилось понятно, для чего были необходимы эти записные книжечки. Блокноты с записями никогда не выбрасывались и хранились в системе по годам. Прочитав и проанализировав предыдущие записи, Александр Григорьевич очень точно определялся с постановкой диагноза. К, сожалению, данная практика консультаций навсегда осталась в XX веке.

С сентября 1991 года я в клинической ординатуре на кафедре педиатрии нашего института. Расписание составлено на 2 года. Среди прочих в мои обязанности входило один раз в неделю организовать консультации Марии Владимировны. Накануне обходились все отделения ОДКБ, собирались данные о консультируемых детях, составлялся план посещения отделений консультантом. В первую очередь докладывались самые

тяжёлые дети. На эти консультации стремились попасть все, кому было не безразлично получение новых знаний, новых решений в диагностике и лечении тех или иных болезней. Бывали случаи, когда Мария Владимировна торопилась побыстрее вернуться домой. Это было связано с плохим самочувствием Александра Григорьевича. Все это понимали и поэтому докладывали больных кратко и чётко. Отказа от консультации не было никогда. Иногда, учитывая возраст человека, мы сами готовили для показа немного детей, а Мария Владимировна обижалась, мотивируя свою обиду тем, что в такой, разно профильной детской больнице не нашлось большего числа консультируемых.

Однажды, перед очередной консультацией, Мария Владимировна обратилась ко мне с просьбой, сходить в аптеку и купить лекарства для Александра Григорьевича. Данная ситуация не осуждалась. Каково же было моё удивление, когда она достала из сумки кошелек, передала его мне и как бы небрежно заметила, что список с лекарствами внутри кошелек. Выполнив поручение, передал лекарства и вернул кошелек. Пересчёта денег ни до аптеки, ни после не было. Это абсолютное доверие меня потрясло. А ещё я с удовольствием ходил на больничную кухню, где раз в неделю забирал, надеюсь, вкусные косточки для королевского пуделя Марии Владимировны.

Ещё вспоминается один эпизод, связанный с моей семьёй. В 6 месяцев моей дочери установили врождённый порок сердца. После этого мы несколько месяцев наблюдались в поликлинике по месту жительства у участкового врача. Пользуясь своим «служебным положением» я набрался нахальства и попросил Марию Владимировну о консультации. Она незамедлительно назначила день осмотра. В ассистентской 3 соматического отделения Дашу внимательно осмотрели М.В. Пиккель и А.Я. Трубина. После чего Мария Владимировна попросила высказать своё мнение Алевтину Яковлевну. Она, после некоторых раздумий, высказала предположение, что порока сердца нет. На что Мария Владимировна, всплеснув руками, воскликнула: «Ну, конечно, здесь никакого порока нет!». Все были счастливы.

Когда вспоминаешь Марию Владимировну Пиккель, ловишь себя на мысли, что тебе в жизни очень повезло. Ты встретил на своём пути замечательного человека, УЧИТЕЛЯ с большой буквы и пусть другие тебе завидуют.

Об авторе: Шилов Александр Константинович, руководитель Педиатрического бюро ФГУ «Главное бюро медико-социальной экспертизы по Архангельской области».

Виктор Волков

СЛЕД В ЖИЗНИ

Мария Владимировна Пиккель. Как только услышу это имя, на душе сразу становится спокойно, неожиданно, откуда-то нахлынувшее чувство огромной радости переполняет меня, и все невзгоды, и даже болезни куда-то попрятались. И я ясно и отчётливо вижу: передо мной сидит на диване старая, седовласая женщина, её усталые, натруженные руки покоятся на коленях. Её задумчивые глаза устремлены куда-то вдаль... Возможно, перед её взором предстают картины её чрезвычайно трудной, тяжёлой, но в то же время необычайно счастливой долгой жизни. Долгой. А разве бывает жизнь долгой??? Только Отец наш небесный вправе воздать должное каждому из нас. Вся земная жизнь Марии Владимировны Пиккель целиком отдана служению маленьким гражданам России. Ведь Мария Владимировна в первую очередь – детский доктор. Кстати, по очень компетентному мнению замечательного архангельского врача-акушер-гинеколога Супрутской Галины Георгиевны: самой тяжёлой из всех медицинских специальностей она считает специальность врача-педиатра!!! Одному Господу Богу известно: сколько бессонных ночей провела Мария Владимировна у постели тяжёлых больных. Ребятишки боготворили Марию Владимировну, «врача от Бога!» Кроме лечебной работы, Мария Владимировна активно занималась научно-исследовательской деятельностью. Много времени и сил она тратила на любимую педагогику. Она любила и уважала студентов и они отвечали ей взаимностью. Мария Владимировна была прирождённым лектором. Она умела очень доходчиво объяснить непонятные вопросы педиатрии. Спектр научных интересов М.В. Пиккель очень широк. Мария Владимировна изучала проблему рахита, туберкулёза, анемии т.д. В семидесятые годы прошлого века М.В. Пиккель – зав. кафедрой педиатрии АГМИ.

М.В. Пиккель – первая женщина-профессор среди выпускников АГМИ. После выхода на пенсию, она в течение тридцати лет активно занималась переводами с немецкого и французского языков великого австрийского поэта-философа Райнер Мария Рильке, практически незнакомого российскому читателю из-за очень больших трудностей перевода его стихов на русский язык. Мария Владимировна блестяще справилась с этой архитрудной задачей так, что большинство её переводов по красоте, оригинальности и даже философскому смыслу превосходят текст оригинала.

Впервые я увидел и услышал Марию Владимировну, учась на четвёртом курсе, на лекции по детским болезням. Её мягкий приятный голос,

тактичность, доходчивость и доступность при изложении трудного материала действовали подкупающе.

Мне при работе в Конёвской райбольнице №2 Плесецкого района Архангельской области в течение почти двух лет пришлось курировать детское отделение на 25 коек (одновременно с акушерством, гинекологией, а иногда ещё и с терапией, и с хирургией).

Все лекции, прочитанные М.В. Пиккель подкупают чёткой логической последовательностью изложения материала, разумной краткостью, доходчивостью. В них изложены самые современные методы диагностики и лечения болезней детского возраста. На каждой своей лекции Мария Владимировна большое внимание уделяла специфическим особенностям течения детских болезней в условиях Севера, Крайнего Севера и Заполярья.

Курс педиатрии на лечебном факультете был две недели, но преподаватели кафедры педиатрии, руководимой в то время Марией Владимировной Пиккель, и сама Мария Владимировна сумели дать нам довольно глубокие знания по детским болезням, эти знания лично мне очень помогли при лечении больных детей в Конёвской больнице.

В своей нелёгкой жизни Мария Владимировна выбирала самые тяжёлые пути служения людям (в первую очередь самым беззащитным и бесправным – это детям). Поэтому Мария Владимировна без колебаний поступила в Архангельский государственный медицинский институт. Окончив с отличием лечебный факультет АГМИ и получив специальность врача-лечебника, Мария Владимировна, с юных лет мечтавшая лечить детей, всё-таки сумела воплотить свою мечту в реальность. Она выбрала себе самую тяжёлую, трудную и самую сложную медицинскую специальность – педиатрию.

Затем одновременно с лечебной работой годы учёбы в ординатуре и аспирантуре, научно-исследовательская работа. И, как итог, Мария Владимировна Пиккель – первый доктор медицинских наук и профессор среди женщин-выпускниц АГМИ.

К сожалению, Мария Владимировна очень редко проводила семинарские занятия в нашей группе, но преподавательский состав кафедры педиатрии, руководимой в то время М.В. Пиккель, был настолько хорошо подготовлен, что мог свободно при необходимости заменить своего наставника. Я всего раз десять имел честь беседовать с Марией Владимировной (раз семь консультировался (по телефону) по поводу больных детей, лечившихся в Конёвской больнице). И всегда получал от Марии Владимировны очень подробную информацию, советы, рекомендации по обследованию и лечению больных детей, а часто и добрые слова

поддержки. Трижды имел короткие, но довольно полезные беседы с Марией Владимировной на кафедре педиатрии (они также касались лечебного процесса).

Уже на второй день работы в Конёвской больнице ко мне обратилась главный врач с просьбой взять на курацию ещё и детское отделение на время болезни врача-педиатра. «Однако, Августина Александровна, я ведь окончил лечебный факультет и к тому же курс педиатрии у нас был очень короткий» – пытался парировать я.

«А кто вам читал лекции по детским болезням?» – спросила главврач.

«Мария Владимировна Пиккель» – отвечал я. «В таком случае, я сегодня же подписываю приказ о назначении вас ещё и куратором детского отделения, уверена, что справитесь: ведь вас учила сама Мария Владимировна Пиккель!» – заключила А.А. Самойлова. Правда, с моим обоснованным отказом от амбулаторного приёма детей А.А. Самойлова согласилась (я сумел убедить её в том, что амбулаторный приём надо поручить грамотному и опытному детскому фельдшеру). На амбулаторном приёме очень ограничено время обследования и обдумывания диагноза и лечения. Поэтому амбулаторный приём детей надо поручить опытному специалисту. А в стационаре при сомнении можно заглянуть в справочник, учебник, монографию. При особо сложной ситуации можно посоветоваться с опытными специалистами кафедры педиатрии и ОДКБ.

В шестьдесят семь лет Мария Владимировна неожиданно совершает крутой поворот в своей жизни: в 1978 году она покидает alma mater, ставшие за долгие годы добросовестного труда «родными»: кафедра педиатрии и ОДКБ имени П.Г. Выжлецова. С 1978 года она посвятила себя переводу поэзии. М.В. Пиккель успешно переводила с языка оригинала (немецкого, английского, французского языков) на великолепный русский язык.

Впервые я познакомился с литературным творчеством Марии Владимировны Пиккель в середине восьмидесятых годов прошлого века на страницах областных газет «Правда Севера» и «Северный Комсомолец». Затем – знакомство с «Часословом».

Для меня «Часослов» на долгое время оказался «камнем преткновения». Настолько тяжело мне давались попытки познания и проникновения в самую философски-религиозно-этическую суть каждого слова великого австрийского поэта. Поэтому я чаще стал использовать «маленькую хитрость»: начинал чтение любого стихотворения Райнер Мария Рильке не с оригинала, а с перевода М.В. Пиккель, что значительно облегчало понимание сути его философского произведения. Постепенно, конечно, с помощью Марии Владимировны Пиккель, я приходил к пониманию поэзии Рильке. И теперь чувствую большую потребность: хотя

бы перед сном прочесть пару стихов Райнер Марии Рильке на языке оригинала и в великолепном переводе Марии Владимировны Пиккель.

К счастью, М.В. Пиккель не осталась переводчиком одного поэта. Она с большим успехом перевела на русский язык как почти не известных в России поэтов, так и классиков мировой поэзии. В сборнике «Искры» (2003 г.) соседствуют очень редко или совсем не переведённые на русский язык стихотворения классиков мировой поэзии (Джордж Байрон «Слеза», Генри Лонгфелло «Псалом жизни», Артюре Рембо «Пьяная лодка» и абсолютно неизвестные в нашей стране, бесподобно оригинальные, имеющие глубокий философский смысл стихи юной поэтессы Хильды Конклинг).

«Избранную лирику» Р.М. Рильке в переводе М.В. Пиккель я прочитал с начала и с конца, и враздробь по-немецки и по-русски (к сожалению, французским не владею). Более понятными для меня оказались стихотворения Рильке из «Книги образов» даже на немецком языке, а тем более на русском языке, благодаря талантливейшему переводу Марии Владимировны Пиккель. Особенно запали в мою душу: «Herbst», «Ende des Herbstes», «Am Rande der Nacht», «Eingang», «Der Schutzengel», «Bangnis», «Die Stille», «Gebet» и другие. Не представили большой трудности стихотворения Р.М. Рильке из книги «Новые стихотворения»: «Kindheit», «Das Kind», «Kreuzigung», «Schlaflied», «Der Panther», «Der Ball» и многие другие.

Наиболее трудно для моего ума дался «Часослов». По-моему, «Часослов» Марии Владимировны Пиккель более оригинален и понятен, хотя смысл очень близок к оригиналу, но всё же он по глубине мысли превосходит «Часослов» Райнер Марии Рильке.

Последний прижизненный сборник переводов Марии Пиккель «Искры» составлен из переводов разных авторов, писавших на английском, немецком и французском языках. Все они великолепны, но особо запали в душу: «Псалом жизни», «Стрела и песня» Генри Лонгфелло; «Кузнечик и сверчок» Джона Китса; «У берегов Иордана», «Дочь Иеффая», «Звезда» Джорджа Байрона; «Есть одиночество пространства...», «Небо нависло», «Любовь», «Память», «Есть мудрость женщин», «В прошлом» Руперта Брука; «Сентиментальная беседа», «Осенняя песня», «Луна взошла» Поля Верлена; «Пьяная лодка» Артюре Рембо; «Замедлив шаги немножко» Генриха Гейне; почти все стихотворения Райнер Марии Рильке.

Просто очаровательны и восхитительны: «Слеза» Джорджа Байрона и абсолютно все стихи девочки-поэта Хильды Конклинг. По первому впечатлению её стихи напоминают, правда очень отдалённо, японскую хайку (в них есть ловля ветра и томление духа, но нет суеты сует, да и написаны они не в размере хайки, но, как и хайку, имеют мало слов и много

подтекста). Хайку – не стихи, а образ жизни, часть своеобразного (лично своего, оригинального) философского восприятия мира, для полного погружения в который требуется осмысление таких категорий, единение истинности и красоты, гибкости в соединении печали и сострадания, тонкости и хрупкости в стремлении постичь внутреннюю жизнь самых незначительных предметов. И самое главное – это озарение или просветление, наступающее не только вследствие долгих и мучительных раздумий, но и вслед внутреннему освобождению, почти мгновенно, неожиданно, вдруг... Конечно, это не хайку в полном смысле. Это что-то особенное, необычайно оригинальное, присущее только Хильде Конклинг, очень тонко прочувствованное и великолепно, и гениально переданное талантливым поэтом-переводчиком, прекрасным человеком и доктором Марией Владимировной Пиккель.

Почётный гражданин Архангельска, доктор медицинских наук, профессор, замечательный детский доктор, талантливый учёный и поэт-переводчик, учитель и врач «от Бога», добрейшей души человек. Мария Владимировна Пиккель оставила глубокий след в памяти многих архангелогородцев и жителей Архангельской области. Врачебная, научная, педагогическая и литературная деятельность Марии Владимировны Пиккель требуют честного, доброжелательного и глубокого исследования грамотными специалистами, имеющими «доброе сердце».

Об авторе: Волков Виктор Зосимович, врач акушер-гинеколог.

Руфина Шаферова СТУДЕНЧЕСКИЕ ГОДЫ

В 1939 году я поступила в АГМИ. От своей соседки по комнате в общежитии Таси Харитоновой узнала о Марии Пиккель, которая училась на 1 курс старше нас.

Мы познакомились в институте. Разница в возрасте почти в 10 лет не мешала нам общаться. Машенька всегда была серьезная, уже в студенческие годы она нацелилась на науку.

Когда началась война, она занималась у профессора Макарова на кафедре педиатрии. В военные годы там разрабатывались средства для лечения истощенных детей, в том числе, прибывших из блокадного Ленин-

града. В Архангельске тоже было голодно, особенно, в 1942 году, многие погибали. Все пережившие войну помнят мясо и жир тюленя, водоросли и многое другое, что применялось в пищу.

Также мы, студенты АГМИ, были задействованы на изготовлении витамина «С». Экстракт, получаемый из хвои на кафедре химии, применялся повсеместно: на проходных заводах и в школах, во всех лечебных учреждениях, в т.ч. в детской клинике.

В 2010 году я впервые за многие годы побывала в родном институте, теперь уже университете. Меня пригласили на встречу со студентами, посвященную 65-летию Победы. Мне было очень приятно внимание молодежи и, особенно, сотрудников музея, в котором я увидела фотографии моих учителей и коллег. Там же я увидела стенды по истории кафедры педиатрии и лицо Машеньки, ставшей профессором первой из выпускниц нашего института.

Многие поколения врачей запомнили заведующую кафедрой педиатрии Марию Владимировну Пиккель. Жалко, что нет уже рядом с нами тех, кто помнит ее студенткой Архангельского мединститута. Но прекрасно то, что память хранят потомки!

Об авторе: Шаферова Руфина Александровна, выпускница АГМИ 1943 года.

Лариса Меньшикова ЛЕГЕНДА ПЕДИАТРИИ

Мария Владимировна Пиккель – легенда педиатрии. А нам, выпускникам педиатрического факультета 1986 года, повезло: мы не раз бывали у Марии Владимировны в гостях. Однажды после заседания студенческого научного кружка, после дебатов, восхищаясь эрудицией Марии Владимировны, мы услышали от нее приглашение в гости. А вечер удался и был чудесен. Мария Владимировна читала нам Рильке в своем переводе. Я тогда впервые познакомилась с творчеством этого поэта. Потом мы приходили еще не раз. Приносили гитару, пели свои студенческие песни, пили душистый чай, слушали стихи. И всегда поражались разносторонности таланта, интеллигентности, душевной щедрости Марии Владимировны.

Навсегда запомнились строки из ее стихотворения:

«Спасен! –
и как тогда светла хотя бы часть пути.
За эту радостную часть пути и стоит жить,
и жизнь ей посвятить!»

Это своеобразное завещание оставила нам, живущим в XXI веке, Мария Владимировна Пиккель.

Об авторе: Меньшикова Лариса Ивановна – министр здравоохранения и социального развития Архангельской области, староста курса выпускников педиатров 1986 года.

Галина Смирнова

ВСТРЕЧИ С УДИВИТЕЛЬНЫМ ЧЕЛОВЕКОМ

После завершения работы на кафедре М.В. Пиккель продолжала общение со студентами, интернами АГМИ. Мне посчастливилось быть в их числе.

Это были встречи у Марии Владимировны дома. Приход в гости к единственному в Архангельской области профессору-педиатру вызывал волнение. Вначале всегда было чаепитие. Мы все вместе, а это 5-6 человек, стелили скатерть, ставили чашки, все разного цвета, раскладывали печенье, пряники, карамель. За чаем Мария Владимировна очень тактично интересовалась нашими увлечениями. Педиатрии мы касались косвенно, в рамках общефилософских проблем.

Затем Мария Владимировна садилась в кресло на фоне стены, сплошь заставленной книгами, а мы все располагались вокруг. Она знакомила нас с новинками литературы, читала стихи, в т.ч. собственные переводы поэта Райнера Марии Рильке, тогда еще не оформленные в книгу. Очень часто мы слушали пластинки, в т.ч. классическую музыку, бардовские песни.

Такие встречи для меня были очень важны, они не только расширяли кругозор, но во время этих бесед мы учились у Марии Владимировны культуре общения. Запомнилась и атмосфера встреч: спокойная, добрая и одновременно торжественная!

Об авторе: Смирнова Галина Павловна, доцент кафедры педиатрии СГМУ.

Вера РУМЯНЦЕВА

ОТПЕВАЮ ЕЕ В СВОЕМ СЕРДЦЕ

Мы давно существуем в мире двойных стандартов. Как тут учить и воспитывать студентов? Своих-то собственных детей как растить, чтобы была у них четкая система нравственных координат, чтоб знали, чего ради живут?..

Любимая ученица Марии Владимировны Елена Сибилева, доктор медицинских наук, профессор и давно уже заведующая кафедрой педиатрии нашего медицинского университета, навсегда запомнила их давний разговор наедине. И то, как легко, будто выдохнула, ответила на ее вопросы учитель.

- Леночка, это, в общем-то, просто. Надо жить по совести. А учить своим примером. Только своим примером.

Сама она так и жила. Свято верила, что врач – это не профессия, «это жизнь, целиком отданная людям и делу». И если об этой жизни писать, к месту самые высокие слова, которых она всегда боялась. Такие как Подвиг (а у нее-то он был повседневный и почти невидимый), как Долг, Вдохновение и как вовсе не модные ныне Подвижничество и Самопожертвование (не потому ли не модные, что задвинуты в угол сами понятия, сам смысл, что за ними?)

Я почти не писала о ней: слишком хорошо знала, как она этого не любит и не хочет вообще. Для меня это было как вето. Лишь дважды я нарушила его.

Когда вышел ее «Часослов», первый полный перевод на русский этой удивительной книги мотив-исканий великого немецкого поэта Райнера Марии Рильке. Автор перевода и сама понимала, что мало читателю ее предисловия к книге, надо же как-то объяснить ему, почему случилось, что человек, более полувека посвятивший педиатрии, вдруг на «следующем этапе жизни» полностью погрузился в бездонность поэзии Рильке, самого недоступного, недостижимого даже для профессионалов-переводчиков. Ведь Марина Цветаева неслучайно называла его загадкой для будущих поэтов. Мария Владимировна знала, что в своеобразном послесловии к «Часослову» я непременно расскажу о человеке, который вместе с Мариной Цветаевой подвел ее к Рильке, – о Майе Моисеевне Лурье, преподавателе английского языка Архангельского педагогического института. Вот это ей было нужно! Как поклон памяти человеку, который стал настоящим другом.

А в 1998 году в Северо-Западном издательстве (это в Архангельске, который многие считают провинцией!) вышел самый полный в России сборник переводов из Рильке, да еще и с параллельными текстами на языке оригинала (немецком и французском). О таком сборнике даже мечтать страшновато было. Но – получилось! Все получилось! «Все-таки

это чудо. Я, наверное, напишу для литературного музея, как родилась эта книга. О людях и каких-то неслучайных случайностях, которые помогли ее появлению», – планировала она.

Вышло, что я ее опередила. Чудо-сборник, сделавший бы честь даже солидному столичному издательству, Марию Пиккель сделал известной среди переводчиков и поклонников поэзии Рильке и – среди рилькеведов.

Едва услышав по телефону печальную весть, наш общий с Марией Владимировной друг, московский поэт (и переводчик Рильке, и автор интереснейшего о нем исследования) Зинаида Миркина тут же написала мне письмо. Я не могу его не привести.

«Хотела написать Вам совсем другое письмо, вот сегодняшнее известие диктует совсем иное... Писать трудно, но не написать хоть немного невозможно.

Когда-то Мария Владимировна разыскала меня по нескольким строчкам моего перевода Рильке, напечатанного не помню в каком журнале. Это лет двадцать назад. Письмо ее покорило меня. Я увидела человека такого огромного, такого горячего сердца, что все мое сердце раскрылось ей. Чистота и глубина ее были огромны. Наша переписка становилась все интенсивней. Ее письма были светящие и греющие...

С годами ей становилось все трудней дышать и писать. Но ведь как был потрясен Евгений Александрович во время визита к Вам в Архангельск (речь идет о Е.А. Ямбурге, известном московском педагоге и ученом, члене-корреспонденте РАН. – В.Р.).

Он прийти в себя не мог от того, насколько она в свои девяносто три года все еще требовательна к себе, а не к другим. У нее мысли были только о том, что ОНА должна людям, а не они ей. Он воспринял это как чудо. И когда мы с ней уединились, она говорила только о том, как помочь одному ее очень талантливому другу.

Иногда становилось страшно: не слишком ли много Мария Владимировна взваливает на себя, не слишком ли требовательна к себе. Хотелось защитить ее, но как? Она любила, и это было ее счастье, хотя иногда и счастье бывает не по силам. Но как бы то ни было, и в свои девяносто три года она носила в себе детское и материнское сердце одновременно. Вечная мать и вечное дитя, совсем не смотрящее на себя со стороны, себя не замечающее.

Я отпеваю ее в своем сердце. Баюкаю, как ребенка. И бесконечно благодарна судьбе за то, что знала ее.

Больше не могу. Обнимаю Вас. Поплачем вместе. Ваша Зина».

А на полях сделал приписку Григорий Померанц, философ и культуролог, муж Зинаиды Александровны: «До меня дошли только отголоски

этой большой дуги, через Зину. Но пусть в этом письме будет и мой отголосок. Мы с Вами».

В день прощания неожиданно из Магадана позвонил Роман Романович Чайковский, заведующий кафедрой иностранных языков тамошнего университета. Мы знакомы только заочно, через Марию Владимировну. Он давно уже свил в Магадане крепкое гнездо рилькеведов... Теплый голос сказал: «Держитесь. Передайте наше сочувствие родным. А мы любим и будем помнить».

И уж совсем неожиданно на этих днях позвонила молодая архангелогородка:

- Неужели городские власти не выкупят квартиру Пиккель, чтоб там была квартира-музей Марии Владимировны?

Попыталась опустить девочку на землю.

А про себя все думаю: «Поймем ли мы, осмыслим ли, какую брешь оставил в нашей жизни уход «себя не замечающего» почетного гражданина Архангельска?»

Февраль 2008 года

Об авторе: Вера Николаевна Румянцева, журналист.

Анна Юрьева

КРЕСТНИЦА ИМПЕРАТРИЦЫ, ВРАЧ И ПОЭТ

Мария Дагмара Владимировна Пиккель родилась в семье врача под Петербургом, всю жизнь отдала медицине, спасла от смерти тысячи детей в Архангельске. А когда вышла на пенсию – в 76 лет! – стала профессиональным переводчиком.

Семья Пиккель до революции жила в Гатчине, под Петербургом. Отец Марии служил врачом госпиталя Кирасирского гвардейского полка, лечил великого князя Михаила Александровича. Детей доктора крестила сама императрица Александра Фёдоровна. Уже будучи взрослой, Мария Владимировна шуточно отмахивалась от этого факта, мол, что такого, императрица автоматически становилась крёстной всех детей служащих этого полка. В детстве Маша серьезно заболела. Поэтому отец решил, что девочке лучше учиться дома. Грамоте, языкам, общественным наукам её обучала родная тётя, преподаватель по профессии...

Первый раз Мария приехала в Архангельск, чтобы быть поближе к отцу, которого сослали на Соловки. Все три года, пока он был там, она ездила на свидания на острова. Потом они вернулись в Гатчину. Но прожили там недолго. Девушка хотела учиться. И снова возвращение в Архангельск и поступление на рабфак архангельского мединститута. Там студентку с необычным именем Мария Дагмара, на переменках читающую книги в оригинале на английском и французском языках, восприняли с холодком. А она скучала на уроках. Домашнее образование оказалось поистине блестящим.

Мединститут она закончила с красным дипломом в 32 года. Шла война. А Марии нужно было поднимать шестерых детей – умерла её сестра, и она взяла на себя заботу о племянниках. Она спасала не только их, но и сотни архангельских детей, страдавших в годы войны от рахита. Через год после окончания института ей предложили написать кандидатскую диссертацию.

Доктор с очень добрым лицом и ласковыми глазами – такой запомнили её и коллеги, и пациенты. В 60-е годы Мария Владимировна стала первой женщиной – доктором медицинских наук на Севере. На пенсию профессор Мария Владимировна Пиккель ушла, когда ей было уже за 70. И посвятила себя давней страсти, поэзии. Уже через несколько лет она перевела стихотворения и сборники восемнадцати немецких, французских, английских поэтов и писателей (Гейне, Байрон, Дикинсон, Рембо...). Но постепенно Мария Владимировна выбрала для себя самого любимого поэта, Рильке. В 1994 году вышел первый сборник её переводов. Сейчас их уже семь. Мария Владимировна стала первым автором в мире, который полностью перевёл «Часослов» Рильке на русский язык. Позже девяностолетнюю Марию Пиккель по праву назвали лучшим переводчиком произведений этого поэта в России.

Газета «АиФ в Архангельске», № 13, март, 2006 г.

Людмила ЕГОРОВА

МУДРЫЙ И СВЕТЛЫЙ ЧЕЛОВЕК...

По профессии она – врач и до ухода на заслуженный отдых долгие годы спасала детей от страшной болезни – туберкулеза, одновременно заведовала кафедрой педиатрии Архангельского медицинского института и вела научные исследования. На Севере она – первая женщина, которой было присвоено звание доктора медицинских наук.

Оставив врачевание телесных недугов, Мария Владимировна с вдохновением занялась не менее любимым делом: стала переводить на русский язык Байрона, Рильке, Рембо, Верлена...

Уже много лет о ней идет молва как о пронизательном, одухотворенном переводчике. Мария Владимировна – автор первого в России полного русского перевода книги «Часослов» классика мировой литературы немецкого поэта Райнера Марии Рильке.

Поэзия этого гения особая, ни на что не похожая по звучанию и глубине смысла. Она уникальна тем, что пытается передать «неизреченный взлет души», растворяет в себе вечные вопросы философии и жизни.

Переводить такую поэзию чрезвычайно сложно, ибо «чувства глубже мысли хитроумной» (Из Рильке). Но Марии Владимировне сие удастся. И удастся замечательно! Любители поэзии бесконечно благодарны переводчице за ее титанический труд, проникновенность, искренность.

Мария Владимировна – человек мудрый и светлый. Она обладает бесценным даром невероятно тонко чувствовать Слово и умело им распоряжаться.

1996 год

Сергей Владимиров

О ЖИЗНЬ! О ВРЕМЯ, ПОЛНОЕ ЧУДЕС...

Родилась она в Гатчине, была младшей из четырех дочерей военного врача Владимира Эрнестовича Пиккеля и его жены Александры Андреевны. Родители происходили из старинных немецких высококультурных семей, предки которых поселились в России в петровские времена.

С 1936 года Мария Владимировна живет в Архангельске у старшей сестры, учится в медицинском институте, а с 1942 года работает в детской больнице, собирая материал для диссертации. После смерти сестры занимается воспитанием шестерых ее детей.

Более тридцати лет трудовой жизни Марии Владимировны связаны с Архангельским медицинским институтом, куда она была приглашена после защиты кандидатской диссертации.

С 1966 года она – доктор медицинских наук, заведующая кафедрой педиатрии. И даже после выхода на пенсию в 1978 году профессор Мария Пиккель еще десяток лет консультировала в детской клинике. Пят-

надцать лет возглавляла областное общество детских врачей, написала более пятидесяти научных работ. Труд ее был отмечен орденом «Знак Почета».

Еще в студенческие годы Мария Владимировна, владеющая тремя языками – английским, французским и немецким и читающая в оригинале европейских авторов, задумалась о том, как было бы чудесно сделать перевод этих строк, чтобы донести до русского читателя прелесть стихов того же Байрона. Но заняться переводами смогла лишь после выхода на пенсию. Помогало ей то, что она сама писала стихи.

Однажды ее переводы увидела Раиса Васильевна Френкель, преподаватель кафедры русской и зарубежной литературы педагогического института. Она познакомила Марию Владимировну с Майей Моисеевной Лурье, преподавателем английского языка пединститута. И это было, как говорится, судьбоносное знакомство: Лурье открыла для Марии Пиккель гениального немецкого поэта Райнера Марии Рильке.

Мария Владимировна была настолько поражена силой и глубиной образов Рильке, что с тех пор перестала писать свои стихи, а занимается только переводами этого поэта. Она считает, что как переводчик делает дело более важное. Первые публикации работ Марии Пиккель появились в областных газетах в 1986 году.

А в 1994 вышел маленький сборничек ее переводов с немецкого, французского и английского – «Отражения». Тогда же случилось знаменательное и для переводчика, и для Архангельска событие – издательство Поморского университета выпустило книгу стихов Райнера Рильке «Часослов» в переводе Марии Пиккель.

Поэт написал эти стихи после посещения России, и именно с ними пришла к нему настоящая слава. Он называл «Часослов» книгой своих молитв и часто возвращался к этим стихам. Издание, благодаря Марии Владимировне, впервые полностью смог оценить русский читатель.

Затем, в 1996 году, выпущена книга переводов одного из самых лучших циклов Райнера Рильке «Дуинские элегии». Немного раньше вышел сборник переводов избранной лирики этого немецкого гения «Ручей жизни». И, наконец, в 1998 году увидела свет главная книга Марии Владимировны – «Избранная лирика» Р.М. Рильке, которая стала первой книгой возрожденного Северо-Западного издательства. Сейчас юбиляр занимается подготовкой еще одной книги переводов.

Своим трудом Мария Владимировна Пиккель внесла большой вклад в сокровищницу мировой литературы.

Газета «Архангельск», 04 апреля 2001 г.

Якоб Вильгельм

ПЕРЕВОДЧИЦА ОДНОГО ПОЭТА

*Вся жизнь моя в кольцах деревьев растущих,
вознёсшихся выше вещей на земле.
Приду ли к свершению в круге грядущем? –
начать его хочется мне.*

Райнер Мария Рильке, «Часослов»

Более полувека посвятила Мария Дагмара Владимировна Пиккель педиатрии. Стала доктором медицинских наук, профессором, одним из самых уважаемых детских врачей в Архангельской области. Она лечила и учила, полностью отдаваясь любимой работе. Никто не мог и предположить, что в её лице Архангельск приобретёт одного из известнейших переводчиков творчества немецкого поэта Райнера Марии Рильке (1875–1926).

Переводить поэзию Мария Пиккель начала в 1978 году. Это были пробы пера. Но простое увлечение вскоре переросло в страсть, потребность постоянного творчества. За четыре года она перевела на русский многие произведения Г. Гейне, Дж. Байрона, О. Уайльда, Р. Олдингтона, П. Верлена, А. Рембо. Работала с произведениями, изданными на немецком, английском и французском языках. Мария Владимировна впервые перевела на русский язык произведения Руперта Брука и Хильды Конклинг, чьи имена вошли в антологию английской поэзии.

В 1982 году М. Пиккель обратилась к поэзии Рильке, которая подчинила её своему влиянию. С этого времени Мария Владимировна стала переводчиком одного автора. Вот как она описывает своё увлечение: «Моё святое ремесло. Эти слова знаменитой переводчицы Каролины Павловой звучали во мне в течение всей неожиданно возникшей переводческой деятельности. Ремесло казалось святым при полном слиянии формы и содержания, что, конечно же, невозможно, ибо давно известно, что поэзия в полной мере непереводаема. Недостижимый идеал – своего рода вечный стимул, вдохновляющий переводчика на бесконечные поиски и мучения. Всё это я особенно ощутила при переводе произведений великого поэта Райнера Марии Рильке».

Переводчик должен понять поэта, чтобы помочь читателю проникнуть в смысл оригинала. М. Пиккель пытается донести мысли поэта:

Пришелец я неведомых морей
Стою теперь среди аборигенов;

Для них привычны их родные стены,
Но я им чужд натурою своей.

С 1986 года публикации переводов М. Пиккель появляются в Архангельской областной периодической печати. В 1994 году был издан первый авторский сборник её переводов лирики зарубежных поэтов «Отражение». Год спустя в издательстве Поморского международного педагогического университета (Архангельск) вышел в свет первый в России полный перевод трёх книг «Часослова» Рильке, выполненный М. Пиккель. Есть в нём строки о Боге, которые, с известной долей вольнодумства, могли быть посвящены самому переводу:

Ты – первой Книги сочиненье,
набросок первой из картин;
Ты был во всём – в любви, в мученье,
Ты высекал обозначенья
на каждом из Своих творений,
Ты разграничил их один.

В 1996 году был издан авторский сборник «Ручей жизни» (избранные переводы из Р.М. Рильке) и первая редакция полного перевода «Дуинских элегий» Рильке. Тогда же в книге, изданной Международным педагогическим университетом (Магадан), опубликован перевод знаменитого стихотворения Рильке «Пантера»:

Пред нею прутья без конца мелькали,
нет силы выдержать, и меркнет свет.
Как если б тысячу ей прутьев дали,
ведь после стольких прутьев – мира нет.

В 1998 году, благодаря поддержке Генерального консульства ФРГ в Санкт-Петербурге, увидела свет «Избранная лирика» Р.М. Рильке в переводе М. Пиккель. В этом сборнике представлены все периоды творчества поэта. Он наиболее полно отражает малоизвестные русскоязычному читателю произведения последних лет жизни и творчества Рильке – в частности, стихотворения, написанные им на французском языке.

Поэт:

Быть может, теперь я осмелюсь писать
на том языке, что займы мною взят

для слова особого в нём: вертоград –
так мучился я, чтоб его отыскать.

И переводчику приходится нелегко. Он годами стремится к совершенству. «Многолетний путь неоднократных исправлений» – такую оценку дала Мария Пиккель творческим мукам, в которых рождаются её прекрасные переводы.

«Литературный клуб», 15 (95), 2000 г.

Георгий Чистяков

НАСТОЯЩЕЕ ЧУДО

С М.В. Пиккель, вернее, с ее книгой мне довелось столкнуться совершенно случайно. В Архангельске издается довольно много книг. Разглядывая в книжном киоске областной научной библиотеки имени Добролюбова, где, между прочим, открыт прекрасный зал французской и немецкой книги, новые книги местных издательств, я решил купить и книгу стихов Райнера Марии Рильке. Просто по той причине, что в ней были напечатаны с параллельным текстом, что, разумеется, очень удобно для читателя. Однако, открыв книгу, я понял, что не знаю фамилии переводчика – Пиккель, и подумал, что это, вероятно, кто-то из профессоров Поморского университета. Раскрыв наугад начало «Часослова» и сразу понял, что это настоящее чудо.

Кончается час, и меня пронзил металл его четких шагов;
И чувства трепещут, вот миг наступил-
День скользкий схватить я готов...

А далее:

«Сосед мой Бог, когда Тебя порой глубокой ночью я тревожу...»

Такого серьезного и глубокого понимания этих стихов в русском переводе я никогда не видел.

Об авторе: Георгий Чистяков, священник – из заметки в газете «Русская мысль», выходящей в Париже, март 2000 года.

Татьяна Криничная
«ОРФЕЙ» И ЕГО ПЕРЕВОДЧИК

Открывая вечер, посвящённый «Орфею XX века», австрийскому поэту Райнеру Рильке, директор муниципальной библиотеки З.И. Протасевич познакомила собравшихся в зале с предысторией сегодняшней встречи. К ней обратилась М.О. Разникова, рассказав удивительную историю о Марии Владимировне Пиккель – непрофессиональном переводчике поэзии одного из самых великих романтиков начала XX века.

История эта так заинтересовала Зинаиду Ильиничну, что она принялась за сценарий будущей литературно-музыкальной композиции. В нём нашлось место и для рассказа о М.В. Пиккель, и для биографии самого Рильке, и, конечно, для стихотворных строк крупнейшего австрийского поэта – представителя неоромантизма.

Мария Владимировна Пиккель – человек для Черноголовки, так сказать, не чужой. Именно эта самоотверженная женщина воспитала шестерых племянников, рано оставшихся без матери. Одна из этой шестерки – Ави́гея Николаевна Иванова, талантливый математик, научный сотрудник ИПХФ.

Мария Владимировна посвятила свою жизнь медицине. Более 50 лет она отдала сложнейшему, гуманнейшему ее направлению – педиатрии. Заведовала кафедрой педиатрии в Архангельском медицинском институте, в течение 10 лет была главным педиатром этого города, удостоена звания «Почетный гражданин города Архангельска».

М.В. Пиккель владела несколькими европейскими языками, к тому же обладала несомненным литературным даром. Еще в студенческие годы она заинтересовалась переводами. Полностью реализовать свой талант переводчика Мария Владимировна сумела уже в зрелом возрасте – переводила с английского, французского, немецкого. Ее сборник переводов зарубежных поэтов выдержал два издания. В 1986 году в газете «Правда Севера» были опубликованы три стихотворения Райнера Рильке в переводе Пиккель. «Это поэт, от которого не смогу оторваться», – писала Мария Владимировна. Мысли и чувства, выраженные в строках великого австрийского поэта, были удивительно созвучны настрою души самой М.В. Пиккель. Ее называли одним из лучших переводчиков Рильке.

Со сцены звучат стихи – на родном языке поэта и в переводе М.В. Пиккель. Сегодняшние чтецы, они же ведущие вечера, – это читатели библиотеки, дети и взрослые: Н. Смольянинова, О. Проскурина, М. Ахмеджанова, В. Гударенко, Даша и Алена Поляковы, Яша Щербань

и многие другие. Конечно, здесь же и члены «Немецкого клуба» во главе с его руководителем Н.К. Бусыгиной.

«Есть белый замок в белой пустоте...», – читает О. Проскурина. Именно о «Белом замке» Марина Цветаева сказала: «Вот это – Рильке!» А его творчество в Целом Цветаева называла «воплощенной поэзией».

Райнер Рильке (полное имя Репе Карл Вильгельм Иоганн Иозеф Мария) родился в 1875 году в Праге (тогда Австро-Венгрия). Первые стихи начал публиковать еще в 16 лет. Из-за разногласий с семьей, требовавшей от Райнера посвятить свою жизнь военной профессии или юриспруденции, был вынужден уехать из Праги. Будущий великий поэт много путешествовал – Мюнхен, Берлин, Италия, Франция. Весной 1899 года Рильке впервые посетил Россию, познакомился со Львом Толстым, художниками Леонидом Пастернаком и Ильей Репиным. В 1900 году Райнер Рильке вторично посетил Россию, провел несколько дней в Ясной Поляне, беседуя с Толстым. Результатом двух русских путешествий стал сборник поэта «Часослов», написанный в форме дневника православного монаха. Россия, по словам поэта, стала его «духовной родиной», «основой его жизнепереживания и жизнеспособности». Он перевел на немецкий язык «Слово о полку Игореве», «Чайку» А.П. Чехова, «Выхожу один я на дорогу» М.Ю. Лермонтова.

Наверное, у нас на Родине не зря так любят австрийского поэта, ритмика и мелодия его поэтической речи особенно близки русской душе: *За последним домом спать Солнце алое ложится...*

«Я никогда не приветствовал попытки дополнить мои стихи музыкой» – пишет Райнер Рильке незадолго до смерти. «Но я рискнул», – это слова Юрия Вайханского. В заключительной части вечера на сцену вышел с гитарой именно он, гость Черноголовки, известный певец и композитор. Звучат первые аккорды, первые слова – и поэтические строки великого австрийского романтика вдруг воспринимаются чуть иначе, как-то по-особому лирично и проникновенно. Так начинает свою причудливую игру драгоценный камень, когда на его грань падает луч света.

Борис Пастернак, комментируя ряд несовершенных переводов поэзии Райнера Рильке, писал: «Переводчики не виноваты. Они привыкли переводить смысл, а не тон. А здесь важен именно тон».

Вечер, посвященный поэзии Райнера Рильке и одного из самых талантливых переводчиков его творчества М.В. Пиккель, дал слушателям возможность услышать и смысл, и тон, ощутить выразительность синтаксиса, поэзии великого мастера, богатство рифмы, познакомиться с его собственной лирико-философской концепцией мира.

«Черноголовская газета», № 3, 29 января 2009 года

ЖЕНЩИНА, ИЗЛУЧАЮЩАЯ СВЕТ

Благодарение судьбы – встреча с Марией Владимировной Пиккель. Она не только спасла жизнь дочери, но и, как истинно великий Доктор, оказала влияние на её формирование и духовное становление.

Мария Владимировна стала частым и всегда желанным гостем нашего дома. С её приходом дом наполнялся чувством доброты, светом, веры во что-то лучшее. Нечто подобное я ощущал только в храме, да и то не всегда и везде.

Мир воистину тесен. В ходе наших разговоров обнаружили общие знакомые в подмосковном академическом центре Черноголовке, в том числе В.Н. Белоусов – мой коллега по Архитектурному институту, известный российский ученый-градостроитель, тогда директор Центрального Научно-исследовательского института градостроительства. Мастерская института принимала участие в заказном конкурсе на проект центра г. Архангельска. Отсюда возможно её глубокое понимание архитектуры, ее сущности. Но это всего лишь частный случай. Мария Владимировна поражала широкой образованностью, далеко не любительскими знаниями в различных сферах науки и искусства.

И невольно возникало сравнение с другой уникальной женщиной Архангельска – Ксенией Петровной Гемп. Такая же высочайшая питерская культура, прекрасная русская речь, свобода и широта взглядов плюс профессионализм и редкая увлеченность своим делом.

И в то же время трудно представить столь разных женщин по своей сути. Ксения Петровна – всегда собранная, подтянутая с тонкими поджатыми губами, устремленная вперед. Вся в себе. Только раз она приоткрылась, когда разговор зашёл о Георгии Седове, отплытия «Святого Фоки» от причала Красной пристани в 1912 году, в последний и трагический рейс ...

И полная открытость Марии Владимировны, её мягкие женственные линии, несущие в себе нескончаемую доброту. Она просто излучала свет и мне никогда не забыть распахнутые глаза дочери, устремлённые на Марию Владимировну ...

Она являла собой идеальный образ врача. Святая обязанность нас, архангелогородцев, сохранить этот образ и сделать его достоянием будущего.

Об авторе: Вадим Кибирев, Заслуженный архитектор России, член-корреспондент РААСН.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

ДИССЕРТАЦИИ

Рахит у детей-дистрофиков : дис. ... канд. мед. наук / М. В. Пиккель. – Казань, 1947.

Туберкулезный менингит и его клинические формы при современных методах лечения : дис. ... д-ра мед. наук / М. В. Пиккель. – Л., 1966.

ОТДЕЛЬНЫЕ ИЗДАНИЯ

Достижения и нерешенные вопросы нейроинфекций у детей : актовая речь, посвященная очередному выпуску врачей лечебного и стоматологического факультетов Архангельского медицинского института 1972 г. / М. В. Пиккель. – Архангельск, 1972. – 17 с.

Клиника и патогенез туберкулеза центральной нервной системы у детей / М. В. Пиккель. – Архангельск : Издат. центр АГМА, 1998. – 36 с.

СТАТЬИ В СБОРНИКАХ И ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЯХ

1942

Опыт применения раствора сульфидина по Планельсу в лечении летних детских поносов / М. В. Пиккель // Программа и тезисы докладов 2-й научной сессии Архангельского медицинского института, посвященной 25-летию Великой Октябрьской Социалистической революции. – Архангельск, 1942. – С. 15.

1943

Опыт применения раствора сульфидина по Планельсу при лечении летних детских поносов / М. В. Пиккель // Сборник трудов Архангельского государственного медицинского института. Вып. VII. Вопросы военной медицины. – Архангельск, 1943. – С. 130–131.

1945

К вопросу о лечении номы и гангренозного стоматита у детей / М. В. Пиккель // Сборник трудов Архангельского государственного медицинского института. Вып. VIII. Нейроинфекции на Севере. – Архангельск, 1945. – С. 154–155.

1946

Рахит у детей Архангельска и некоторые особенности рахита у детей-дистрофиков / М. В. Пиккель // Педиатрия. – 1946. – № 3. – С. 19–25.

1952

О течении туберкулезного менингита у детей при лечении стрептомицином / М. В. Пиккель // Программа и тезисы докладов XVII научной сессии Архангельского государственного медицинского института. – Архангельск, 1952. – С. 43–44.

1954

Гематологические изменения при туберкулезном менингите / М. В. Пиккель // XVIII научная сессия АГМИ. – Архангельск, 1954. – С. 36.

1955

К вопросу о возрастных особенностях туберкулезного менингита, леченного стрептомицином / М. В. Пиккель // XIX научная сессия Архангельского государственного медицинского института. – Архангельск, 1955. – С. 33–34.

К вопросу о возрастных особенностях туберкулезного менингита, леченного стрептомицином / М. В. Пиккель // Педиатрия. – 1955. – № 3. – С. 31–35.

1956

Атипичные проявления туберкулезного менингита в начальном и остром периодах заболевания / М. В. Пиккель // Сборник трудов Архангельского государственного медицинского института. Вып. 13. – Архангельск, 1956. – С. 188–193.

1957

Возрастные особенности клинического течения дифтерии в городе Архангельске / М. В. Пиккель, А. И. Ильина, Т. В. Брюховецкая // VII научная конференция Архангельского научно-исследовательского института эпидемиологии, микробиологии и гигиены : авторефераты. – Архангельск, 1957. – С. 54–55.

Клинико-анатомические параллели при туберкулезном менингите, леченном стрептомицином / М. В. Пиккель // Тезисы докладов XXI научной сессии Архангельского государственного медицинского института. – Архангельск, 1957. – С. 28–30.

О применении фтивазида при туберкулезном менингите / М. В. Пиккель // Сборник трудов Архангельского государственного медицинского института. Вып. XVII. – Архангельск, 1957. – С. 182–189.

1958

К вопросу о рецидивах туберкулезного менингита / М. В. Пиккель // вопросы охраны материнства и детства. – 1958. – № 6. – С. 48–53.

Клинические проявления полимиелита по материалам инфекционной больницы г. Архангельска за 1955–1957 гг. / М. В. Пиккель, А. В. Горохова // Материалы VIII итоговой научной конференции Архангельского научно-исследовательского института эпидемиологии, микробиологии и гигиены. – Архангельск, 1958. – С. 16–18.

Клинико-анатомические параллели летальных исходов туберкулезного менингита, леченного стрептомицином / М. В. Пиккель // Сборник трудов Архангельского государственного медицинского института. Вып. 18. – Архангельск, 1958. – С. 146–152. – На обл. указан 1959 г.

1959

О мезенцефально-диэнцефальном синдроме при туберкулезном менингите / М. В. Пиккель // Вопросы невропатологии и нейрохирургии. Вып. 2. – Архангельск, 1959. – С. 5–11.

1962

Влияние форм туберкулеза и возраста больного на развитие и клиническую симптоматику туберкулезного менингита / М. В. Пиккель // XXVI итоговая научная сессия Архангельского государственного медицинского института : основные положения докладов. – Архангельск, 1962. – С. 45–46.

1965

К вопросу о диэнцефально-мезенцефальной патологии при туберкулезном менингите / М. В. Пиккель // Физиология и патология гипоталамуса : материалы к всесоюз. конф. – М., 1965.

Клинико-этиологическая характеристика пневмонии и острых респираторных заболеваний у детей в колизентеритном отделении / М. В. Пиккель [и др.] // Вопросы краевой инфекционной патологии на Севере : материалы к научной конференции, посвященной 40-летию Архангельского института эпидемиологии, микробиологии и гигиены. – Архангельск, 1965. – С. 91–92.

1967

К вопросу о сосудистых поражениях при ревматизме у детей / М. В. Пиккель, А. К. Назаров, Теплякова // Материалы конференции Северо-Западной области. – [Б.м.], 1967.

О параллелизме между процессами клинического и морфологического выздоровления при туберкулезном менингите / М. В. Пиккель // Материалы XXVIII научной сессии Архангельского государственного медицинского института, посвященной 50-летию Великой Октябрьской социалистической революции. – Архангельск, 1967. – С. 376–377.

Об изменениях возрастной структуры заболеваемости туберкулезным менингитом за 17 лет / М. В. Пиккель // Труды терапевтической конференции. – [Б.м.], 1967.

1969

Клинические особенности туберкулезного менингита взрослых / М. В. Пиккель, Н. Г. Котова, К. А. Третьякова // Материалы межобластной конференции невропатологов в г. Архангельске. – Архангельск, 1969.

Нейроинфекция у детей г. Архангельска по материалам инфекционной больницы за 10 лет / М. В. Пиккель, Н. Г. Котова, К. А. Третьякова // Материалы межобластной конференции невропатологов в г. Архангельске. – Архангельск, 1969.

О роли стафилококка в патологическом процессе при острых респираторных заболеваниях / М. В. Пиккель, Н. Г. Выжлецова // Материалы областной конференции педиатров. – Архангельск, 1969.

1970

Анализ заболеваемости туберкулезным менингитом по Архангельской области за 18 лет / М. В. Пиккель // Проблемы борьбы с туберкулезом в Архангельской области. – Л., 1970. – С. 71–73.

Влияние фазы и течения общего туберкулеза на развитие и клиническую симптоматику туберкулезного менингита / М. В. Пиккель // Проблемы борьбы с туберкулезом в Архангельской области. – Л., 1970. – С. 93–98.

Заболеваемость нейроинфекциями у детей (по материалам детского отделения инфекционной больницы г. Архангельска за 10 лет) / М. В. Пиккель, Н. Г. Котова, К. А. Третьякова // Актуальные вопросы неврологии Севера : сборник тезисов докладов к конференции невропатологов Северо-Запада РСФСР. – Архангельск, 1970. – С. 141–143.

Мезодиэнцефальный синдром у детей при воспалительных заболеваниях нервной системы / М. В. Пиккель // Актуальные вопросы неврологии Севера

ра : сборник тезисов докладов к конференции невропатологов Северо-Запада РСФСР. – Архангельск, 1970. – С. 148–150.

О некоторых клинических особенностях туберкулезного менингита у взрослых / М. В. Пиккель, Н. Г. Котова, К. А. Третьякова // Актуальные вопросы неврологии Севера : сборник тезисов докладов к конференции невропатологов Северо-Запада РСФСР. – Архангельск, 1970. – С. 146–147.

1971

Катамнез детей, перенесших пневмонию на первом году жизни / М. В. Пиккель, О. Н. Мезенова // Материалы XXX научной сессии Архангельского государственного медицинского института. – Архангельск, 1971. – С. 161–162.

1972

К вопросу о формировании хронической пневмонии у детей раннего возраста / М. В. Пиккель [и др.] // Вопросы краевой патологии. – Архангельск, 1972. – С. 201–203.

Некоторые вопросы стафилококковой инфекции у детей раннего возраста / М. В. Пиккель, В. Д. Новожилова, Л. В. Бердникова // Вопросы краевой патологии. – Архангельск, 1972. – С. 204–205.

1976

К вопросу о формировании хронической пневмонии у детей раннего возраста на Севере / М. В. Пиккель [и др.] // Медико-биологические проблемы акклиматизации и гигиены человека на Европейском Севере : тезисы докладов межвузовской конференции. – Архангельск, 1976. – С. 125–126.

Об этиологии и лечении гнойных менингитов у новорожденных / М. В. Пиккель, Т. П. Левитина, В. Н. Пономарева // Вопросы охраны материнства и детства. – 1976. – № 2. – С. 48–50.

Ультрафиолетовая обеспеченность детей Архангельска и Нарьян-Мара / М. В. Пиккель, В. А. Терновская // Медико-биологические проблемы акклиматизации и гигиены человека на Европейском Севере : тезисы докладов межвузовской конференции. – Архангельск, 1976. – С. 32–33.

2002

Об открытии педиатрического факультета / М. В. Пиккель // Медицинский образовательный и научный центр Европейского Севера России (1932–1987) / Г. С. Щуров, П. И. Сидоров. – Архангельск, 2002. – С. 501–502.

ПЕРЕВОДЫ

Отражения (из лирики зарубеж. поэтов) / предисл. М. Пиккель ; перевод с англ., нем., фр. М. Пиккель. – Архангельск : [б. и.], 1994. – 33 с.

Дуинские элегии / Р. М. Рильке ; пер. с нем. М. В. Пиккель ; [ред. : Т. Г. Панасевич, Б. М. Егоров]. – Архангельск : [Изд. отд. мед. информ. Арханг. обл. дет. клин. больницы], 1996. – 42, [1] с.

Ручей жизни : избранная лирика / Р. М. Рильке ; пер. с нем. и фр. М. Пиккель. – Архангельск : Отд. мед. информ. Арханг. обл. дет. клин. больницы, 1996. – 40 с.

Избранная лирика = Ausgewählte Lyrik / Р. М. Рильке ; пер. с нем. и фр. М. Пиккель ; [послесл. Т. Панасевич]. – Архангельск : Сев.-Зап. кн. изд-во, 1998. – 508, [1] с.

Искры : сб. переводов Марии Пиккель / сост., пер., авт. предисл. М. В. Пиккель. – Архангельск : Правда Севера, 2003. – 175 с.

СТАТЬИ В ГАЗЕТАХ

Один из первых : навстречу 50-летию АГМИ / М. В. Пиккель // Медик Севера. – 1981. – 11 марта.

«А песни Высоцкого не люблю...» / М. Пиккель, С. Доморощенин // Правда Севера. – 1996. – 10 окт. – С. 6.

ЛИТЕРАТУРА О М. В. ПИККЕЛЬ

Степанов В. Жизнь – детям : М. В. Пиккель – 60 лет / В. Степанов // Правда Севера. – 1971. – 28 марта.

Первая женщина-профессор // Медик Севера. – 1977. – 30 нояб.

Батыгина Н. И. Эта светлая часть пути / Н. И. Батыгина // Правда Севера. – 1981. – 27 сент.

Королева В. Н. Дети – ее любовь : М. В. Пиккель исполняется 70 лет / В. Н. Королева // Медик Севера. – 1981. – 1 апр.

Мельницкая Л. Дар человеколюбия : наши юбиляры / Л. Мельницкая // Правда Севера. – 1986. – 5 апр.

Егорова Л. В. Мудрый и светлый человек... : сегодня у добросердечной и обаятельной М. В. Пиккель 85-летний юбилей / Л. В. Егорова // Правда Севера. – 1996. – 3 апр. – С. 6.

Зубов Л. А. Второе призвание М. В. Пиккель / Л. А. Зубов // Медик Севера. – 1996. – 21 нояб. – С. 2.

Румянцева В. С поклоном врачу-ветеринару / В. Румянцева // Правда Севера. – 1998. – 24 июня. – С. 4.

Чайковский Р. Сохранить свет поэзии / Р. Чайковский // Правда Севера. – 1998. – 4 сент. – С. 4.

Вильгельм Я. Переводчица одного поэта / Я. Вильгельм // Восточный экспресс. – 2000. – июль–август. – С. 1.

Горин Д. Почетный гражданин : на склоне лет талант признали / Д. Горин // Известия. – 2001. – 15 июня. – С. 8.

Владимиров С. О жизнь! О время, полное чудес... : 90 лет М. В. Пиккель / С. Владимиров // Архангельск. – 2001. – 4 апр. – С. 1.

Доморощенин С. Рильке, Верлен, Пиккель и другие / С. Доморощенин // Правда Севера. – 2001. – 3 апр. – С. 8.

Доморощенин Л. ...И по заслугам – честь! : М. В. Пиккель присвоено звание «Почетный гражданин г. Архангельска» / Л. Доморощенин // Медик Севера. – 2001. – 26 июня. – С. 1.

Доморощенин Л. Поздравляем Учителя с юбилеем! : 3 апреля М. В. Пиккель исполнилось 90 лет / Л. Доморощенин // Медик Севера. – 2001. – 12 апр. – С. 2.

М. В. Пиккель стала Почетным гражданином Архангельска // Архангельск. – 2001. – 15 июня. – С. 1.

О присвоении звания «Почетный гражданин города Архангельска» Пиккель М. В. : решение Арханг. гор. Собрания депутатов от 29 мая 2001 г. № 24

// Решения Архангельского городского Совета депутатов двадцать третьего созыва. – Архангельск, 2001. – № 2 : Вторая сессия. – С. 15.

Пиккель Мария Владимировна : портрет современницы / сост. Л. А. Зубов. – Архангельск : М'арт, 2001. – 16 с.

Пиккель Мария Владимировна // Профессора Северного государственного медицинского университета в 2000 году / Г. С. Щуров. – Архангельск, 2001. – С. 550.

Кирсанова А. С. Три дара мне дано судьбою : профессия, учителя и жизни радость, а потому люблю лечить, учиться и любить : [воспоминания доц. каф. педиатрии А. С. Кирсановой] / А. С. Кирсанова // Медик Севера. – 2002. – 16 дек. – С. 4.

Портрет современницы : Мария Владимировна Пиккель // Педиатрический факультет. – Архангельск, 2002. – С. 45–51.

Доморошенов С. Любовь к медицине и поэзии : [95 лет почетному гражданину Архангельска Марии Пиккель] / С. Доморошенов // Правда Севера. – 2006. – 1 апр. – С. 6.

Крестница императрицы, врач и поэт // Аргументы и факты в Архангельске. – 2006. – 30 марта. – С. 13.

Мария Владимировна Пиккель // Медик Севера. – 2006. – 23 марта. – С. 8.

Юрьева А. Крестница императрицы, врач и поэт / А. Юрьева // Аргументы и факты в Архангельске. – 2006. – № 13. – С. 2.

Без малого 100 лет : М. В. Пиккель // Архангельск. – 2007. – 4 апр. – С. 2.

Ангелы-хранители // Северная медицинская школа / П. И. Сидоров, Г. С. Щуров, Л. Г. Доморошенова. – Архангельск, 2007. – С. 224–226.

Батыгина Н. И. Эта светлая часть пути / Н. И. Батыгина // Из моей жизни хирурга / Н. И. Батыгина. – Архангельск, 2007. – С. 265–268.

Памяти Марии Владимировны Пиккель : [некролог] // Правда Севера. – 2008. – 16 янв. – С. 8.

Скончалась Мария Пиккель... // Архангельск. – 2008. – 16 янв. – С. 2.

Ушла из жизни Мария Владимировна Пиккель // Ваш доктор. – 2008. – 17 янв. – С. 2.

Крестница императрицы, поэт, врач... : памяти М. В. Пиккель // Белый медведь. – 2008. – 19 янв. – С. 5.

Памяти Марии Владимировны Пиккель // Медик Севера. – 2008. – 25 янв. – С. 4.

Румянцева В. Отпеваю ее в своем сердце : [сегодня сороковой день, как с нами нет Марии Владимировны Пиккель] / В. Румянцева // Сев. комсомолец. – 2008. – 22 февр. – С. 20.

Мария Владимировна Пиккель – основоположник педиатрической школы на Европейском Севере / Е. Н. Сибилева [и др.] // Медицинская профессура СССР : краткое содержание и тезисы докладов научной конференции. – М., 2009. – С. 244–246.

Составители: Г. Б. Чецкая, зав. справочно-библиографическим отделом Научной библиотеки СГМУ; М. В. Симоненко, зав. сектором информации Научной библиотеки СГМУ; С. С. Сипягова, ведущий библиограф Научной библиотеки СГМУ.

Мария Пиккель с мамой и папой.

М.В. Пиккель, 1936 г.

Фотографии из архива отца М.В. Пиккель – главного врача военно-санитарного поезда государыни императрицы Марии Федоровны во время русско-японской войны, 1905 г.

Характеристика.
 Зана Локнечкиня Райсуполкома
 Совета Медсантруста (Калинин обл.) мед. сестры
 Ленинской Райбольницы, лицу данного Совета
 с 1934г. тов. Пиккель Мария Владимировна в том,
 что за время нахождения в Совете, указанной товарищ
 проявила себя безусловно дисциплинированной и аккурат-
 ной в смысле исполнения всех своих обязанностей как
 лица Совета и в выполнении заданий и поручений
 Райсуполкома.
 Училась в общественной работе, тов.
 Пиккель М.В. первоначально работала в качестве спор-
 тивки женских войск, а затем Козначеем и в другие
 годы – Председателем Кассы Взаимопомощи (выборной
 выборки, не оплачиваемой), на которой работала зарплатидо-
 вана себя именной, внимательности и знающей работ-
 никам.
 За образцовую, безукоризненную и преданную работу, тов.
 Пиккель М.В. дважды премировалась: в 1935 году
 ценным подарком, в 1936 году – денежной премией.

Секретарь Райсуполкома
 Совет М.Ф.т. Алексеев.

Выпускники Рабфака при Архангельском медицинском институте, 1938 г.

Директору Архангельского Медицинского Института
 Заведующий
 Рабочий факультет
 г. Архангельск

Троюму доуцешимым лицам к трем лицам
 невесткам и Медик институт.
 При сем прилагаю следующие документы:
 1) автобиографию
 2) выписку из окладов Рабфака
 3) справку о состоянии здоровья
 4) фотокарточки (3 штуки).
 М. В. Тихомиров

5/11 38 г., Архангельск,

Р. С. Ф. С. Р.
 Народный комиссариат
 ЗАРОВОХОРАНЕНИЯ
 Рабочий факультет при
 Архангельском Медицинском
 институте

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

№ 30

АТТЕСТАТ

Гр. Тихомиров Марья Владимировна
 родившаяся в 1911 г. была принята в 1936 г.
 на вечернее отделение рабочего факультета
 при Архангельском Медицинском Институте.

За время своего пребывания на рабфаке на указанном
 отделении гр. Тихомиров М. В. по данным переводных
 и выпускных испытаний получила следующие оценки акаде-
 мической подготовленности по дисциплинам:

1. Математика	Отлично
2. Русский язык и литература	Отлично
3. Немецкий язык	Отлично
4. Физика	Отлично
5. Химия	Отлично
6. Естественное знание	Отлично
7. География	Отлично
8. История	Отлично
9. Советское строительство	Отлично
10. Черчение (схемат.)	Хорошо
11. Военное дело	Отлично
12. Физкультура	Отлично

На основании изложенного гр. Тихомиров М. В.
 считается окончившим вечернее отделение рабфака с
полным правом.

Директор рабфака М. В. Тихомиров
 Зав. учебной частью М. В. Тихомиров
 Секретарь учебной части М. В. Тихомиров

№ 100
 Архангельск

Архангельский Государственный Медицинский Институт
 Экзаменационный лист № 187

Фамилия: Тиккель
 Имя: Мария
 Отчество: Владимировна

Наименование дисциплины	Оценка (проспись)	Дата	Подпись экзаменатора	Приложение
1. Русский язык (устно и письменн.)	Отл.	17/12	В.И. Сидорова	
2. Математика (устно и письменн.)	Хор.	9/12	В.И. Сидорова	
3. Физика	Хор.	11/12	В.И. Сидорова	
4. Химия	Отл.	1/12	В.И. Сидорова	
5. Политграмота	Отлично	16/12	В.И. Сидорова	
6. Иностранный язык (нем., англ., франц.)	Отлично	14/12	В.И. Сидорова	

Председатель приемной комиссии
 Директор мединститута (Рапорт)
 Члены комиссии:
 Секретарь: Александр

36

Диплом
 с отличием
 № 636324

подвизитесь его тав. Тиккель
 Мария Владимировна в 1938.
 поступила и в 1942. окончила
 высшей курс Архангельского Го-
 сударственного Медицинского
 Института по специальности
 лечебное дело и решением
 Государственной Экзаменационной
 Комиссии от 15/11 1942. ей при-
 сужена квалификация врача

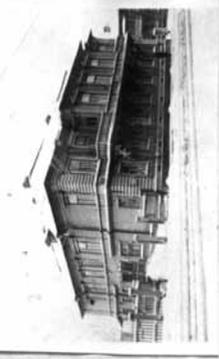
Председатель Государственной
 Экзаменационной Комиссии
 Директор Горюев
 Секретарь А. Сидорова
 Год Архангельск 1946.

Регистрационный № 1175

Врач

Кафедра детских болезней

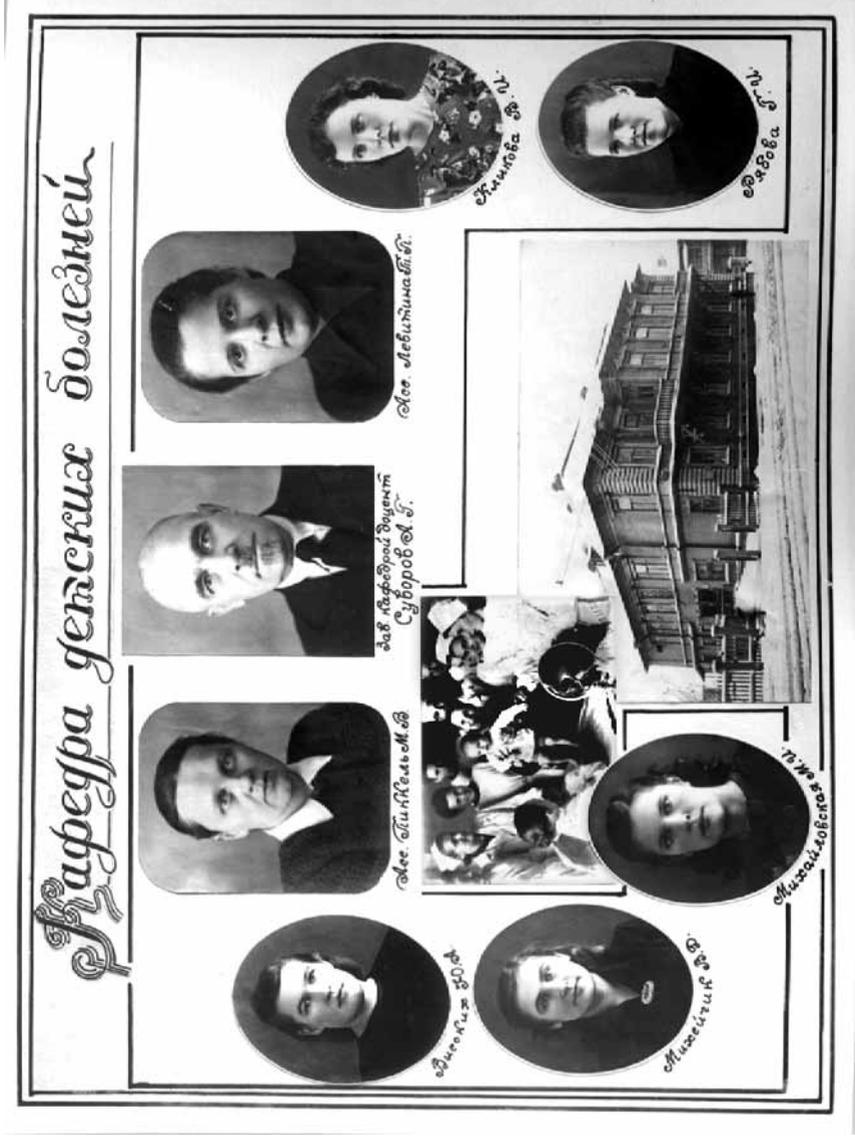

Кафедра детских болезней, 16-й выпуск, лечебный факультет АГМИ, 1950 г.

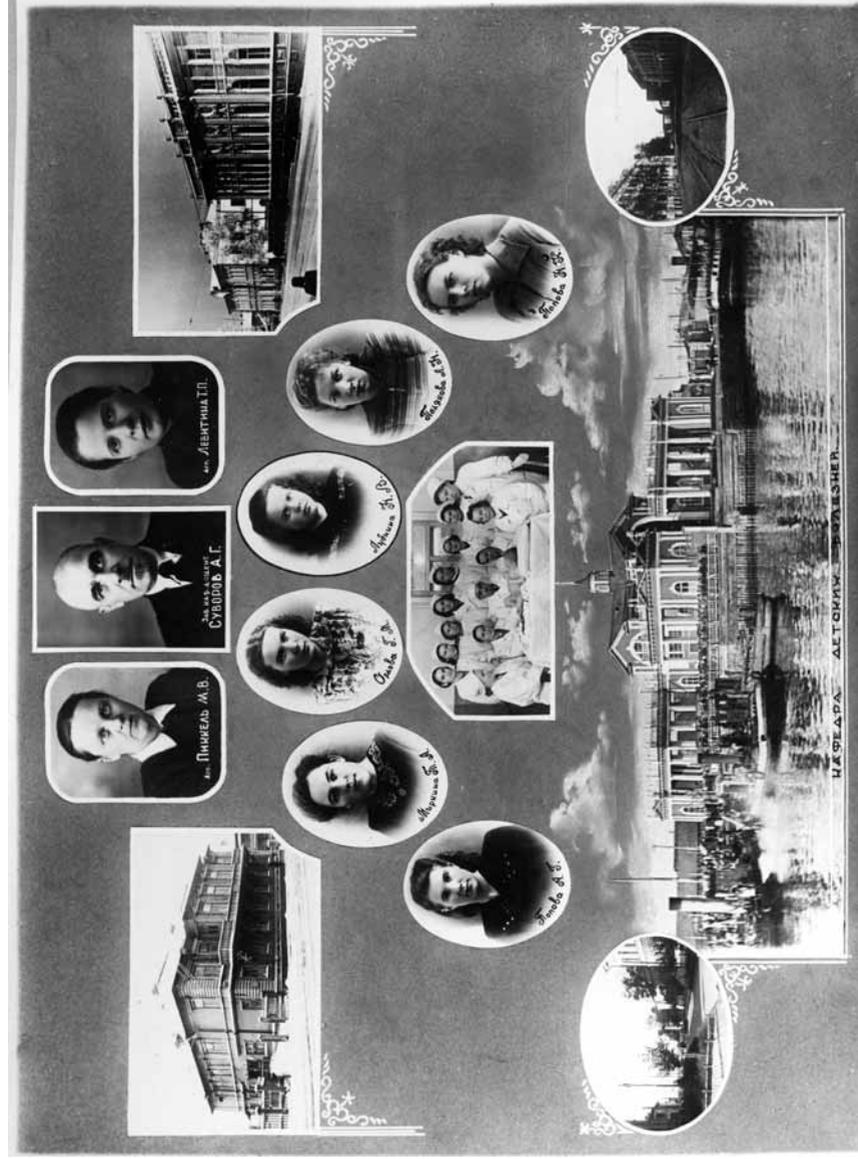
Кафедра детских болезней

Кафедра детских болезней, 17-й выпуск, лечебный факультет АГМИ, 1951 г.

Кафедра детских болезней, 18-й выпуск, лечебный факультет АГМИ, 1953 г.

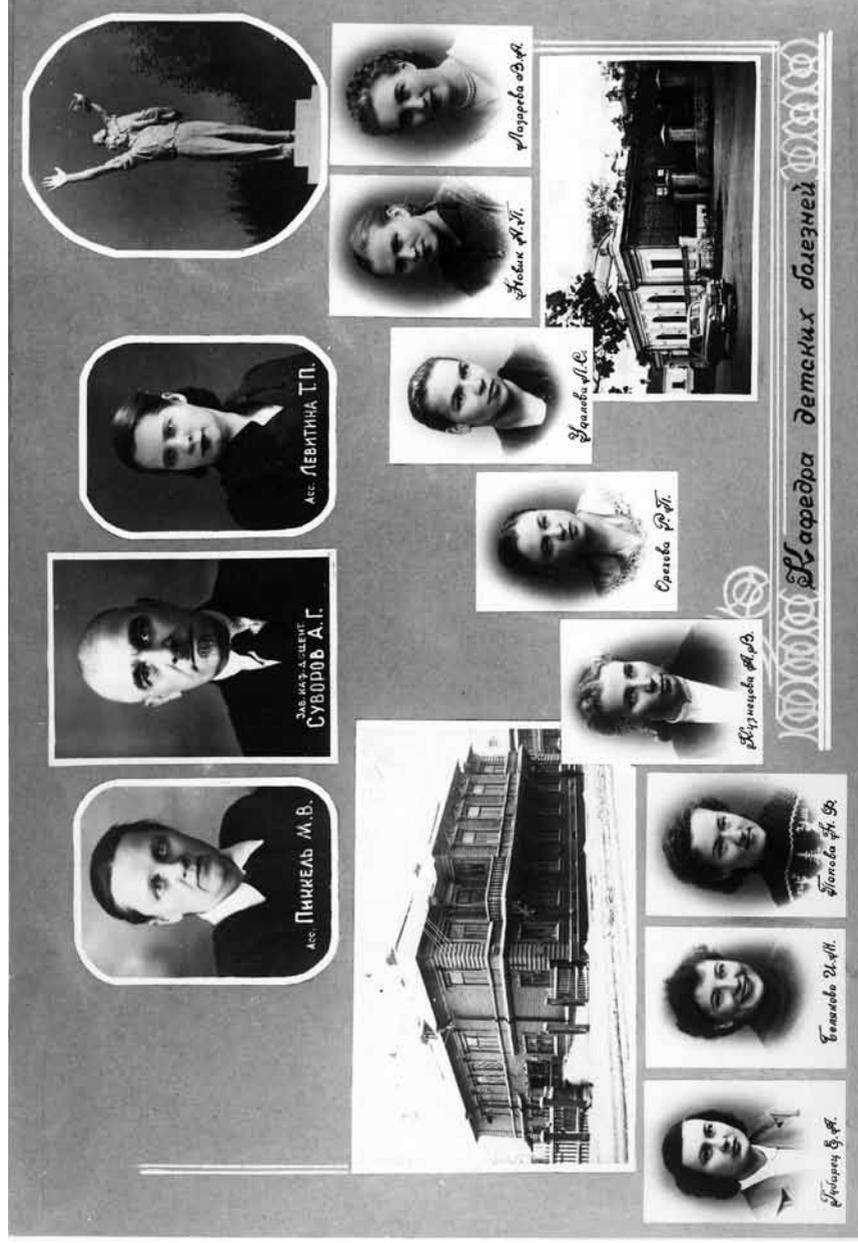

Кафедра детских болезней, 19-й выпуск, лечебный факультет АГМИ, 1954 г.

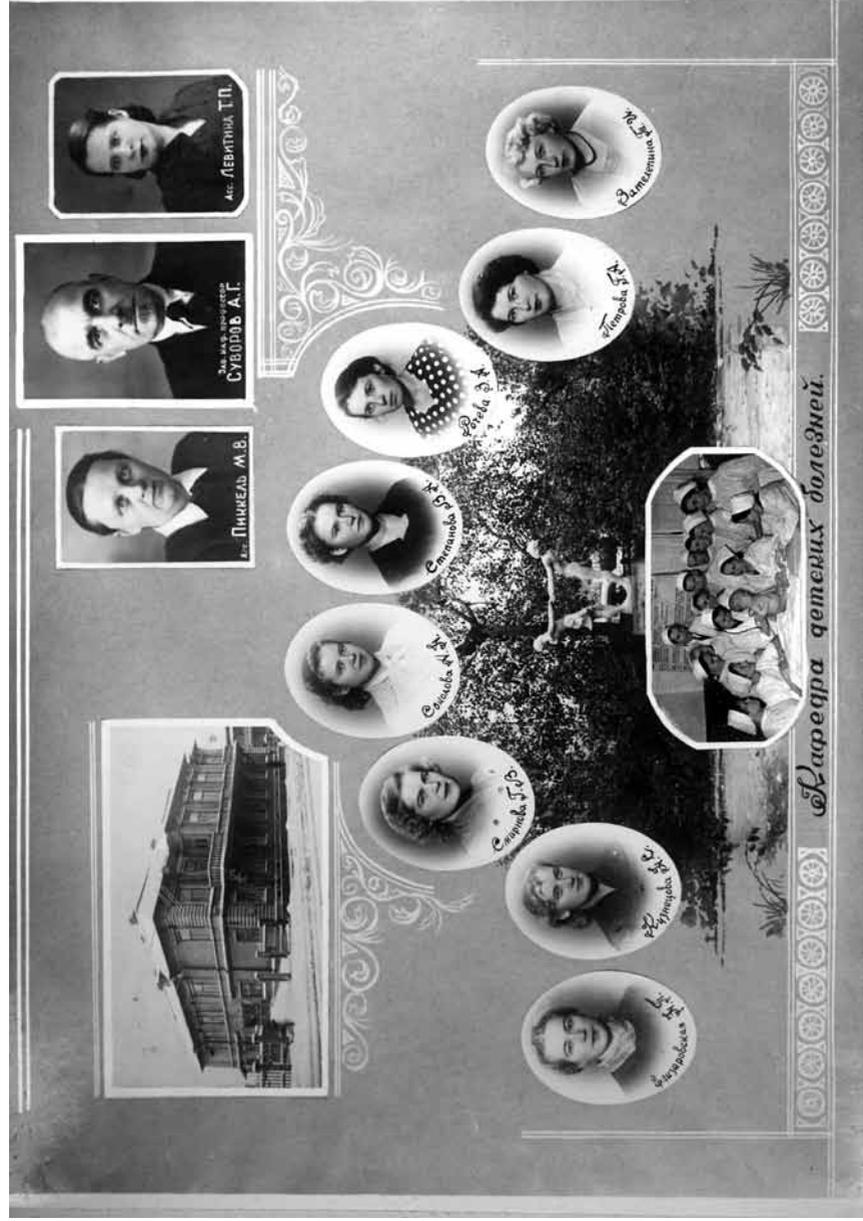

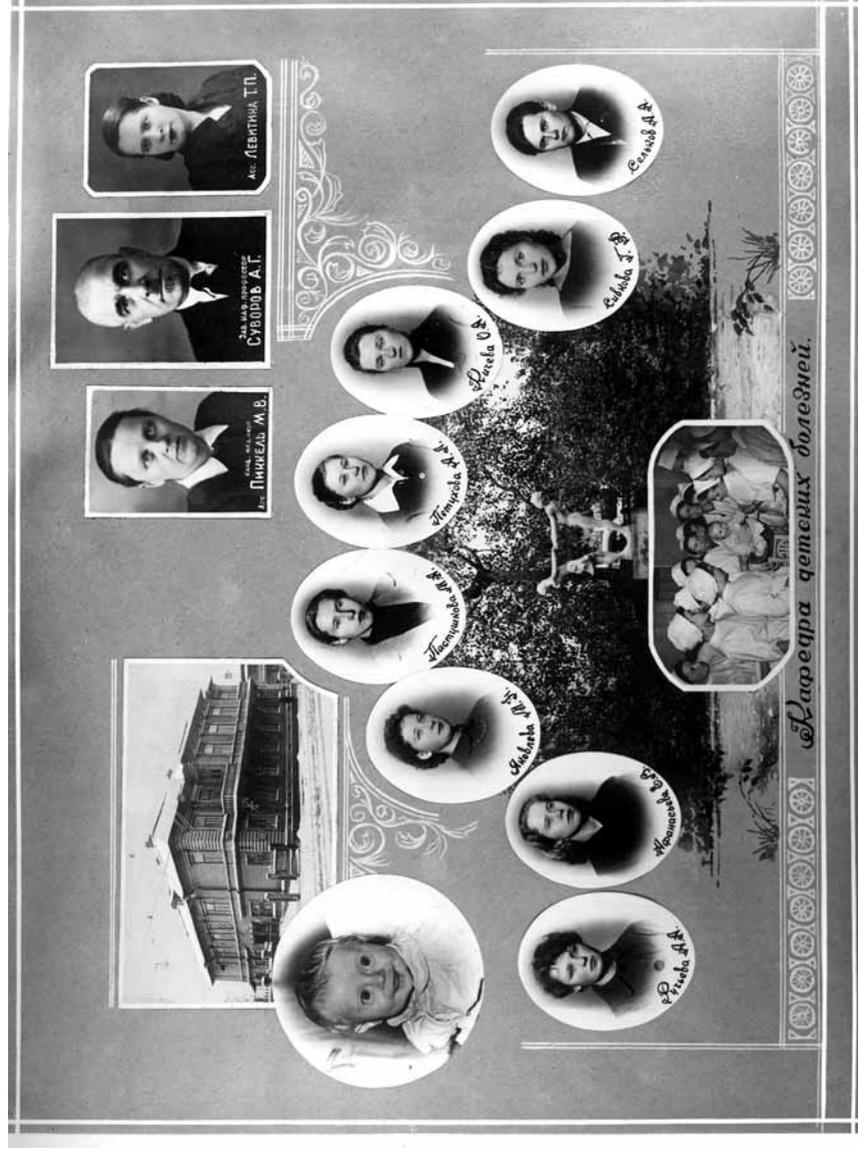
Кафедра детских болезней, 22-й выпуск, лечебный факультет АГМИ, 1957 г.

Кафедра детских болезней, 23-й выпуск, лечебный факультет АГМИ, 1958 г.

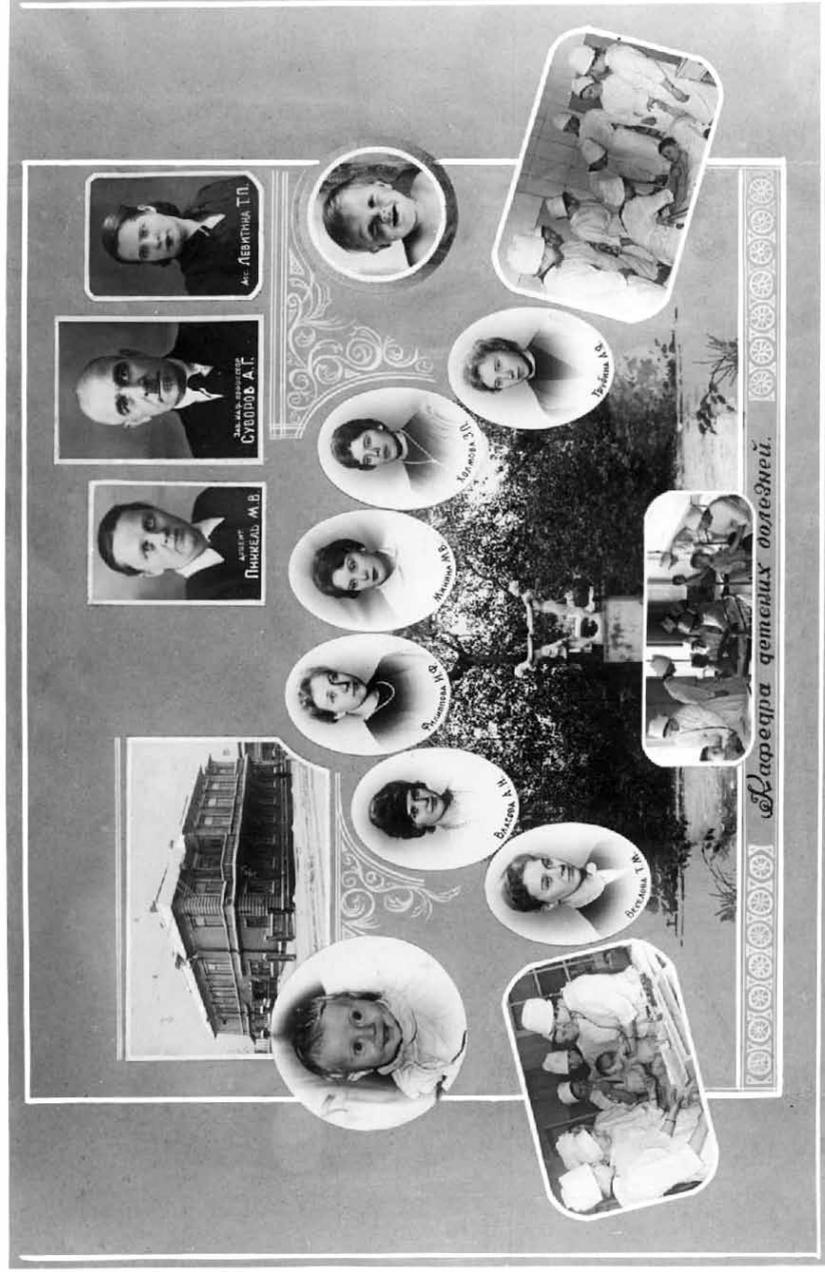
Кафедра детских болезней, 24-й выпуск, лечебный факультет АГМИ, 1959 г.

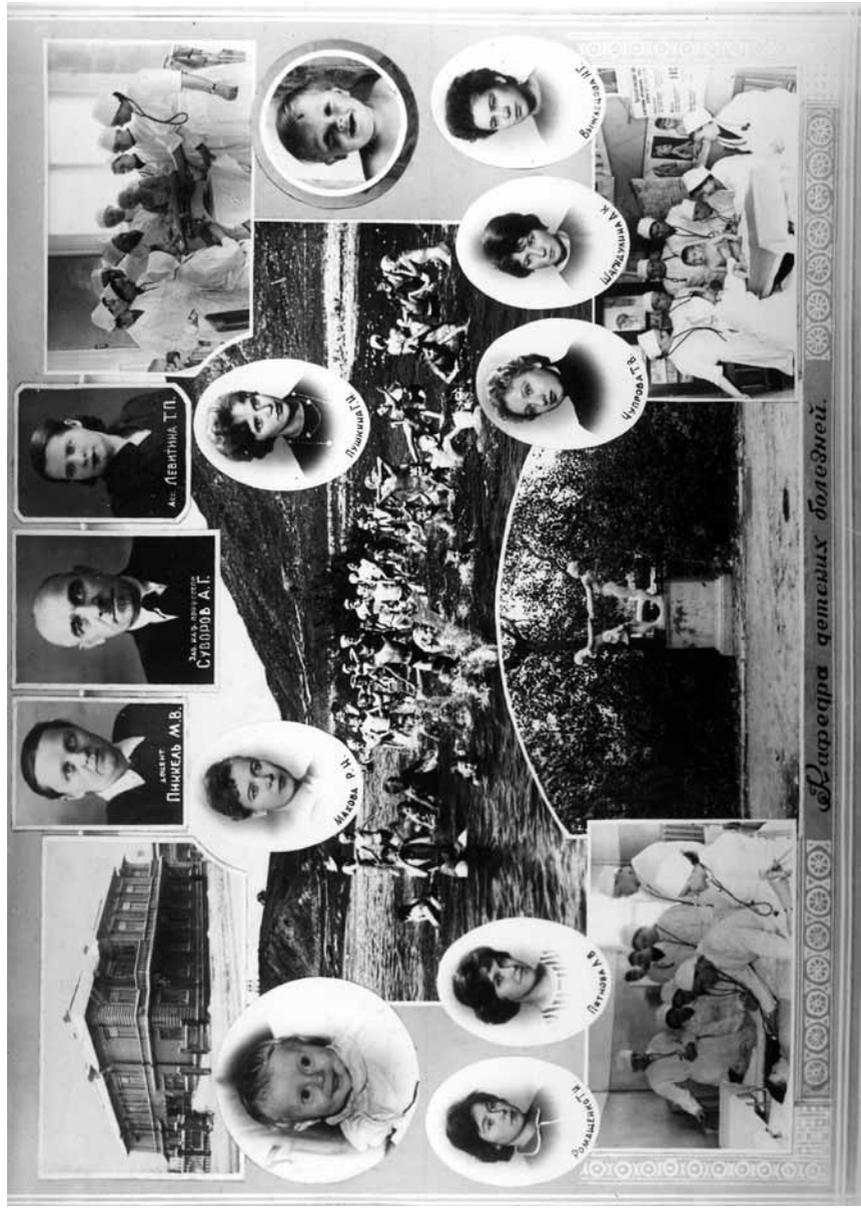
Кафедра детских болезней, 25-й выпуск, лечебный факультет АГМИ, 1960 г.

Кафедра детских болезней, 26-й выпуск, лечебный факультет АГМИ, 1961 г.

Кафедра детских болезней, 28-й выпуск, лечебный факультет АГМИ, 1963 г.

Кафедра детских болезней, 29-й выпуск, лечебный факультет АГМИ, 1964 г.

Кафедра детских болезней, 30-й выпуск, лечебный факультет АГМИ, 1965 г.

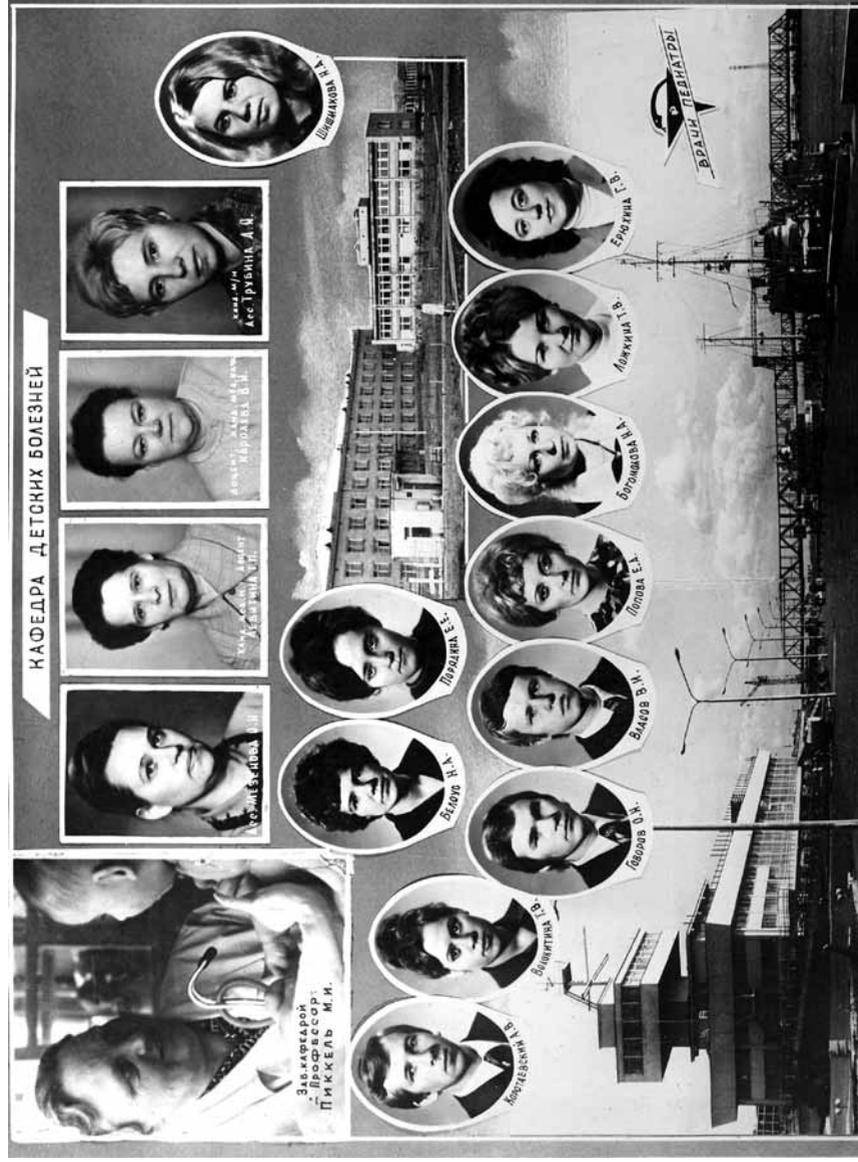

Кафедра детских болезней, 40-й выпуск, лечебный факультет АГМИ, 1975 г.

Кафедра детских болезней, 41-й выпуск, лечебный факультет АГМИ, 1976 г.

Архангельская областная детская клиническая больница, 1972 г.

Сотрудники кафедры педиатрии АГМИ с клиническими ординаторами, 1978 г.

Коллеги и ученики М.В. Пиккель в день ее 70-летнего юбилея, апрель 1981 г.

Профессорский обход М.В. Пиккель, 1977 г.
Пациента представляет клинический ординатор В.И. Макарова.

На занятии со студентами, 1978 г.

На конференции в Архангельской областной детской больнице:
заместитель главного врача по лечебной работе Л.А. Носкова,
доцент А.Я. Трубина и профессор М.В. Пиккель, 1980 г.

При вручении ордена Трудового Красного Знамени Архангельскому медицинскому институту: первый секретарь обкома партии Б.В. Попов, ректор Н.П. Бычихин, профессор С.И. Елизаровский, профессор М.В. Пиккель, секретарь парткома Ю.Л. Образцов, 1982 г.

На госэкзамене у выпускников педиатрического факультета АГМИ, 1984 г.

Мария Владимировна Пиккель и Александр Григорьевич Марголин, 1965 г.

На праздничной демонстрации, 1970 г.

М.В. Пиккель со всеми племянниками, 1983 г.

С главным педиатром области В.Ф. Солодовниковой.

С племянниками, 1990 г.

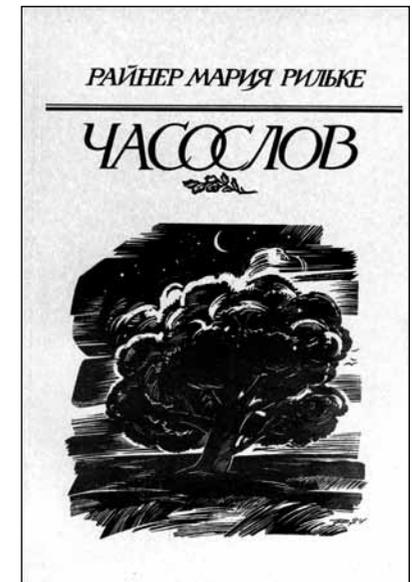
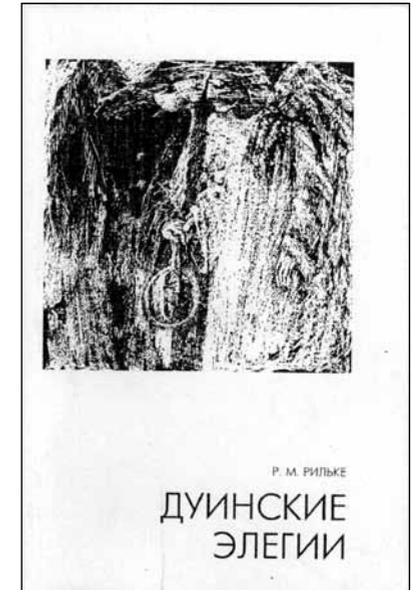
В.А. Кудрявцев, М.В. Пиккель, В.Н. Королева, Л.А. Носкова, 1992 г.

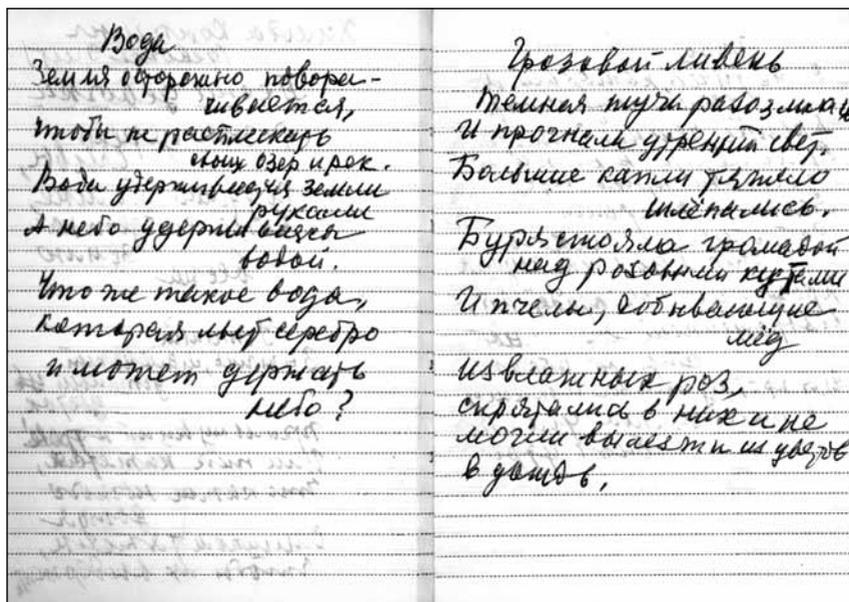
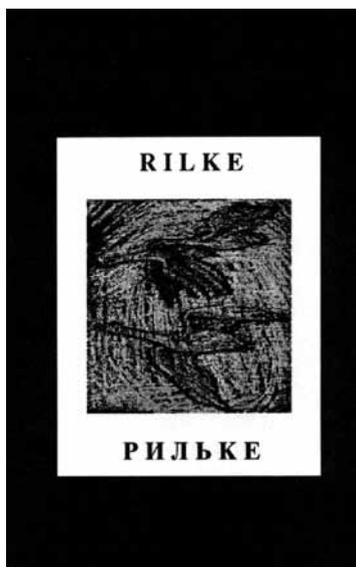
На презентации первого сборника переводов «Отражение» в областной детской больнице: Л.А. Зубов, Е.Н. Сибилева, Г.Н. Чумакова, М.В. Пиккель, Л.А. Носкова, В.А. Терновская, Ю.М. Богданов, В.Н. Румянцева. 1994 г.

С директором Северо-Западного книжного издательства Б.М. Егоровым, 1996 г.

Сборники переводов М.В. Пиккель.

Сборники переводов и черновики стихов М.В. Пиккель.

Присвоение звания «Почетный гражданин города Архангельска», июнь 2001 г.

С племянницами, апрель 2003 г.

М.В. Пиккель дома, апрель 2003 г.

М.В. Пиккель
с В.Н.Королевой, 2005 г.

В гостях у М.В.Пиккель: А.К.Шилов, Е.Н.Сибилева, Л.А.Зубов, Л.А.Заросликова, Г.А.Марголин, 2005 г.

На 95-летию М.В.Пиккель: директор департамента здравоохранения и социального развития мэрии Архангельска Н.А.Макарова, М.В.Пиккель, главный педиатр г.Архангельска Н.В.Цимбаленко, В.Н.Королева, 2006 г.

М.В. Пиккель с Е.Н.Сибилевой и В.И.Макаровой, 2007 г.

На 95-летию М.В.Пиккель. Справа от нее: Л.К.Анисимова, В.Н.Королева, Г.Н.Чумакова, слева от нее: Е.Н.Сибилева, Г.С.Жернакова, Л.И.Меньшикова, 2006 г.

Участники научно-практической конференции «I Апрельские чтения», посвященной памяти профессора М.В. Пиккель, СГМУ, 3 апреля 2010 г.

Заведующие педиатрическими кафедрами СГМУ, 2011 г.:
 1 ряд – Е.Н. Сибилева, Г.Н. Чумакова, Л.В. Титова, О.В. Самодова;
 2 ряд – В.И. Макарова, Л.И. Меньшикова, С.И. Малявская; 3 ряд – И.А. Турабов.

Стела «Почетные граждане города Архангельска».

Памятник на могиле М.В.Пиккель (скульптор Н.К.Шек).

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МАРИИ ВЛАДИМИРОВНЫ ПИККЕЛЬ

3 апреля 1911 г. – родилась в г. Гатчина Петербургской губернии в семье военного врача; названа Мария-Дагмара в честь крестной – императрицы Марии Федоровны Романовой.

1918 год – смерть младшей сестры и мамы.

1928 – 1930 гг. – переезды семьи в связи с арестом и ссылкой отца на Соловки.

1930-1936 гг. – работа медсестрой в Локнинской больнице (Тверская область) под руководством отца – главного врача больницы.

1936-1938 гг. – переезд к родственникам в Архангельск, обучение на Рабфаке.

1938-1942 гг. – обучение в Архангельском государственном медицинском институте (АГМИ).

1942-1947 гг. – работа ординатором детского отделения 1-й городской клинической больницы и врачом детских яслей в г. Архангельске.

1943 г. – смерть старшей сестры, начало опеки над 6 племянниками.

1944-1945 гг. – начало работы на кафедре педиатрии АГМИ: первое научное исследование – обобщение опыта лечения «номы» у детей сульфизином в сочетании с переливанием крови; первый доклад на научном обществе врачей и первая публикация в научном журнале.

1945 г. – награждена медалями «За трудовое отличие» и «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.».

1947 г. – защита в Казани кандидатской диссертации на тему «Рахит у детей – дистрофиков» (научный руководитель – заведующий кафедрой педиатрии АГМИ, профессор Ю.В. Макаров).

1947 г. – смерть отца.

1947 – 1954 гг. – работа в должности ассистента кафедры педиатрии АГМИ.

1950 г. – специализация по диагностике и лечению туберкулезного менингита в клинике проф. Д. С. Футера (Москва).

1954 – 1965 гг. – работа в должности доцента кафедры педиатрии АГМИ: организация курса детских инфекций; открытие в инфекционной больнице «кишечного отделения для детей от 3-х месяцев до 1 года» и менингитного отделения.

1955 г. – утверждена в ученном звании доцента.

1958 г. – награждена медалью «Отличник здравоохранения».

1965 г. – замужество (супруг – Александр Григорьевич Марголин, доцент кафедры неврологии АГМИ).

1966 г. – защита в Ленинграде докторской диссертации «Туберкулезный менингит, его клинические формы при современных методах лечения» (научный руководитель – проф. Д. С. Футер).

1968 г. – утверждение в ученном звании профессора

1965 – 1978 гг. – заведование кафедрой педиатрии АГМИ.

1971 г. – награждена орденом «Знак Почета».

1972 г. – открытие новой Архангельской областной детской клинической больницы на 480 коек (при личном содействии в качестве депутата городского совета депутатов трудящихся).

1978-1988 гг. – работа в должности профессора-консультанта кафедры педиатрии АГМИ.

1979 г. – открытие педиатрического факультета в АГМИ.

1980 г. – начало творческой работы над переводами иностранной поэзии (с немецкого, французского, английского языков) на русский язык; публикации переводов.

1994 г. – издание сборников «Отражения» (из лирики зарубежных поэтов – переводы с немецкого, французского, английского) и «Часослов».

1996 г. – издание сборников «Ручей жизни» (переводы Р.М. Рильке с немецкого и французского) и «Дуинские элегии» (Р.М. Рильке, перевод с немецкого), издание монографии «Туберкулезный менингит, клинические формы при современных методах лечения».

1998 г. – издание Северо-западным книжным издательством сборника «Рильке. Избранная лирика».

2001 г. – присвоено звание «Почетный гражданин города Архангельска».

2003 г. – издание сборника «Искры» (переводы с английского, французского, немецкого языков).

14 января 2008 г. – скончалась.

Похоронена на Вологодском кладбище г. Архангельска.

МЕДИЦИНСКАЯ ДИНАСТИЯ СЕМЬИ МАРИИ ВЛАДИМИРОВНЫ ПИККЕЛЬ

Пиккель Владимир Эрнестович – отец (1869–1947 гг.), выпускник Военно-медицинской академии в г. Петербурге, военный врач Кирасирского полка, врач в Гатчине, главный врач в Локне; переводчик медицинской литературы; с 1936 по 1945 гг. – педиатр Единого Диспансера в Архангельске.

Пиккель (Иванова) Надежда Владимировна – сестра (1896–1943 гг.), медсестра военных госпиталей и детской лечебницы для хронических больных детей в Гатчине. Окончила 2 курса Петербургского медицинского института, затем заочно Ленинградский институт иностранных языков, с 1936 г. работала в Архангельском педагогическом институте преподавателем иностранного языка.

Пиккель Вера Андреевна – племянница (1930 г.р.), врач-педиатр, заведующая отделением Пятигорской детской больницы.

Иванов Николай Александрович – муж сестры Надежды Владимировны (1902–1980 гг.), военный санитарный врач, участник ВОВ, главный врач Дома санитарной культуры в г. Архангельск.

Иванова Валла Николаевна – племянница (1925–2005 гг.), инструктор по лечебной физкультуре в госпиталях, участница ВОВ, выпускница Ленинградского института физкультуры им. Лесгафта, заведующая кафедрой теории физкультуры в Архангельском государственном педагогическом институте; инструктор по лечебной физкультуре в реабилитационном центре ОВФД г. Архангельска.

Иванова Татьяна Николаевна – племянница (1926 г.р.), врач-кардиолог, заведующая кафедрой факультетской терапии АГМИ (1965–1997 гг.), профессор, почетный доктор СГМУ.

Иванова Алла Федоровна – жена племянника (1934 г.р.), врач-педиатр, главный педиатр г. Пущино Московской области, Почетный гражданин г. Пущино, заслуженный врач России.

Камалутдинов Станислав Рашитович – внук (1953 г.р.), судовой врач, врач Архангельской станции скорой медицинской помощи.

Волкова Анна Александровна – правнучка (1987 г.р.), студентка РГМУ.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>В.Н. Чиркова, Т.Н. Иванова</i> На всю оставшуюся жизнь	3
Из воспоминаний М.В. Пиккель	9
Стихи М.В. Пиккель	25
Обращение М.В. Пиккель к будущим педиатрам	36
Аннотация кандидатской диссертации М.В. Пиккель	37
Аннотация докторской диссертации М.В. Пиккель	38
<i>В.Н. Королева</i> Высокая духовность и жизнелюбие	39
<i>Н.И. Батыгина</i> Эта светлая часть пути	42
<i>Е.Н. Сибилева</i> Основоположник педиатрической школы на Европейском Севере ..	45
<i>В.И. Макарова</i> «Учитель, перед именем твоим позволь смиренно преклонить колени...»	47
<i>В.А. Терновская</i> Мой учитель	49
<i>С.И. Малявская</i> История педиатрического образования на Европейском Севере России	50
<i>А.С. Кирсанова</i> Моё профессиональное становление	62
<i>А.К. Шилов</i> Я начинаю всё сначала	65
<i>В.З. Волков</i> След в жизни	68
<i>Р.А. Шаферова</i> Студенческие годы	72
<i>Л.И. Меньшикова</i> Легенда педиатрии	73
<i>Г.П. Смирнова</i> Встречи с удивительным человеком	74
<i>В.Н. Румянцева</i> Отпеваю ее в своем сердце	75
<i>А. Юрьева</i> Крестница императрицы, врач и поэт	77
<i>Л. Егорова</i> Мудрый и светлый человек	78
<i>С. Владимиров</i> О жизнь! О время, полное чудес... ..	79
<i>Я. Вильгельм</i> Переводчица одного поэта	81
<i>Г. Чистяков</i> Настоящее чудо	83
<i>Т. Криничная</i> «Орфей» и его переводчик	84
<i>В. Кибирев</i> Женщина, излучающая свет	86
Библиографический указатель (составители: <i>Г.Б. Чецкая, М.В. Симоненко, С.С. Сипягова</i>)	87
Фотоматериалы	93
Основные этапы жизни и деятельности М.В. Пиккель	149
Медицинская династия семьи М.В. Пиккель	151